

СОДЕРЖАНИЕ

(буква Вашего CD-ROM\DOCS\sod-2012-1.doc)

Наименование статьи	№ Стр.	Файл (буква Вашего CD-ROM\DOCS\)
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ		
<i>История и практика архивного дела и делопроизводства</i>		
В.Д. Морозов. Костромские архивы в эвакуации	3	Art-2012-1-2-1
П.М. Петров. Совершенствование обеспечения деятельности архивных учреждений Московской области в условиях административной и бюджетной реформ	11	Art-2012-1-2-2
Н.П. Матханова. Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в.	16	Art-2012-1-2-3
А.М. Шарипов. Из истории публикации творческого наследия И.А. Ильина	23	Art-2012-1-2-4
Е.Л. Киселева. Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен	29	Art-2012-1-2-5
Д.В. Володин. Концепция ЕСМ как передовая технология управления информационными ресурсами организации	35	Art-2012-1-2-6
<i>В фондах российских архивов</i>		
А.В. Воробьев. Уложение по организации губного дела 1600/01 г. о делопроизводстве московских приказов и фискальной политике Бориса Годунова	45	Art-2012-1-2-7
О.П. Коломиец. Документы Госархива Чукотского автономного округа по истории торговли коренного населения Чукотки с американскими компаниями в конце XIX – первой четверти XX в.	55	Art-2012-1-2-8
А.С. Касанов. Документы Госархива Кировской области по истории общественных организаций в Вятско-Камском регионе (последняя четверть XIX – начало XX в.)	61	Art-2012-1-2-9
Игумен Дамаскин (Орловский). Дела по обвинению духовенства и верующих Московской епархии в архивном фонде УКГБ по г. Москве и Московской области	67	Art-2012-1-2-10
<i>Представляем архив</i>		
И.А. Васильева. Кисловодский муниципальный архив	73	Art-2012-1-2-11
* * *		
«Реализация Стратегии развития архивного дела в СКФО будет способствовать укреплению сотрудничества архивистов округа». Интервью Е.И. Долговой	87	Art-2012-1-2-12
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ		
«Я ведь действительно историк...» Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г. Публ. В.В. Тихонова	93	Art-2012-1-3-1
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ		
В.П. Козлов. Между молотом и наковальней. Союз советских писателей: Док. и коммент. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г.	117	Art-2012-1-4-1

Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова. Сохрани мои письма... Сб. писем и дневников евреев Периода Великой Отечественной войны	121	Art-2012-1-4-2
ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА		
<i>Конференции, совещания, семинары</i>		
Т.И. Бондарева. Образован Общественный совет при Федеральном архивном агентстве	125	Art-2012-1-5-1
Е.В. Маслова. «Внедрение новейших информационных технологий в практику работы архивов»	126	Art-2012-1-5-2
Л.А. Растегина. «75 лет Волгоградской (Сталинградской) области: история и современность»	127	Art-2012-1-5-3
Л.А. Иванова. Рисунки и автографы представителей русского авангарда возвращаются в Россию	128	Art-2012-1-5-4
Т.И. Мирошникова. В Госархиве Красноярского края	129	Art-2012-1-5-5
А.В. Махкамов. «Поэт Сергей Есенин на Востоке»	130	Art-2012-1-5-6
М.В. Ларин. II конференция архивов славянских стран и заседание Международного института архивоведения	131	Art-2012-1-5-7
<i>Выставки</i>		
Н.Ю. Болотина; Л.И. Петрушева; А.С. Емельянов. Архивы представляют	134	Art-2012-1-5-8
* * *		
Г.В. Нагорничных. Архивисты – дипломанты «Краеведческого марафона-2011» в г. Кирове	137	Art-2012-1-5-9
Памяти Т.В. Кузнецовой	138	Art-2012-1-5-10
Наши авторы	139	Avtor-2012-1
Аннотации	140	Ann-2012-1
Summary	141	Sum-2012-1

Аннотации

Костромские архивы в эвакуации, В.Д. Морозов

Представлена история эвакуации в годы Великой Отечественной войны в Казань Костромского филиала Госархива Ярославской области, а также повседневной жизни архивистов.

Совершенствование обеспечения деятельности архивных учреждений Московской области в условиях административной и бюджетной реформ, П.М. Петров

Названы меры, предпринятые Главархивом Московской области, по повышению качества и доступности государственных услуг, внедрению принципов и процедур управления архивными учреждениями по результатам.

Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в., Н.П. Матханова

Обозначены наиболее острые проблемы научной публикации мемуаров XIX в.: отсутствие учета вышедших в свет изданий, механическая републикация текстов, преобладание популярных изданий над научными, несоблюдение публикаторами правил издания исторических документов и др.

Из истории публикации творческого наследия И.А. Ильина, А.М. Шарипов

Обозначены основные вехи публикации творческого наследия русского философа, в том числе в продолжающемся с 1993 г. Собрании сочинений (21 том в 28 книгах), при подготовке которого широко используются документы из архива И.А. Ильина.

Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен, Е.Л. Киселева

Обобщены результаты источниковедческого анализа трех документов из фонда ЧГК в Государственном архиве Российской Федерации, два из которых автору удалось атрибутировать (книга лазарета Шталага 352 и фрагмент книги регистрации крематория отделения «Гузен» концлагеря «Маутхаузен»), показано их значение для установления судеб узников.

Концепция ЕСМ как передовая технология управления информационными ресурсами организации, Д.В. Володин

Дан подробный анализ основных положений концепции «Enterprise Content Management» (ЕСМ) как универсального подхода к управлению всеми видами информационных ресурсов организации, а также обоснованы необходимость и возможность ее применения в нашей стране.

Уложение по организации губного дела 1600/01 г. о делопроизводстве московских приказов и фискальной политике Бориса Годунова, А.В. Воробьев

Подведены итоги источниковедческого анализа Уложения по организации губного дела начала XVII в. по сохранившемуся в Российском государственном архиве древних актов тексту подлинной указной грамоты губным старостам от 14 октября 1601 г.

Документы Госархива Чукотского автономного округа по истории торговли коренного населения Чукотки с американскими компаниями в конце XIX – первой четверти XX в., О.П. Коломиец

Представлены состав и информационные возможности архивных документов о развитии торговых и экономических отношений на Чукотском полуострове и роли в этом процессе государства: Российской империи, а затем советской России.

Документы Госархива Кировской области по истории общественных организаций в Вятско-Камском регионе (последняя четверть XIX – начало XX в.), А.С. Касанов

Рассмотрены виды и источниковый потенциал документов ГАКО, позволяющих воссоздать историю возникновения и развития общественных организаций в Вятской губернии пореформенного периода: их состав, деятельность, отношения с государством и др.

Дела по обвинению духовенства и верующих Московской епархии в архивном фонде УКГБ по городу Москве и Московской области, игумен Дамаскин (Орловский)

Раскрыты организация и результаты анализа хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации судебно-следственных дел по обвинению православного духовенства и верующих (1918–1950 гг.).

Кисловодский муниципальный архив, И.А. Васильева

Освещены история, состав фондов и основные направления деятельности архивного отдела администрации городского округа города-курорта Кисловодска.

«Я ведь действительно историк...» Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г., В.В. Тихонов

Впервые опубликованы письма известного историка, лектора в Действующей армии В.И. Шункова сотруднику Комиссии по истории Великой Отечественной войны, доктору исторических наук А.Л. Сидорову и его жене Г.В. Лебедевой, редактору «Исторического журнала», содержащие сведения о пропагандистской и лекторской работе в войсках, быте населения в странах освобожденной Европы, суждения об исторической науке, роли периодической печати на войне.

Костромские архивы в эвакуации

Ключевые слова: эвакуация архивов, Великая Отечественная война, Костромской филиал Государственного архива Ярославской области, Государственный архив Костромской области, Н.Д. Мачтин.

История эвакуации архивов в годы Великой Отечественной войны давно привлекает исследователей¹. Однако повседневная жизнь архивистов, отправившихся вместе с документами в установленные места дислокации, представлена главным образом их воспоминаниями². Существенно дополнить эту картину может корпус источников, хранящихся в Государственном архиве Костромской области (ГАКО)³. Они позволяют восстановить страницы истории эвакуации не только Костромского архива, но и части документов Выборгского филиала Центрального государственного архива Карело-Финской ССР, Петрозаводского и Мурманского облгосархивов.

В сентябре 1941 г. начальнику Костромского филиала Государственного архива Ярославской области (ныне – ГАКО) Анатолию Алексеевичу Захарову поступила директива с грифом «секретно» из архивного отдела Управления НКВД по Ярославской области (Кострома входила в ее состав до августа 1944 г.), в которой предписывалось «немедленно провести работу по отбору и обеспечению сохранности от вражеских налетов, диверсий и т.п. наиболее ценных документальных материалов». Разъяснялось также, что именно подлежало первоочередной эвакуации: «...а) документальные материалы, характеризующие обороноспособность советского государства, и все материалы, содержащие в себе сведения оборонного и военно-стратегического характера, могущие быть использованными во вражеских целях против советского государства; б) все материалы, имеющие оперативно-чекистское значение, а также списки и картотеки на шпионов, провокаторов, диверсантов, чинов полиции, жандармерии и другие контрреволюционные элементы; в) все наиболее ценные в научно-историческом отношении фонды, части фондов или отдельные документы». Следовало заготовить тару и упаковочные материалы, а план эвакуации, списки эвакуируемых сотрудников архива и их семей с заявками на транспорт согласовать с соответствующими местными органами. В случае невозможности осуществить эвакуацию «все документальные материалы, могущие быть использованными во вражеских целях против советского государства, а также справочный аппарат и делопроизводство самого государственного архива» подлежали уничтожению⁴.

Точные указания по этому вопросу содержались в полученной 20 октября А.А. Захаровым из архивного отдела УНКВД по Ярославской области новой директиве под грифом «совершенно секретно». В ней было написано, что «если не удастся по каким-либо причинам произвести эвакуацию, то необходимо сжечь все делопроизводство» архива, личные дела сотрудников, «все материалы оперативно-чекистского и военно-стратегического характера (секретные фонды), весь картографический материал (геологические, экономические, географические и т.п. карты). Материалы, имеющие только научно-историческое значение, уничтожать не следует, но необходимо их рассредоточить и укрыть»⁵. Позднее, 8 декабря, пришло уточнение: «...остающиеся в государственном архиве и архивах учреждений документальные материалы следует приводить в беспорядочное состояние, а материалы

секретные, оборонного и военно-стратегического характера (если их не удалось почему-либо эвакуировать) – сжигать»⁶.

Эвакуировать «в связи с угрожаемым военным положением города Костромы» секретные и наиболее ценные документы Костромского архива надлежало в г. Казань. Туда же следовало отправить прибывшие в сентябре в Кострому документы Петрозаводского и Мурманского облгосархивов и Выборгского филиала ЦГА Карело-Финской ССР⁷. 15 ноября начальник станции Кострома получил распоряжение предоставить Костромскому филиалу госархива пять крытых товарных вагонов, включая теплушку для сотрудников⁸. Уже 21 ноября в Казань отправили упакованные в ящики и мешки все секретные фонды Костромского архива, архивные документы геологической лаборатории, Костромского научного общества, Буйского и Нескучного химзаводов, газетно-партийной школы, Костромского горисполкома и горсовета, губсовнархоза, часть научно-справочной библиотеки и картографические материалы (133 фонда, 60 тыс. ед. хр., или 373 места), а также часть документов Выборгского (51 место), Петрозаводского (196 мест) и Мурманского (286 мест) архивов⁹. Сопровождали ценный груз старший научный сотрудник Костромского архива Николай Дмитриевич Мачтин¹⁰ с женой и дочерью, младший архивно-технический работник этого же архива Лидия Васильевна Шанова, старший архивно-технический работник Выборгского архива Анна Васильевна Осипова и заведующий отделом секретных фондов Петрозаводского архива Нина Михайловна Семкина¹¹.

Первый вагон прибыл в Казань 24 декабря. Зима в тот год была холодной и снежной. Машины из-за заносов в городе буксовали. Измученным в дороге архивистам предложили выгружаться ночью, а когда они наконец легли спать рядом с привезенными ящиками и мешками, то угорели от неправильно истопленной печи. Все женщины были в обмороке. К

Здание бывшей старообрядческой церкви, где в годы войны находились документы эвакуированных госархивов. Казань. Сентябрь 2011 г.

двоим из них выезжала «скорая помощь». Тем не менее следующим вечером ценой невероятных усилий вагон разгрузили. Остальные вагоны прибыли 29 декабря. Под выгрузку их подали 9 января 1942 г., а выгрузили лишь 17-го.

Н.Д. Мачтин в письме начальнику отдела госархивов УНКВД по Ярославской области лейтенанту госбезопасности А.Г. Цветкову весной 1942 г. так описывал эти дни: «Ямпольская¹² приняла очень плохо. Первое время думалось, что нас отправят дальше в Свердловск. Благодаря кабинетному руководству вагоны десять дней ожидали на путях подачи к выгрузке, а меня Ямпольская по нескольку раз в день гоняла из своего кабинета в кабинет начальника станции Казань, который мне прямо заявил, что он со мной говорить не будет. После подачи вагонов Ямпольская предложила мне нанимать, искать и оплачивать рабочих. Совершенно не имея средств, я отказался. Выгрузка шла безобразно медленно, иногда с перебоями. От Ямпольской пришлось услышать ряд очень плохих и бранных эпитетов. Пришлось за содействием к секретарю Казанского горкома ВКП(б). После звонка последнего я был вызван заместителем наркома НКВД и получил хорошую нотацию за то, что хожу жаловаться в парторганизацию». В письме Мачтина содержалась также просьба «через областные организации обеспечить сохранение» за ним до возвращения в Кострому комнаты 15,5 кв. м по ул. Козуева, д. 3/46, кв. 58¹³.

22 января документы разместили в трехэтажном здании бывшей старообрядческой церкви (ее занимал общий архив Исторического архива Татарской АССР). Секретные материалы расположили на третьем этаже; ящики с документами расставили по три-четыре в ряд так, чтобы ими можно было пользоваться. В проходах первого этажа сложили штабелями в мешках и ящиках документы Выборгского, Петрозаводского, Мурманского и часть Костромского архивов и таким же образом в проходах второго этажа – материалы горрайотделов НКВД по Мурманской области, часть документов Костромского архива. Пользоваться документами на этих двух этажах было крайне сложно.

Казанские коллеги приходили сюда редко, лишь по мере необходимости. В ночное время и в дни отдыха помещение охранялось сторожами. Одну из бывших рабочих комнат площадью 40 кв. м с 8-метровым потолком, двумя громаднейшими церковными окнами и печью, обложенной круглой жостью, эвакуированные оборудовали под общежитие. Теперь она стала их жилищем, причем без всяких перегородок. Комната давно не отапливалась, а на январь–март выделили всего два кубометра дров. Приходилось постоянно ходить в валенках, шапках и пальто.

Пятнадцатилетняя дочь Мачтиных получила воспаление легких и плеврит, 2 января ее отправили в больницу, а 7 марта она умерла. Ее удалось похоронить лишь через десять дней. Разгрузка вагонов, угар, болезнь и смерть дочери сказались на здоровье жены Николая Дмитриевича: у нее случилось два сердечных приступа.

25 января архивисты смогли начать свою работу. Часть ящиков при выгрузке разбилась; из шести вывалились и перемешались документы (в том числе секретные) Костромского, Мурманского и Петрозаводского архивов. Основное время уходило на приведение материалов в порядок и исполнение справок, которые оформлялись через отдел госархивов НКВД Татарской АССР.

Всем работникам выдали пропуска в магазин и столовую. По продовольственным карточкам в день полагалось 400 г хлеба¹⁴ (первая категория служащих получала тогда в Казани по 500, а иногда 600 г, научные сотрудники архива в Костроме – по 500, Иванове и Ярославле – 800 г). Просьба увеличить эвакуированным архивистам паек до первой категории служащих не была удовлетворена. На мелкие хозяйственные расходы периодически высылались небольшие авансы, но их хронически не хватало. Зарплату, с

задержками, до второй половины марта получали из Костромы. А затем Ярославский облфинотдел запретил переводить деньги, указав, что «расходы по содержанию эвакуированных учреждений несет тот облфинотдел, на территории которого эти учреждения находятся»¹⁵. Наркомфин Татарской АССР в свою очередь, ссылаясь на постановление СНК СССР о порядке финансирования эвакуированных по месту их эвакуации, тоже отказал в отпуске средств. В письме ярославским коллегам-финансистам он объяснил: «...расходы на содержание государственных архивов на 1942 г. предусмотрены полностью по проекту бюджета вашей области, поэтому финансирование эвакуированного из города Костромы в Татарскую АССР госархива должно осуществляться непосредственно вами»¹⁶.

Н.Д. Мачтин, живя фактически без зарплаты, был вынужден писать об этом докладные записки своему начальству: и в Ярославль, и в Кострому¹⁷. В итоге руководство все-таки приняло решение по-прежнему переводить деньги из Ярославля. Однако из-за задержек с перечислением эвакуированные нередко оказывались без средств к существованию.

Неприятности и трудности на этом не прекратились. 3 апреля 1942 г. Мачтин получил уведомление Ленинского райкомхоза г. Костромы о том, что выданная ему при выезде из Костромы бронь на его комнату аннулируется. Чиновники ссылались на постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г., согласно которому эвакуированные рабочие и служащие получали жилплощадь на новом месте жительства, а их прежние квартиры предоставлялись через исполкомы местных Советов в первую очередь рабочим и служащим оборонных предприятий, оставшихся в данном городе. В постановлении подчеркивалось, что «практика бронирования жилья по старому месту жительства для эвакуированных мешает делу закрепления рабочих и служащих на новом месте работы»¹⁸. Мачтину не удалось доказать, что он обязан по первому распоряжению возвратиться вместе с архивами в Кострому, и его комнату заселили новыми жильцами. Отчаявшись, он написал в отдел госархивов УНКВД по Ярославской области об условиях хранения костромских документов в Казани. А.Г. Цветков доложил полученную информацию в Москву начальнику Управления государственными архивами НКВД СССР майору госбезопасности И.И. Никитинскому. Это возымело действие. 29 апреля 1942 г. в архив пришла начальник Центрального госархива ТАССР М.Н. Олимпова¹⁹, показала Мачтину отдельную комнату с четырьмя стеллажами, обещая ее освободить. Костромские архивисты тотчас начали выносить хранившиеся там документы и вносить свои, чтобы получить пусть крошечное, но собственное отдельное помещение.

Вставать приходилось рано, поскольку пишущей машинкой можно было пользоваться только с 7 до 9 часов утра, а затем ее возвращали казанским хозяевам. На ней Мачтин печатал карточки для картотек: «Участники – руководящий состав и члены антисоветских политических партий», «Работники тюрем, суда и прокуратуры Костромской губернии в 1915–1916 гг.». Карточки же на личный состав дореволюционных учреждений, ответы на запросы и многое другое днем писали чернилами. Все вечера, обычно до 22 часов, уходило на стояние в очередях в столовой и магазине. Более половины рабочего времени отнимали хозяйственные хлопоты.

Тара, в которой перевозились документы, требовала ремонта. На всех вязках шпагат ослаб, на каждой пятой порвался. Более половины ярлыков потерялось. Всем этим надо было тоже заниматься, однако средства на ремонтные работы выделялись минимальные.

Вызывала тревогу предстоящая зима 1942/43 г. Мачтин писал начальнику отдела госархивов УНКВД по Ярославской области А.Г. Цветкову: «Комната, в которой мы живем, для второй зимовки, да при очень скудном количестве дров, будет непригодна, и если нет надежды на возвращение в Кострому, то необходимо: 1) начать заботы о подыскании квартиры; 2) изыскивать пути обеспечения себя топливом на зиму; 3) для обеспечения

условий своего существования в дальнейшем хлопотать о семенах и земле для индивидуальных огородов»²⁰.

В сентябре 1942 г. с трудом, после больших хлопот, Николаю Дмитриевичу удалось получить от гортопа Казани наряд на десять кубометров дров со склада в десяти километрах от города. Стоимость дров (523 руб.) также удалось оплатить, а вот доставка превратилась в проблему. Найти транспорт оказалось чрезвычайно трудно. Схожая ситуация была и с ящичным тесом для ремонта тары. Мачтин получил наряд на 4 кубометра. Стоимость теса (480 руб.) оплатил, однако доставить его со склада, расположенного в шести километрах от города, не удавалось. Возникла угроза аннуляции наряда. В поисках транспорта Мачтин дошел до СНК ТАССР, но безуспешно. Оставалось одно: брать частника, оплачивая доставку по 100 руб. с кубометра. Но средств на это не было. В итоге вместо дров получили лишь отходы с лесозавода.

Ремонт тары пришлось начинать материалами от битых ящичков. Каждый ящик требовал замены сломанных досок, крепления и изготовления новой крышки; гвозди использовались старые.

Непомерные нагрузки сказались на здоровье Мачтина. Выхлопотав пропуск в санчасть при НКВД ТАССР, он получил медицинскую помощь без предоставления медикаментов. Тем не менее с него потребовали 204 руб. (Администрация, инспектора и научные сотрудники Центрального госархива ТАССР имели постоянные пропуска в санчасть, и стоимость оказания им медицинской помощи оплачивалась по смете. На эвакуированных подобные расходы не предусматривались.) В конце концов счета оплатили по другой статье (прочие расходы).

Осенью 1942 г. Л.В. Шанова получила долгожданный отпуск в Кострому. Об отпуске для Мачтина не могло быть и речи. Николай Дмитриевич просил костромское руководство хотя бы зачислить в штат архива старшим архивно-техническим работником его жену (с мая 1942 г. она замещала аналогичную должность в отделе госархивов НКВД ТАССР), но тщетно.

В январе 1944 г. Н.Д. Мачтин представил новому начальнику Костромского филиала Ярославского облгосархива Антонине Александровне Кудряковой (она сменила А.А. Захарова 25 декабря 1943 г. в связи с его болезнью и выходом на пенсию) по ее распоряжению план подготовки документов архива к реэвакуации и смету расходов²¹. Кроме того, в письме, датированном 25 января 1944 г., Мачтин обратился к «тов. Кудряковой» за помощью: «Я прошу вернуть мне мою ранее занимаемую комнату, в крайнем случае, равнозначную, а именно: 1) Центр города. 2) Электричество. 3) Площадь 18 кв. м с прихожей и кухней, где бы можно было поместить часть вещей. 4) Теплая уборная. 5) Водопровод в квартире. Центральное отопление не обязательно...»²².

Началась подготовка к реэвакуации. Пригодные ящички ремонтировались самими архивистами. Вот что Мачтин сообщал об этом в феврале 1944 г. в Кострому: «Для ремонта и поделки ящичков найти плотников очень трудно. Называя себя плотниками, было несколько человек, но они просят по 20–25 руб. за ящик, заявляя: “Хлеб на базаре 2 килограмма 250 руб., нам в день нужно заработать 300 руб. на двоих”. Я решил уговорить Шанову работать на условиях сметы в неуточное время и дни отпуска. За два дня отдыха она отремонтировала 5 ящичков, но думаю, что разойдется и до 5–7 ящичков догонит, тем более что будет работать с новым гвоздем (на базаре было куплено 10 килограмм гвоздей)»²³. В ответ руководство потребовало оформить гвозди по смете. Поскольку в магазинах их не было и приобретались они на базаре, где счета не выписывались, товар пришлось вернуть.

Тарной базы в Казани в то время не существовало, а тарные мастерские в годы войны прекратили работу из-за отсутствия материалов. На тарных базах торгующих организаций

ящики приобрести не удалось: они требовались им самим. В результате примерно треть секретных фондов пришлось реэвакуировать в открытых ящиках и четверть – без тары. Из-за этого стоимость транспорта для доставки документов на станцию Казань значительно выросла, ибо в машину их нельзя было грузить без тары выше линии кузова.

О желании как можно скорее вернуться в Кострому свидетельствует письмо Мачтина к А.А. Кудряковой: «Как Вам известно, в настоящих условиях огород для каждого является неотъемлемым. По имеющимся данным, думать нам об огородах в Казани не приходится, а потому наша просьба перебросить нас в Кострому до начала посадки огородов». И в конце письма приписка: «Антонина Александровна! Плоховато, что сильно задерживается зарплата. Сегодня 15 февраля, а мы за вторую половину января зарплату не получали. Что возможно, прошу сделать. Мачтин»²⁴.

Однако вернуться домой до посадки огородов не получилось. 26 апреля 1944 г. в Кострому ушло очередное письмо: «Теперь для меня вопрос ясен, что я остался без огорода и даже после Вашего [письма] № 25 стал несколько сомневаться в возможности реэвакуации. Еще раз сообщаю, что условия работы, в которые я поставлен, для меня непосильны. Для наведения справок по получаемым запросам приходится ворочать и вскрывать груженные ящики. По состоянию здоровья работа непосильна, а если таковая будет продолжаться и дальше, то возможно придется вынужденно ставить вопрос об освобождении от работы вопреки своих желаний»²⁵.

О том, с какими трудностями было сопряжено исполнение запросов, говорит докладная записка Мачтина начальнику отдела госархивов УНКВД по Ярославской области А.Г. Цветкову от 4 февраля 1944 г.: «...бывшие финляндские подданные Айрола-Иокела Карловна и брат ее Иокела Пенты Карлович в числе иностранцев, проживающих на территории ранее Костромской губернии, по черновой картотеке не значатся. Архивные материалы Костромского губисполкома хранятся в ящиках в общем штабеле с мурманскими. В тесном проходе хранилища нужно из общего штабеля отобрать ящики губисполкома в количестве 70 штук и из них примерно 50 % вскрыть, что, конечно, потребует большой траты времени, ломки ящиков и рабочей силы со стороны, ибо в штабеле имеются ящики весом до 180 кг. Топографический справочник по фондам находится в Костроме, а потому, чтобы найти описи губисполкома, а по ним у нас определить номер ед. хр. для просмотра, необходимо вскрыть 19 ящиков с описями и все описи перебрать, что также даст бой ящиков. Настоящая справка потребует большой задержки в ее исполнении, затраты 60–80 руб. на оплату рабочих для отбора и уборки ящиков, увеличения ремонта ящиков на 12–15 штук по 5–6 руб. каждого. Если имеется хотя бы малейшая возможность, то прошу разрешить наведение данной справки отложить исполнением до возвращения в Кострому»²⁶.

Ответ А.Г. Цветкова от 17 февраля был по-военному краток: «Предлагаю срочно исполнить»²⁷. 4 марта Мачтин доложил об исполнении: архивная справка в соответствии со всеми нормативными требованиями была подготовлена, информация о проживавших с 1918 по 1928 г. в г. Буге «бывших финляндских подданных» представлена.

Зарплату по-прежнему задерживали. Команда же о реэвакуации все не поступала. Наконец на основании распоряжения начальника УНКВД по Ярославской области комиссара госбезопасности Губина от 2 июня 1944 г. нарком внутренних дел ТАССР пообещал в конце июня или начале июля предоставить Мачтину три вагона, машины и рабочих для отправки документов в Кострому. Архивные материалы Мурманской и Петрозаводской областей планировали реэвакуировать позже.

20 июня 1944 г. Мачтин обратился к начальству с просьбой выслать необходимые для реэвакуации средства и помочь с предоставлением жилья в Костроме: «...прошу Вас

поспешить срочной высылкой недостающих средств телеграфом. Все данные расходы будут производиться по госрасценкам и оправданы счетами госучреждений. По опыту следования из Костромы можно предполагать, что в дороге придется быть 25–30 дней, а потому прошу выслать и зарплату за июнь. Сюда ехал 38 дней. К 15–20 июля прошу обеспечить получение квартиры, ибо иначе придется временно занимать комнату в архиве, а потом вторично тратить средства на перевозку»²⁸.

Архивные документы возвращались к месту постоянного пребывания...

* * *

В сентябре 2011 г. в дни работы Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве в г. Казани костромские архивисты побывали у здания бывшей старообрядческой церкви, где в 1941–1944 гг. самоотверженно трудились их земляки.

¹ Цаплин В.В. Подвиг архивистов // Советские архивы. 1968. № 3. С. 63–70; Копылова О.Н. К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Там же. 1990. № 5. С. 37–44; Малинкин Е.М. Архивы города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 20–26; и др.

² Ильинская Л.Н. В эвакуации // Советские архивы. 1985. № 2. С. 46–48; Зелов Н.С. Из воспоминаний архивистов // Там же. С. 48–51; и др.

³ ГАКО. Ф. Р-34 «Государственный архив Костромской области».

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 29–30.

⁵ Там же. Д. 54. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 58. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 54. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 58. Л. 7, 11.

¹⁰ Николай Дмитриевич Мачтин, 1894 г.р., с 1940 г. старший научный сотрудник Костромского филиала Государственного архива Ярославской области, с 1945 г. начальник Государственного архива Костромской области. (См.: Ф. Р-2196 «Архивный отдел исполнительного комитета Костромского областного совета народных депутатов». Оп. 1. Д. 11. Л. 65.) Других сведений о Д.Н. Мачтине установить не удалось, так как его личное дело сгорело во время пожара в ГАКО в 1982 г.

¹¹ Там же. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 58. Л. 8.

¹² Александра Ивановна Ямпольская, выпускница Историко-архивного института, в 1939–1953 гг. начальник архивного отдела НКВД–МВД ТАССР. (Подробнее см.: Нерозникова Н.Д. Первые руководители Национального архива Республики Татарстан (1928–1938 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 8–9.)

¹³ ГАКО. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 58. Л. 60–62.

¹⁴ Там же. Л. 59.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 67.

¹⁷ Там же. Л. 66.

¹⁸ Там же. Л. 65.

¹⁹ Мария Николаевна Олимпина, выпускница Историко-архивного института, с 1935 г. директор Исторического архива, в 1941–1954 гг. начальник Центрального государственного архива ТАССР. (См.: Нерозникова Н.Д. Указ. соч. С. 9.)

²⁰ ГАКО. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 58. Л. 83 об.

²¹ Там же. Л. 183–184.

²² Там же. Д. 79. Л. 3–3 об.

²³ Там же. Д. 58. Л. 185–186.

²⁴ Там же. Л. 186 об.

²⁵ Там же. Л. 207 об.

²⁶ Там же. Д. 79. Л. 10–10 об.

²⁷ Там же. Л. 17.

²⁸ Там же. Д. 58. Л. 214.

Совершенствование обеспечения деятельности архивных учреждений Московской области в условиях административной и бюджетной реформ

Ключевые слова: административная и бюджетная реформы, Главное архивное управление Московской области, государственные бюджетные и казенные архивные учреждения.

В период административной и бюджетной реформ, проводимых в Московской области с 2005 г., важнейшими задачами для Главного архивного управления Московской области и подчиненных ему архивных учреждений являются повышение качества и доступности государственных услуг (выполнения работ), внедрение принципов и процедур управления по результатам. Опираясь на Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»¹, они стремятся совершенствовать финансовое обеспечение деятельности архивных учреждений посредством доведения государственного задания, повышать их самостоятельность и ответственность за результаты деятельности, а также качество и доступность предоставляемых услуг для граждан и юридических лиц.

С 2007 г. Главархивом Московской области разработаны 16 административных регламентов, тексты которых размещены на его официальном сайте². На федеральном и региональном порталах государственных (муниципальных) услуг обнародован перечень оказываемых Главархивом Московской области услуг: предоставление пользователям в установленном законодательством порядке информации из находящихся в ведении управления государственных информационных ресурсов и информационных систем области, а также аккредитация в соответствии с законодательством Московской области индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в сфере деятельности Главархива. Административные регламенты предоставления услуг утверждены также в 18 муниципальных архивах, а проекты подготовлены еще в тринадцати.

В последние годы на сайтах большинства администраций муниципальных районов и городских округов появились списки фондов муниципальных архивов, формы необходимых для получения справок запросов и заявлений. Для повышения комфортности предоставления услуг в ряде муниципальных образований (Дмитровский, Коломенский, Ленинский, Подольский, Павлово-Посадский, Щелковский районы и др.) архивам предоставлены новые просторные помещения с благоприятными для приема посетителей условиями³. В ходе административной реформы созданы многофункциональные центры (МФЦ) в городских округах Балашиха и Домодедово, готовятся к открытию МФЦ в Воскресенском, Пушкинском, Ступинском, Павлово-Посадском районах. Для выявления степени удовлетворенности граждан деятельностью Главархива и государственных архивов Московской области, в том числе их информационной открытостью, с 2009 г. регулярно проводятся интернет-опросы пользователей. По данным интернет-опроса, проведенного в 2011 г., около 90 % проголосовавших удовлетворены качеством услуги, предоставляемой госархивами Московской области.

В регулировании межбюджетных отношений в сфере архивного дела важную роль сыграл принятый в мае 2007 г. закон Московской области «Об архивном деле в Московской

области»⁴. Он наделил на неограниченный срок органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов области отдельными государственными полномочиями по временному хранению, комплектованию, государственному учету и использованию документов Архивного фонда Московской области и других архивных документов, относящихся к собственности данного субъекта федерации и временно хранящихся в муниципальных архивах. Согласно ст. 17 этого закона, финансирование исполнения государственных полномочий в муниципальных образованиях осуществляется за счет субвенций. Порядок их расходования на очередной финансовый год определяет Правительство Московской области, а Главархив своевременно перечисляет межбюджетные трансферты, контролирует исполнение переданных государственных полномочий, а также расходование выделенных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств. Для этого постановлением правительства области от 29 марта 2010 г. полномочия Главархива расширены за счет разработки и утверждения порядка расходования субвенций бюджетам муниципальных районов и городских округов Московской области на обеспечение переданных государственных полномочий на очередной финансовый год. Кроме того, разработан и утвержден Порядок взаимодействия с уполномоченными органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области при предоставлении межбюджетных трансфертов.

16 сентября 2011 г. Московская областная дума приняла предложенный губернатором Московской области Б.В. Громовым проект закона «О внесении изменений в закон Московской области “Об архивном деле в Московской области”», предусматривавший увеличение объема субвенций 2012 г. на обеспечение переданных государственных полномочий. Теперь объем материальных затрат архивов будет определяться в размере 30 % нормативного годового фонда оплаты труда и начислений на оплату труда работников, обеспечивающих исполнение государственных полномочий, а не в объеме 5 %, как было ранее. Еще одно внесенное в закон дополнение коснулось предоставления архивами государственных и муниципальных услуг в электронной или иной по выбору заявителя форме, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Объем субвенций, перечисленных муниципальным образованиям на исполнение переданных государственных полномочий в архивной сфере, составил в 2008 г. 144 млн 394 тыс. руб., в 2009 г. – 147 млн 364 тыс., в 2010 г. – 108 млн 488 тыс. и в 2011 г. – 119 млн 491 тыс., а в 2012 г. составит 287 млн 38 тыс. руб.

Участие архивистов Московской области в проведении бюджетной реформы, основное направление которой определено постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 г. № 249⁵, потребовало внедрения принципов и процедур государственного управления по результатам с учетом эффективности деятельности, в том числе подведомственных бюджетных учреждений. В 2008 г. приняли долгосрочную целевую программу (ДЦП) «Архивы Подмосковья на 2009–2011 годы». К сожалению, на ее реализацию негативно повлиял финансовый кризис, поэтому на выделенные средства удалось лишь закупить стеллажи, а также компьютерную и репрографическую технику для нового здания государственного архива в микрорайоне Мамонтовка г. Пушкино. Сегодня уже началась разработка целевой программы Московской области «Развитие архивного дела в Московской области на 2013–2015 гг.». С 2009 г. областное архивное управление разрабатывает и реализует ведомственные целевые программы, тексты которых вместе с отчетами об их исполнении размещаются на его официальном сайте.

Финансовое обеспечение деятельности государственных архивных учреждений Московской области в рамках проводимых административной и бюджетной реформ осуществляется на основании бюджетной сметы и государственного задания, объем которого теперь зависит не от исторически сложившихся объемов сметного финансирования, а от планируемых результатов деятельности учреждений, качества оказываемых ими услуг (выполнения работ) и иных факторов по решению архивного управления. С 2009 г. для подведомственных Главархиву Московской области государственных архивов формируются государственные задания на «хранение, комплектование, учет и использование архивных документов, поступивших в учреждение». Именно эта формулировка вошла в Сводный перечень государственных услуг (работ), оказываемых физическим и юридическим лицам государственными учреждениями Московской области за счет средств бюджета Московской области, утвержденный Министерством экономики Московской области, и Перечень государственных работ (услуг), оказываемых государственными казенными учреждениями, находящимися в ведении Главного архивного управления. Оно утвердило форму отчета о выполнении государственного задания и установило сроки его предоставления. Ежеквартально отчеты архивов размещаются на сайте Главархива Московской области.

Потребность в определении типа архивных учреждений возникла в связи с вступлением в силу с 1 января 2011 г. Федерального закона № 83-ФЗ, изменившего сложившуюся систему бюджетных учреждений. В Московской области этот вопрос решали с учетом опыта, накопленного в ходе реализации административной и бюджетной реформ.

Сначала, согласно приказу начальника Главархива Московской области от 1 ноября 2010 г. «О проведении мероприятий по подготовке к созданию казенных учреждений», разработали и утвердили ряд методических документов, в том числе Порядок расчета нормативных затрат на оказание государственных услуг (выполнение работ) и нормативных затрат на содержание имущества государственных учреждений Московской области, подведомственных Главному архивному управлению Московской области; Порядок формирования и финансового обеспечения государственных заданий учреждениями Московской области, подведомственными Главному архивному управлению Московской области; Перечень показателей качества государственной услуги (работы) «Хранение, комплектование, учет и использование архивных документов, поступивших в учреждение»; Нормы потребления товаров и услуг, необходимых для оказания государственных услуг; Нормы затраты на оказание государственных услуг и на содержание имущества государственными учреждениями Московской области «Центральный государственный архив Московской области», «Московский областной архивный центр». Таким образом была обеспечена необходимая нормативная база для формирования государственных заданий.

Затем постановлением Правительства Московской области от 21 июля 2011 г. путем изменения типа государственных учреждений в сфере архивного дела создали два государственных казенных учреждения Московской области – «Центральный государственный архив Московской области» и «Московский областной архивный центр»⁶. 4 августа Правительство Московской области приняло решение создать с 1 января 2012 г. новое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив историко-политических документов Московской области»⁷, обусловленное реализацией Плана действий по выполнению мероприятий для совместных решений в рамках взаимодействия Правительства Москвы и Правительства Московской области в отношении разграничения собственности на архивные документы между городом Москвой и Московской областью. Располагаться новый архив будет в микрорайоне Мамонтовка г. Пушкино; его здание оснащено средствами охранной, пожарной сигнализации, системой принудительной

вентиляции и пожаротушения, а также стеллажами, т.е. готово для нормального функционирования учреждения.

Финансовое обеспечение вновь созданных бюджетного и казенных государственных архивных учреждений отличается от прежних бюджетных. Так, если деятельность казенных учреждений, как и прежних бюджетных, будет финансироваться по смете из бюджета Московской области, т.е. на основании лимитов бюджетных обязательств, то работа бюджетного учреждения – посредством субсидий из бюджета Московской области на обеспечение выполнения государственного задания. Сегодня от Главархива Московской области требуется сформировать в определенных объемах и довести до подведомственного учреждения государственное задание и размер субсидии на его выполнение. Поскольку размер субсидии непосредственно связан с параметрами оказываемых услуг, бюджетное учреждение заинтересовано в увеличении их объема и повышении качества. В свою очередь, поскольку субсидия предоставляется бюджетному учреждению не на общее функционирование, а на финансовое обеспечение выполнения государственного задания, то у Главархива Московской области появляются новые инструменты и направления контроля, ориентированные на результат деятельности подведомственных учреждений.

Таким образом, финансирование государственных бюджетных учреждений зависит от выполнения государственного задания, являющегося неременным условием поступления финансовых средств на его лицевой счет. Что касается государственных казенных учреждений, то и перед ними ставится государственное задание, но его выполнение на обеспечение финансирования их деятельности не влияет.

Имущество казенных и бюджетных учреждений как и прежде останется в собственности Московской области, однако у бюджетного учреждения появилась возможность самостоятельно распоряжаться тем, что находится у него на праве оперативного управления, за исключением особо ценного имущества. Ответственность бюджетного учреждения нового типа по своим обязательствам в сравнении с казенным повышается. Принципы функционирования и правовой статус казенного учреждения остались без изменений, с тем лишь ограничением, что все полученные от его деятельности доходы будут зачисляться в бюджет Московской области. Бюджетному учреждению предоставлено больше свободы и самостоятельности в плане распоряжения закрепленным за ним имуществом и использования финансовых средств, полученных от приносящей доход деятельности.

Принимая решение о реорганизации действующих в Московской области государственных архивов в казенные учреждения, мы исходили из основного предназначения архива: осуществлять комплектование, учет, хранение и использование архивных документов, являющихся государственной собственностью и не подлежащих отчуждению. Запросы органов государственной власти и местного самоуправления, а также социально-правового характера исполняются в соответствии с законодательством Российской Федерации архивами бесплатно. Анализ финансового обеспечения деятельности государственных архивов Московской области показал, что доля полученных ими внебюджетных средств в последние годы не превышала в среднем 10 % от бюджетного финансирования, что не препятствует созданию казенных учреждений. Таким образом, именно эта правовая форма, на наш взгляд, позволит благодаря финансовому обеспечению из бюджета Московской области полностью сохранить сформировавшийся штат государственных архивов и выполнять поставленные перед ними задачи.

Государственный архив историко-политических документов Московской области будет финансироваться за счет субсидий из бюджета Московской области на возмещение нормативных затрат, связанных с оказанием государственных услуг в соответствии с

государственным заданием. Планируется, что сверх того архив станет выполнять работы, оказывать услуги в рамках уставных видов его деятельности. Полученные от оказания платных услуг и иной приносящей доход деятельности средства предполагается использовать на совершенствование материально-технической базы учреждения.

Главархив Московской области с помощью финансовых рычагов продолжит целенаправленную работу по созданию необходимых условий для дальнейшего развития архивного дела в регионе, укрепления его материальной базы и кадрового потенциала, повышения качественного состава Архивного фонда Московской области, всестороннего использования его документов.

¹ Российская газета. 2010. 12 мая.

² См.: официальный сайт Главного архивного управления Московской области, раздел 5.5: <http://gau.mosreg.ru/>

³ Архивная служба Московской области: прошлое, настоящее, будущее // Отечественные архивы. 2007. № 5. С. 53–88.

⁴ Российская газета. 2007. 2 июня.

⁵ Там же. 2004. 1 июня.

⁶ Ежедневные новости. Подмосковье. 2011. 28 июля.

⁷ Там же. 13 августа.

Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в.**

Ключевые слова: мемуары, воспоминания, дневники, правила издания исторических документов, эдиционная практика, републикация, публикатор, археограф.

Мемуары принадлежат к наиболее популярным, изученным и востребованным историческим источникам. Они активно издаются: только в фундаментальном указателе под редакцией П.А. Зайончковского значится более 14 тыс. произведений, опубликованных в России до 1987 г. и охватывающих период с 1801 до 1917 г.¹ После его выхода в свет напечатаны еще десятки аналогичных произведений, причем среди них есть как следующие академическим традициям², так и сводящиеся к перепечатке не лучших изданий XIX в.³ И это не единственная проблема, связанная с публикацией мемуарных источников. В данной статье затронем наиболее острые из них применительно к мемуарам, написанным с 1801 по 1900 г.

Первостепенную проблему представляет учет вышедших в свет публикаций. Сегодня мы располагаем помимо уже упомянутого аннотированного указателя книг и журнальных публикаций также аннотированным указателем под редакцией А.Г. Тартаковского и Т.Эммонса об изданных за рубежом с 1917 по 1991 г. воспоминаниях и дневниках⁴, а сведения о более поздних публикациях можно почерпнуть только из библиографических ссылок и списков в монографиях и статьях; имеющиеся электронные базы данных крайне неполны.

Немаловажную проблему создает практика републикации изданий XIX – начала XX в., получившая широкое распространение с конца XX в. Дело в том, что переиздания часто повторяют устаревшие и далеко не совершенные публикации⁵. Недостатки эдиционной практики XIX – начала XX в. общеизвестны, а изменения характера публикаций и основных принципов научного издания текстов довольно хорошо изучены⁶. Однако во многих (если не во всех) переизданиях мемуаров вообще ничего не говорится о правилах или принципах передачи текста. В настоящее время репринтным способом переиздаются некоторые тома серии «Литературные памятники», при этом воспроизводятся и существовавшие даже в этом авторитетном издании недостатки. В частности, это относится к подвергавшейся серьезной критике публикации записок и писем И.Д. Якушкина, предпринятой в 1951 г. С.Я. Штрайхом⁷. В этой связи возникает потребность в оценке подобных переизданий. С одной стороны, таким способом возвращаются в научный оборот тексты, ставшие недоступными для многих читателей, в том числе историков, особенно в провинции. Еще один бесспорно положительный момент – воспроизведение и предоставление современным исследователям блистательных комментариев М.К. Азадовского, Ю.Г. Оксмана и др. С другой стороны, появление этих книг создает ложное впечатление, что в новой научной публикации больше нет необходимости.

В самостоятельную проблему выливается широкое распространение в ущерб научным популярным и иным, не укладывающихся в рамки известной типологии⁸, изданий. Зачастую их тип вообще не оговаривается составителями даже применительно к сборникам и переизданиям мемуаров в составе хрестоматий, что особенно важно. Теоретически именно научное издание должно становиться базовым, тогда при

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-11-54003 а/т.

републикации можно было бы отказаться «от педантизма, от излишних сносок и технических знаков, которые усложняют текст»⁹. Правда, в нынешних экономических условиях трудно рассчитывать на повторный выпуск одних и тех же мемуаров.

Самая, пожалуй, важная проблема связана с соблюдением требований, предъявляемых к научным изданиям мемуаров. Правила их подготовки хорошо известны и закреплены в действующих нормативах, последний из которых, включая существенные дополнения, появился в 1990 г.¹⁰, а также в весьма авторитетных рекомендациях по изданию мемуаров¹¹. Есть и многочисленные публикации мемуаров, которые смело можно назвать образцовыми, например, многотомное издание воспоминаний Д.А. Милютинина, современников Отечественной войны 1812 г. и др.¹² Однако даже беглое ознакомление с изданиями последних лет показывает, что эти требования нередко игнорируются. Этому, кажется, есть несколько причин. Во-первых, Правила издания исторических документов напечатаны более 20 лет назад. Во-вторых, в прошлые годы существовал институт контроля качества: ответственный редактор – обычно ученый, специалист высокого уровня, а также ученый совет вуза или научно-исследовательского учреждения и издательский редактор. Конечно, вся эта машина чаще всего была нацелена на недопущение идеологически вредных произведений, но при удачном стечении обстоятельств, профессиональной честности и добросовестности эти люди успешно противостояли и откровенной халтуре, и неумелой, некачественной работе. В наше время нередко названные институты просто отсутствуют или же не справляются с контрольными функциями. В частности, профессиональных издательских редакторов остались, во всяком случае в провинции, буквально единицы.

Что касается Правил издания исторических документов, то некоторыми их требованиями пренебрегают даже высококвалифицированные и уважаемые специалисты. Так, текстуальные (текстологические) примечания помещаются в конце документа в виде концевых нумерованных сносок, не отделенных от комментариев исторического («реального») характера. Конечно, такое расположение гораздо удобнее при верстке, но нарушает важное требование: текстологические примечания отделяются от примечаний по содержанию (исторического комментария) обычно посредством букв или звездочек (астерисков). При этом желательно оформлять подобные примечания в виде подстрочных, а не затекстовых сносок¹³.

Не всегда правила нарушает публикатор: обычно редакторы и издатели сборников возражают против «излишних» и «утяжеляющих текст» археографических и текстологических примечаний. Кроме того, при появлении автоматических подстрочных сносок психологически трудно и даже почти невозможно использовать ставящиеся вручную буквенные сноски с использованием кириллицы. При публикации небольших текстов или фрагментов объемных сочинений в сборниках или журналах, реже в отдельных изданиях, в текстуальных примечаниях не оговаривается приведение написания к «нормам современной орфографии», умалчивается о том, что сокращения и недописанные части слов раскрываются в квадратных или угловых скобках и т.д. Все это публикатор полагает само собой разумеющимся, поскольку следует правилам.

Нередко отступление от Правил издания исторических документов объясняется непониманием смысла и значения включенных в них положений, обычно основанных на нормах и выводах текстологии. Например, общеизвестное и кажущееся совершенно лишним указание на использование новой орфографии. По мнению текстологов, это «транскрипция текста, т.е. передача его не побуквенно-“точным” копированием источника, а с изменением внешних приемов письма в соответствии с современными требованиями, при сохранении содержания и стиля подлинника. ... Важнейший раздел этой работы – перевод текста на новую орфографию, если автор принадлежал к давним эпохам, когда правописание было иным. Перевод этот связан со значительными трудностями, так как не во всех случаях графические и орфографические явления (которые подлежат изменению) поддаются отчетливому отличению от особенностей

стиля и языка, которые должны быть сохранены. При переводе дореформенного текста на современные нормы не соблюдаются устаревшие написания, имеющие чисто графический, условный характер. Но остаются без изменений особенности произносительные, фонетические, отражающие языковые – стилистические, диалектные, индивидуальные особенности авторского словоупотребления»¹⁴.

Примером могут служить тексты, подготовленные к изданию археографами и источникововедами А.Г. Тартаковским, Л.Г. Захаровой, А.Е. Чекуновой, которые вслед за П.А. Зайончковским, соблюдая требование приводить текст в современной орфографии, делают это «с учетом языковых особенностей памятников». Так, А.Г. Тартаковский писал в археографическом предисловии к публикации воспоминаний о войне 1812 г.: «Сохранение этих особенностей тем более важно для произведений, написанных в первой трети XIX в. – в пору не вполне устоявшегося правописания, когда еще были живы речевые традиции XVIII в., а споры о языке окрашивались в идеологические тона. Поэтому и употребление тех или иных орфографических норм не было нейтральным – оно часто оказывалось результатом сознательного выбора, наполнялось определенным значением»¹⁵. Л.Г. Захарова во введении («От редактора») к первому тому воспоминаний Д.А. Милютина также отмечала: «Текст приведен в соответствие с современными правилами правописания, однако сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов (например, фешионабельный, противуположный и др.). Сохранена авторская транскрипция имен собственных и географических названий» и т.д.¹⁶ Тот же подход видим и в публикаторской деятельности А.Е. Чекуновой и Е.Г. Гороховой, указавших: «Текст “Записок” дается в современной орфографии и пунктуации. Однако при этом сохраняются все особенности лексики, характерные для конца XVIII – первой половины XIX в. В частности, оставлено без изменения написание таких слов, как “нониче”, “баталион”, “англинский”... “пиедистал”... сохранена вариантность, неустойчивость написания одних и тех же слов, присущая тому времени (ветер – ветр, дожжь – дождь)»¹⁷. Но гораздо более распространена ситуация, когда публикатор просто не задумывается над тем, как и почему следует (или не следует) исправлять тексты согласно современной орфографии.

По мнению известного литературоведа А.Л. Гришунина, предложенный текстологами и вошедший в правила издания «способ публикации памятников новой письменности не соблюдает тех устаревших написаний, которые имеют чисто графический, условный характер. Но оставляет без изменений особенности произносительные, фонетические, отражающие языковые – индивидуально-стилистические, диалектные и т.п. особенности авторского словоупотребления. Не нарушая существенных принадлежностей языка, такая система значительно облегчает восприятие текста современным читателем. Наибольшую трудность... представляет разграничение написаний, отражающих явления живого языка и потому сохраняемых, и написаний чисто орфографических, условных»¹⁸.

Действительно, нельзя сводить работу к следованию правилам. «Инструкции, правила плохо вяжутся с идеей науки, они ее останавливают»¹⁹. С этим мнением можно согласиться, за исключением случаев, когда пренебрежение правилами обусловлено их незнанием или нежеланием обременять себя «излишней» работой.

Не касаясь не менее важных требований, предъявляемых к научным публикациям, – таких, как необходимость установления истории создания текста, т.е. «полноты выявления и привлечения к анализу и изданию всех копий, списков... публикаций издаваемого документа»²⁰ и др., остановимся на качестве комментария. Комментарий к историческим источникам, даже к столь близким к художественным произведениям мемуарам, должен быть не таким, как к литературным сочинениям, а преимущественно фактологически-пояснительным, т.е. интерпретационным²¹. Именно такой комментарий представлен в ряде названных выше публикаций, в большинстве изданий декабристских мемуаров в серии «Полярная звезда», сборнике воспоминаний крестьян²² и др. Типичные ошибки комментаторов приводились уже не раз. Так, С.В. Житомирская, характеризуя

творчество М.К. Азадовского, специально останавливалась на этом и отмечала, что в рецензии на комментарий С.Я. Штрайха он показал наиболее типичные из них: сообщение ненужных читателю или общеизвестных сведений, но умолчание о допущенных мемуаристом ошибках и отсутствие разъяснения сложных и малоисследованных вопросов²³. Публикатору бывает очень трудно решить, что именно относится к общеизвестным сведениям, в пояснении которых читатель не нуждается. При составлении аннотированного именного указателя как средства сравнительно безболезненно решить, о ком из упоминаемых лиц надо включать краткие сведения, тоже не всегда понятно, кто именно относится к «известным историческим личностям» в глазах современного читателя. На практике приходится выбирать: объяснить, кто такой, например, Н.Н. Муравьев-Виленский, или же предоставить читателю самому искать информацию, о ком из многочисленных Муравьевых идет речь. Но, конечно, гораздо труднее соблюсти другое требование к научному комментарию: «Комментатор... обязан явиться прежде всего исследователем, неизменно критически относящимся к тексту комментируемого памятника и к тем материалам, которые он привлекает в своих примечаниях»²⁴. И, увы, почти никто из археографов не приводит в примечаниях источники своих сведений.

Еще одна проблема связана с использованием публикаций исследователями. Бесспорное положение о необходимости разграничивать научные и иные публикации вряд ли кем-либо может оспариваться, но на деле историки используют те и другие наравне, руководствуясь лишь доступностью издания. Исследователь, разумеется, имеет право выбрать любую из имеющихся публикаций. Но следует объяснить свою позицию или оговорить возможность использования менее авторитетной отсутствием разночтений с более авторитетной. Жаль, что авторы не придают значения этому выбору, не задумываются о качестве публикации.

В данной связи затронем один деликатный вопрос, касающийся использования опубликованных источников. Редко кто из историков, даже цитируя их, считает нужным указывать имена публикаторов. Это все же следует делать, прежде всего потому, что тем самым отдается дань уважения нелегкому труду по прочтению рукописного текста при подготовке к публикации нарративных источников. Наглядным примером могут послужить мемуары С.Г. Волконского, почерк которого за время существования декабристоведения умели читать только несколько человек. Однако дело не сводится к элементарному признанию значения работы публикатора. Предложенное им прочтение текста может оказаться ошибочным; читателю (в особенности специалисту) должно быть понятно, кто именно несет ответственность за такое прочтение, насколько можно ему довериться. Изредка встречаются и вовсе вопиющие случаи, когда комментарий используется без указания имени автора.

У этой проблемы есть еще один аспект: при публикации в переводе дворянских мемуаров XIX в., написанных по-французски, не всегда указывается имя переводчика, особенно когда речь идет об издании небольших текстов в сборниках. Необходимость указывать фамилию переводчика продиктована не только нормами авторского права, но и признанием ответственности осуществившего его лица.

Сегодня нельзя не заметить и отступления от действующих Правил издания исторических источников в сторону более строгого и точного воспроизведения текста. Так, Н.Н. Покровский, разрабатывая методику применения классических археографических и эдиционных приемов к документам XX в.²⁵, специально останавливался на непреходящем значении базовых принципов, отраженных в «Текстологии» Д.С. Лихачева, о возможности и необходимости использования их при издании документов XX в. – с неизбежным в таком случае отступлением от нормативных требований. Разумеется, ситуация в издании материалов XIX в. несравнима с той, что так долго существовала применительно к текстам XX в., но многое из высказанного актуально и для публикации мемуаров рассматриваемого времени. В первую очередь, это относится к основной идее о возможности и необходимости приложения выработанных на

материалах медиевистики текстологических и археографических принципов к более поздним текстам.

Правила, в частности, предписывают указывать в текстуальных примечаниях неисправности текста, не имеющие смыслового значения, только при публикации документов, созданных до XIX в.²⁶ Но, исправляя все ошибки, допущенные авторами мемуаров и писем, публикатор невольно искажает, приукрашивает действительность. В результате мемуаристы выглядят абсолютно грамотными людьми, хорошо владеющими русской орфографией и пунктуацией. Даже неспециалисту ясно, насколько это не соответствует действительности. Таким образом, игнорируется важная характеристика социокультурного облика авторов или, используя филологическую терминологию, искажается языковая личность пишущего. Разумеется, следует хотя бы оговаривать наличие ошибок, но публикация выправленных текстов делает реальную ситуацию менее заметной, почти незримой, выводит ее за пределы читательского, а порой и исследовательского внимания. Кроме того, в результате соблюдения этого правила все мемуаристы выглядят одинаково грамотными на протяжении всей своей жизни, а само наличие авторской правки, ее направленность и характер нередко могут служить убедительным доказательством намерения мемуариста предать свое произведение печати, его представления о необходимой самоцензуре и т.д.

Что касается «современных правил орфографии», то под этой привычной формулой имеются в виду Правила русской орфографии и пунктуации, утвержденные в 1956 г. Однако с тех пор появилось немало изменений, а в начале XXI в. вышли новые Правила²⁷. В них существенно дополнены, уточнены и частично изменены прежние нормы. Так, совершенно иным стало употребление прописных букв в названиях, связанных с религией²⁸ (их написание со строчной буквы требовалось в советские годы особенно жестко). В результате оказалось, что часть изданий мемуаров не соответствует орфографии XIX и начала XXI в. Довольно спорным для публикации текстов XIX в. представляется требование употреблять прописные и строчные буквы «в соответствии с современными правилами орфографии, а не с существовавшими во времена написания публикуемого текста»²⁹. Конечно, странно было бы печатать с большой буквы названия месяцев, чинов и т.д. С другой стороны, написание слова «Государь» (а для некоторых мемуаристов – и слова «Бог») с прописной или строчной буквы может быть не случайным, а результатом осознанного выбора или хотя бы сложившейся привычки.

Требуя дополнительных размышлений требование соблюдать при публикации современные правила пунктуации, ведь правила употребления знаков препинания со временем менялись: «Как пунктуация в целом, так и отдельные знаки пунктуационной системы исторически изменяемы – и в смысле количественном (увеличивается число знаков), и в смысле качественном (меняется значение знаков)»³⁰. Филологи отмечают существенные отличия в употреблении знаков препинания в разные периоды – более широкое использование в XIX в. двоеточия и точки с запятой, иное использование тире и т.д.³¹ Изучение этой важной проблемы лингвистами во многом тормозит именно то, что в современных публикациях текстов XIX в. пунктуация подгоняется под нормы XX в.

Разумеется, выработанные текстологами приемы применимы прежде всего к текстам писателей, точная передача которых важна для изучения особенностей их языка, стиля, творческого почерка и т.д. Но, во-первых, мемуары, во всяком случае некоторые из них, изучаются не только историками, но и филологами (порой и литературоведами и лингвистами), а во-вторых, эти вопросы могут быть очень важны при исследовании истории культуры, общественного сознания, социокультурного облика отдельных людей и целых групп населения.

В данной статье затронуты лишь некоторые спорные и актуальные сегодня проблемы научной публикации мемуарных источников. Не пытаясь дать полной характеристики изданий, успехов и неудач, ошибок и достижений, ее автор стремился главным образом привлечь к ним внимание.

¹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указ. книг и публикаций в журналах. М., 1976–1989. Т. 1–5.

² Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина / Под ред. Л.Г. Захаровой; сост.: Л.Г. Захарова, Т.А. Медовичева, Л.И. Тютюнник. М., 1997–2006. Т. 1–7; Записки графа Ф.П. Толстого / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Е. Чекуновой, Е.Г. Гороховой. М., 2001; и др.

³ *Завалишин Д.И.* Воспоминания. М., 2003.

⁴ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. М., 2003–2006.

⁵ См., напр.: 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001; *Грулев М.В.* Записки генерала-еврея. М., 2007; и др.

⁶ См. подробнее: *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М., 2001.

⁷ *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма / Ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М., 1951; репринт. переизд.: СПб., 2007. См.: *Азадовский М.К.* Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // *Азадовский М.К.* Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1 / Изд. подгот. Ю.П. Благоволиной, Е.В. Войналович, А.А. Ильиным-Томичем, М.А. Кармазинской; под ред. С.В. Житомирской. С. 316–322; *Марк Азадовский, Юлиан Оксман.* Переписка. 1944–1954 / Изд. подгот. К.М. Азадовским. М., 1998. С. 208–209, 211, 229; и др.

⁸ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. С. 9–11.

⁹ *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 321.

¹⁰ Правила издания исторических документов в СССР. С. 28–33, 139–140 и др.

¹¹ Публикация мемуарных источников: Метод. пособие / Сост. А.Д. Вартаньян; под ред. Н.И. Басовской. М., 1972.

¹² 1812 год в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1995.

¹³ Правила издания исторических документов в СССР. С. 42–44, 57–59, 144–146, 149.

¹⁴ *Гришунин А.Л.* Указ. соч. С. 333–334.

¹⁵ 1812 год в воспоминаниях современников. С. 23–24.

¹⁶ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина. Т. 1. С. 32.

¹⁷ Записки графа Ф.П. Толстого. С. 29.

¹⁸ *Гришунин А.Л.* Указ. соч. С. 341–343.

¹⁹ Там же. С. 306.

²⁰ *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983; *Покровский Н.Н.* «Текстология» Д.С. Лихачева и проблемы издания документов XX в. // Тр. Отд-ния ист.-филол. наук. 2007. М., 2009. С. 331–338.

²¹ *Брагинская Н.В.* Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 107.

²² Аракчеев: свидетельства современников / Сост.: Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина, А.М. Песков; вступ. ст. Е.Э. Ляминой. М., 2000; Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. ст., сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова, В.П. Бударагина. М., 2006; и др.

²³ *Житомирская С.В.* М.К. Азадовский – историк декабризма // *Азадовский М.К.* Страницы истории декабризма. Кн. 1. С. 20, 38.

²⁴ *Азадовский М.К.* Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним. Кн. 1. С. 319–320.

²⁵ *Покровский Н.Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 18–46; *Он же.* Источниковедческие проблемы истории России XX века // *Общественные науки и современность.* 1997. № 6. С. 94–105.

²⁶ Правила издания исторических документов в СССР. С. 58–59.

²⁷ Русский орфографический словарь. М., 2005; 2007; Правила русской орфографии и пунктуации: Полн. акад. справ. М., 2007; 2009.

²⁸ Правила русской орфографии и пунктуации... 2009. С. 156–159.

²⁹ Правила издания исторических документов в СССР. С. 55.

³⁰ *Валгина Н.С.* Трудные вопросы пунктуации: Пособие для учителя. М., 1983. С. 28. Автор статьи благодарит профессора Новосибирского государственного педагогического университета Н.П. Перфильеву за указание этого издания и ценные советы.

³¹ *Перцов Н.В.* О соотношении письменной и устной формы поэтического языка. (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // *Вопр. языкознания.* 2008. № 2. С. 50–52.

Из истории публикации творческого наследия И.А. Ильина

Ключевые слова: публикация архивных документов, републикация, Русское зарубежье, Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, И.А. Ильин.

Каждое издание собрания сочинений, тем более многотомного, того или иного ученого – важное событие в научной жизни. Собрание сочинений русского мыслителя И.А. Ильина, выходящее на протяжении уже почти двух десятилетий, уникально и по количеству изданных томов, и по объему задействованных архивных документов. Оно не осталось без внимания критики, однако рецензенты обращались, главным образом, к воззрениям философа¹. Для всесторонней оценки издания постараемся в настоящей статье представить основные вехи истории публикации его творческого наследия.

Имя Ивана Александровича Ильина (1883–1954) культурной России известно: его произведения появились в отечественной печати в перестроечные годы наряду с трудами других ученых Русского зарубежья. В 1988 г. были опубликованы две весьма своевременные для тех переломных лет его статьи². (Хотя своевременность характерна для всех трудов Ильина, ибо писал он всегда ответственно, не оглядываясь на политическую конъюнктуру, критику «слева» и «справа».) На рубеже 1980–1990-х гг. деятели отечественной культуры, среди которых писатель В.И. Белов, открыли имя Ильина широкому кругу читателей: в журналах и газетах печатались отдельные статьи философа как на исторические и политические, так и искусствоведческие, культурологические темы³, а в 1992 г. в издательстве «Рарог» был переиздан ранее выходивший во Франции сборник «Наши задачи». Однако публикация наследия выдающегося мыслителя требовала научного подхода, тем более что личный архив его сохранился.

Ильин, как ученый и организованный человек, создавал свой архив всю жизнь, несмотря на неоднократные переезды. В 1922 г. он после шести арестов был выдворен из советской России с иными видными пассажирами «философского парохода»⁴. С 1923 г. работал в Русском научном институте в Берлине. В 1933 г. у Ильина происходит «непонимание» с новой властью Германии, после чего ему запрещают преподавательскую деятельность и публикации на общественно-политические темы. Он, правда, продолжал читать лекции на частных собраниях, выступать на вечерах, семинарах. Именно в это время мыслитель обращается к литературно-философскому жанру и в условиях политического ostracism создает сборник эссе «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий».

В 1938 г. супруги Ильины экстренно покидают Германию и переезжают в Швейцарию. «Меня вынесло из Германии как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки. Все спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов включительно»⁵, – удовлетворенно сообщает философ в Париж писателю И.С. Шмелеву о спасении своего архива. Однако и в Швейцарии творческая деятельность ученого ограничена множеством запретов. В условиях начавшейся войны швейцарские газеты соглашались печатать статьи русского эмигранта только под псевдонимом⁶. Газетные вырезки своих статей Ильин хранил в архиве, что впоследствии при публикации собрания его сочинений помогло их атрибутировать. Научные же труды писались «в стол», пополняя личный архив автора. Единственным изданным в то время стал сборник его философских эссе «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (Берн, 1943) на немецком языке. В 1951 г. Ильин писал архимандриту

Константину о рукописи своей новой книги: «Я положу ее наряду с целым рядом моих книг, готовых к печати, в архив – для грядущей России. Сколько раз я говорил из сердечной плеромы: “Если Господу угодны мои писания, то Он соблюдет их, а если они Ему не угодны и им суждено погибнуть, то да будет Его воля”»⁷. Ученый оставляет в архиве все: копии отправленных писем, конспекты лекций, рукописи трудов.

Благодаря поддержке австрийского семейства Барейсс некоторые труды Ильина все же увидели свет при жизни автора. Так, в Цюрихе на немецком языке были изданы первые три очерка исследования «Сущность и своеобразие русской культуры» (остальные три отложились в архиве и опубликованы только в 1996 г. в составе собрания сочинений). В 1946 г. в Берне вышел переведенный на немецкий язык самим автором первый том диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Последним же из вышедших при жизни автора был фундаментальный философский труд «Аксиомы религиозного опыта», над которым он работал с 1919 г.⁸

В 1956 г. вдова Ильина Наталья Николаевна осуществила первые посмертные публикации работ из архива ученого, издав двухтомник статей «Наши задачи» (Париж) и рукопись по философии права «О сущности правосознания» (Мюнхен). После смерти Н.Н. Ильиной⁹ в 1963 г. архив русского ученого был передан в Мичиганский университет (США). В 1960–1970-е гг. отдельные документы архива Ильина публиковались его учеником русским эмигрантом Н.П. Полторацким в США, Германии и Франции, в основном на русском языке.

В 1990 г. в стенах Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова впервые прозвучала идея подготовки собрания сочинений И.А. Ильина, некогда студента и профессора этого университета. Вскоре московское издательство «Русская книга» (оно было государственным и финансировалось Правительством России)¹⁰ известило о начале такой работы. В 1993 г., благодаря трудам созданной творческой группы во главе с Ю.Т. Лисицей¹¹, вышел первый том. На его авантитуле обозначено: «В 10 томах». Последний из заявленных томов, сдвоенный (9–10), увидел свет в 1999 г.

Творческой группой был избран тематический принцип подбора материалов. Десять томов (12 книг) в основном так и сформированы, что позволило показать основные направления научного творчества Ильина: философия, методология, государство и право, теория и история культуры, литературоведение, российская цивилизация, политология. Большинство включенных в них работ явилось републикацией тех или иных зарубежных изданий, что можно объяснить желанием публикаторов познакомить с трудами Ильина российскую читательскую аудиторию как можно скорее. Первый том составили опубликованные в зарубежье труды по вопросам социокультурного развития России и европейской цивилизации: «Путь духовного обновления», «Основы христианской культуры» и «Кризис безбожия». Однако в комментариях к работам Ильина были использованы архивные документы из Мичиганского университета: здесь издателям помогли представители русской диаспоры в США – семьи Гриеров, Дерюгиных, Климовых, Квартировых и Полторацких. Удалось также выверить с архивами тексты публикуемых во втором томе 215 аналитических статей Ильина (они входили в двухтомник «Наши задачи») по вопросам развития российской цивилизации. (Статьи эти печатались на ротаторе и рассылались автором его единомышленникам.) В приложениях издатели поместили и публикации об Ильине из зарубежных изданий (полемика по трудам философа, статьи о нем).

В третий том включены три философских эссе Ильина: «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» (переведено с немецкого и впервые издано на русском языке), «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», «Путь к очевидности». Ныне эти работы часто переиздаются и наиболее читаемы широкой российской аудиторией. Здесь философ выступает «русским

Конфуцием»: его зарисовки о жизни одновременно глубоки по смыслу и написаны в неповторимом авторском стиле. Ильину всегда – от научных монографий до житейских зарисовок и писем – присущи точность выражений и прекрасный литературный язык. Надо отметить высокую квалификацию переводчиков его трудов (З.Г. Антипенко, О.В. Колтыпиной, И.С. Андреевой), сумевших сохранить при переводе высокохудожественный стиль автора.

Четвертый том собрал ранее опубликованные как в России, так и за рубежом правовые труды Ильина: от брошюры «Понятия права и силы. Опыт методологического анализа» (выходила в 1910 г. в России, затем на немецком в 1912 г. в Берлине) до монографии «О сущности правосознания». Кроме того, сюда вошли работы философа о монархическом правосознании, проблемах монархического и республиканского устройства государства, рукописи которых находились в Мичиганском архиве (в частности, конспекты лекций в Русском научном институте в Берлине).

Основу пятого тома составил фундаментальный труд «О сопротивлении злу силою», вызвавший бурную и длительную полемику в Русском зарубежье: митрополиты Антоний (Храповицкий) и Анастасий (Грибановский), П.Б. Струве и В.В. Зеньковский в основном идеи Ильина поддержали, а Ю.И. Айхенвальд, Н.А. Бердяев, З.Н. Гиппиус, Е.Д. Кускова, Д.С. Мережковский, напротив, выступили с резкой их критикой. Именно эта полемика послужила причиной разрыва отношений Ильина и Бердяева. Издатели удачно дополнили том материалами этой полемики из архива Ильина, а также его ответами и некоторыми другими работами философа, отражающими его взгляды на проблему сопротивления насилию, агрессии, защиты отечества. Это написанный еще в начале Первой мировой войны труд «Основное нравственное противоречие войны», апологетические статьи о Белом деле («Идея Корнилова») и др.

Шестой том (в трех объемных книгах) содержит несколько десятков произведений Ильина по истории и теории культуры, раскрывающих ученого как методолога, разработчика теории творческого акта, литературного критика, искусствоведа. Здесь собраны размышления философа о творчестве Пушкина, Шмелева, Мережковского, Бунина, Ремизова, других русских писателей. Здесь же концептуальное исследование И.А. Ильина о российской цивилизации «Сущность и своеобразие русской культуры». И.С. Шмелев постоянно требовал от единомышленника: «Дайте – о русской культуре»¹². Писатель считал, что Ильин – «единственный, кто может и должен дать нам подлинное творение – создать “Историю русской культуры”»¹³. Подготовленный Ильиным в годы Второй мировой войны фундаментальный труд – одна из самых значительных научных разработок о сущностных основах российской цивилизации, ментальности русского народа.

В дальнейшем строгость тематического подхода к формированию томов собрания сочинений И.А. Ильина нарушилась, и уже в седьмой том одновременно с теоретическими и научно-практическими разработками ученого по вопросам большевистской внутренней и внешней политики включены культурологические статьи¹⁴. В восьмой том наряду с переведенной с немецкого языка политологической работой о планах III Интернационала по революционизированию мира вошел сборник эссе «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований», которые по своему характеру ближе к эссе, вошедшим в третий том. В последнем, сдвоенном томе собраны статьи разной тематики за 1906–1943 гг. Накопленный творческой группой опыт показывал, что и в дальнейшем тома следовало формировать по темам. Однако этого не произошло. Правда, отрадно другое: началась активная публикация именно архивных материалов, которые ранее не издавались.

Последующие тома собрания сочинений в немалой степени стали «архивными». С 1999 г. вышло 11 томов в 16 книгах, но издатели их не нумеровали¹⁵. Первый из дополнительных томов «Письма. Мемуары (1939–1954)» полностью составлен из неопубликованных документов, хранящихся в отделе рукописных книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (дневник Ильина за 1905 г.), Российском государственном архиве литературы и искусства (переписка Ильина с родственниками за 1908–1922 гг.), Центральном архиве ФСБ России (материалы шести следственных дел, по которым проходил Ильин в 1918–1922 гг.), а также архиве Мичиганского университета (переписка Ильина периода эмиграции). Последующий том «Переписка двух Иванов» в трех книгах (2000 г.) ввел в научный оборот огромный массив эпистолярного наследия Ильина, измеряемый сотнями писем, из Мичиганского университета. Документы позволяют составить представление о ходе обсуждения той или иной проблемы, о творческой лаборатории философа; важны они и как источник отдельных фактов биографий корреспондентов.

Архивные материалы опубликованы и в некоторых других томах собрания, приложениях или комментариях. Так, в последний том (2008 г.) включены не только все изданные книжки редактировавшегося в 1927–1930 гг. Ильиным журнала «Русский колокол», но и отложившиеся в архиве подготовительные материалы к не вышедшим из-за прекращения финансирования номерам. Остальные тома собрания – это в основном научные монографии и публицистика. Но в них, в отличие от переизданий, осуществленных в эти же годы другими издательствами страны, уже присутствуют обширные научные комментарии, как, например, в двухтомнике Ильина «Аксиомы религиозного опыта». Архивные материалы продолжают использоваться при формировании приложений и комментариев.

Весной 2006 г. при содействии Российского фонда культуры Мичиганский университет передал Научной библиотеке МГУ личный архив И.А. Ильина: 37 ящиков весом около полутонны (рукописи, книги, фотографии). Заметим, что документальное наследие многих русских эмигрантов передавалось в зарубежные архивохранилища на условиях временного хранения – до возможного возвращения в Россию. Таковы были и условия Ильина. С прибытием архива в Москву сразу же была поставлена задача перевода документов в электронную форму. В том же году в связи с закрытием издательства «Русская книга» издание собрания сочинений Ильина перешло в ведение Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в составе того же творческого коллектива под руководством Ю.Т. Лисицы. Хотя перед публикаторами открылись новые возможности, издано пока лишь два тома.

Давая общую характеристику вышедших томов собрания сочинений И.А. Ильина, отметим, что творческая группа применила единые принципы их археографического оформления. Легенды даются в соответствии с принципами издания литературных собраний сочинений (а не по правилам издания исторических документов); они помещены в комментариях в конце каждого тома (а не непосредственно за документом). Тем не менее в легендах есть все требуемые поисковые данные: место хранения архивных документов, номера фондов, описей, дел, листов. Как указывалось выше, многие архивные документы даны в приложениях к томам. В основном это письма к Ильину родных и знакомых, рабочая переписка, следственные дела. К ним также дается архивная легенда. Каждый том имеет обширные комментарии (опять же с использованием архивных сведений).

К сожалению, в первых томах отсутствует именной указатель; его поместили в сдвоенном (9–10) томе. Все же остальные уже получили собственный глоссарий. Некоторые тома иллюстрированы photographиями. Кроме того, основную массу иллюстраций включили в

изданный в 1999 г. «Русской книгой» альбом «Иван Ильин и Россия» (автор-составитель Ю.Т. Лисица, художник Г.Л. Шацкий).

Первоначальные тиражи собрания сочинений доходили до 15 тыс. экземпляров, что обуславливалось отсутствием в тот период материалов Русского зарубежья в российских библиотеках. Тиражи последних томов – 2 тыс. экземпляров. В 1990-е гг. тома печатались на бумаге невысокого качества, полиграфическое исполнение последних значительно лучше.

В целом корпус опубликованных сочинений И.А. Ильина дает полное представление о его научных взглядах и активно задействован в широком спектре социальных наук. Тем не менее запросы на творческое наследие ученого в научной среде не ослабевают. Поэтому дальнейшая публикация архивных материалов теперь уже из фондов Научной библиотеки МГУ по-прежнему актуальна.

¹ Публикации работ Ильина этого периода иногда сопровождалась вступительными статьями, дающими общее представление о жизни и характере его творчества. (См.: *Любимов Б.Н.* Поющее сердце // Театральная жизнь. 1989. № 19. С. 24–25; *Зорькин В.* [Предисл. к публ. ст. И.А. Ильина «Аксиомы власти»] // Новое время. 1990. № 10. С. 40–43; *Любимов Б.Н.* И.А. Ильин: [Вступ. ст. к публ. «О сопротивлении злу»] // Новый мир. 1991. № 10. С. 196–200.) На выход в свет первого тома собрания сочинений И.А. Ильина откликнулись философы А.В. Гулыга и М.Б. Диденко в журналах «Наш современник» (1994. № 3) и «Вопросы философии» (1994. № 6). В 2000 г. Ю.И. Сохряков отозвался на издание десятилетия («Вопросы философии». 2000. № 10). Однако археографическая сторона издания рецензентами не затрагивалась.

² *Ильин И.А.* О чувстве ответственности // Выбор: Сб. М., 1988. № 5 (июль–сент.). С. 223–231; *Он же.* О возрождении России // Там же. № 6 (окт.–дек.). С. 151–163.

³ Творческое наследие мыслителя отражалось в самом широком спектре периодических изданий – от популярных до специальных: *Ильин И.А.* Духовный смысл сказки / Предисл. и публ. В.Белова // Студенческий меридиан. 1989. № 2. С. 24–30; *Он же.* О возрасте (фрагмент из книги «Поющее сердце») / Публ. Б.Н. Любимова // Театральная жизнь. 1989. № 20. С. 22–23.

⁴ См.: «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. / Сост.: А.Н. Артизов, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева, В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. М., 2008.

⁵ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелеву 13.10.1938 // Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). М., 2000. [Т. 13. Кн. II]. С. 243.

⁶ В период Второй мировой войны Ильин использовал псевдонимы: Julius Hefer, Peter Just, R.K., K.P., S.L.; в другие годы – Старый

политик, Альфред Норманн, Н.Иванов, Н.Костомаров, Пересвет, Ослябя, Ивер. В некоторых публикациях Ильин подписывался фамилией своего немецкого деда: Швейкерт.

⁷ *Ильин И.А.* Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. [Т. 12]. С. 153–154.

⁸ Двухтомный труд был издан при финансировании В.П. Рябушинского в Париже в 1953 г. за год до смерти Ильина.

⁹ 2–3 октября 2005 г. прах Ильина и его супруги был перевезен из Швейцарии в Россию на кладбище Донского монастыря в Москве, как за несколько лет до того – прах их друга и единомышленника И.С. Шмелева. В торжественной церемонии участвовал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

¹⁰ В немалой степени издание научного и архивного наследия Ильина стало возможным благодаря издательской политике директора «Русской книги» М.Ф. Ненашева, сумевшего организовать также выпуск собраний сочинений целого ряда писателей Русского зарубежья.

¹¹ Юрий Трофимович Лисица преподавал в Московском энергетическом институте, Российском университете дружбы народов. В 2001 г. защитил в МГУ докторскую диссертацию по физико-математическим наукам, получил звание профессора. С 2005 г. по совместительству преподает в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. В издании приняли участие редакторы Т.И. Киреева, В.Н. Шмельков, корректоры Н.Д. Бучарова, А.З. Лазуткина и др.

¹² *Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). [Т. 13. Кн. II]. С. 103.

¹³ *Там же.* Переписка двух Иванов (1927–1934). М., 2000. [Т. 13. Кн. I]. С. 208.

¹⁴ Основу тома составили политологические статьи «Возникновение большевизма из духовного кризиса современности», «Разрушение семьи в советском государстве», «Коммунизм и мировой порядок», но помещена

и статья «Художественное призвание Шаляпина».

¹⁵ Для удобства пользования обширным собранием сочинений Ильина исследователи

стали применять условную нумерацию последующих томов.

Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен

Ключевые слова: запросы социально-правового характера, военнопленные, концлагерь, Шталаг 352, Маутхаузен, Гузен, Майданек, ОБД «Мемориал», ЧГК, Государственный архив Российской Федерации, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Изучение людских судеб периода Второй мировой войны требует кропотливого поиска, поскольку многие документы уничтожены или рассеяны. Историк, архивисту нередко буквально по крупицам приходится восстанавливать картину отдельной человеческой жизни. В первую очередь это относится к судьбам военнопленных. Уникальные возможности для этого созданы Объединенной базой данных (ОБД) «Мемориал», где представлены электронные образы документов различных архивов о рядовых и офицерах, оказавшихся в плену¹.

В настоящей статье попытаемся рассказать о хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (ЧГК) трех документах, два из которых нам удалось атрибутировать, и их значении для установления трагических судеб советских военнопленных². Документы фонда широко используются при выполнении запросов социально-правового характера.

Поскольку одной из задач ЧГК была подготовка материалов для Нюрнбергского процесса, в центре ее внимания находились вопросы организации деятельности лагерей, а также изучение схем работы карательного аппарата нацистского режима. Подлинные документы предъявлялись советской стороной на процессе в качестве доказательств. Опрос и поименный учет военнослужащих, возвращавшихся из плена, а также учет военнослужащих, погибших в лагерях, в компетенцию ЧГК не входили. Тем не менее комиссия информировала Главное управление кадров, Управление (Отдел) по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава Красной армии и другие компетентные органы об обнаружении документов о военнопленных. При необходимости они передавались в Наркомат обороны (Министерство Вооруженных сил – МВС) СССР, поэтому в настоящее время хранятся либо в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) РФ, либо в Российском государственном военном архиве (РГВА), в фондах так называемого Особого архива.

В фонде ЧГК имеются списки военнопленных и другие документы, которые по разным причинам, вероятно, не были приняты во внимание структурными подразделениями Наркомата обороны СССР. Так, в комплексе документов по концлагерю «Майданек» в одном из дел сохранился фрагмент книги учета смертности в лазарете лагеря за март 1944 г. на 76 листах на немецком языке, причем в описи он не выделен. Согласно «Протоколу

Автор выражает глубокую признательность тем, без кого данное исследование едва ли могло состояться: руководству ГАРФ, в особенности Ларисе Александровне Роговой, за постоянную поддержку творческих инициатив сотрудников; немецкому ученому доктору Райнхарду Отто и научному сотруднику архива Мемориала концлагеря «Маутхаузен» магистру Андреасу Кранебиттеру за научную и практическую помощь в изучении документов Шталага 352 и концлагеря «Маутхаузен».

осмотра вещественного доказательства» от 15 августа 1944 г., книгу обнаружил польский гражданин у разбитой машины при отступлении немецких воинских частей³. В ней в основном содержатся сведения о гражданских лицах, умерших в лазарете, – 1939 человек, в их числе русские, поляки и французы. Однако при полистном просмотре среди этих гражданских лиц были выявлены сведения о девяти советских военнопленных, из которых, согласно источнику, восемь умерли от туберкулеза, один – от инфаркта сердечной мышцы⁴. Поскольку в книге есть сведения о месте и дате их рождения, с помощью ОБД «Мемориал» удалось установить, что двое – Кашаф Мингазов, 1910 г.р., и Владимир Шуканов, 1915 г.р., – с послевоенного периода считались пропавшими без вести.

Таким образом, можно предположить, что книга детально не изучалась ни сотрудниками ЧГК, ни военными структурами (последние в конце 1940-х – 1950-е гг. собирали данные о военнопленных)⁵. Возможно, по немецким источникам удастся установить обстоятельства плена этих и остальных военнопленных.

В ходе изучения документов концлагеря «Майданек» внимание привлек еще один источник, значащийся в описи как «Книга регистрации больных г. Люблин 1943–1944 гг.» (далее – Книга)⁶. Ранее нам неоднократно приходилось обращаться к ней при работе с обращениями граждан. Именно тогда и появились первые сомнения в ее принадлежности к комплексу документов названного лагеря.

Документ представляет собой типографский экземпляр книги учета лазарета (Lazarettskrankenbuch) с формуляром на немецком языке. Однако заполнена она на русском языке, характерным подчеркиком и содержит записи о 2886 рядовых и офицерах Красной армии, поступивших в лазарет в период с 1 июля 1943 по 29 февраля 1944 г., а именно: фамилия, имя, лагерный номер, воинское звание, дата рождения, место жительства (рождения), диагноз на латинском языке, даты поступления и выписки. Запись в конце книги «Продолжение следует» указывает на наличие книг учета за более поздний период, однако каких-либо сведений об этом в фонде ЧГК не выявлено.

Для проверки принадлежности Книги к комплексу лагеря «Майданек» нами был проведен сравнительный перекрестный анализ ее информации и размещенных в ОБД «Мемориал» данных из документов ЦАМО РФ и РГВА, которые содержат сведения об упомянутых в Книге военнопленных. Документально подтвердилось, что эта Книга является фрагментом некогда единого комплекса документов Шталага 352 – одного из самых крупных лагерей военнопленных на территории СССР, дислоцировавшегося в окрестностях г. Минска в местечке Масюковщина⁷. Документы данного лагеря в настоящее время хранятся в архивах как Республики Беларусь⁸, так и России (ГАРФ, ЦАМО РФ и РГВА).

В ОБД «Мемориал» представлены многочисленные больничные листы военнопленных Шталага 352, заполненные тем же характерным почерком, что и Книга, и в них есть ссылки на ее записи. Кроме того, в ходе изучения документов Шталага 352, сохранившихся в фонде ЧГК, установлено, что порядковый номер записи в Книге совпадает с номером истории болезни военнопленного в лазарете, а значит, она являлась главной учетной книгой лазарета Шталага 352⁹. Книга велась на русском языке, поскольку медицинский персонал в лазарете был в основном русский¹⁰.

Почему же данный документ получил название «Книга регистрации больных г. Люблин 1943–1944 гг.» и оказался соответственно включенным в опись материалов ЧГК по лагерю «Майданек»? Была ли это техническая ошибка сотрудника архива комиссии или документ, вывезенный из Белоруссии, неизвестным образом оказался где-то рядом с фрагментом книги учета смертности по лазарету лагеря, который и обнаружил польский гражданин? В настоящее время правомерны обе версии.

Изначально в архив ЧГК поступил огромный комплекс документов Шталага 352; его сотрудниками в ходе обработки составлялись алфавитные перечни лиц и указатели к документам. В 1951 г. значительная часть документного комплекса лагеря была передана

в Отдел по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава Советской армии МВС СССР¹¹. В фонде ЧГК остались материалы о деятельности лагеря и лишь несколько дел, содержащих копии некоторых списков. Аналогичная работа по систематизации проводилась и с документами других лагерей. Поэтому предположение о возможной технической ошибке, допущенной в условиях большого объема работ по обработке и систематизации документов в архиве ЧГК, достаточно обоснованно. Однако в ходе выявления документов Шталага 352 в ОБД «Мемориал» мы натолкнулись на донесение начальника Отдела учета потерь рядового и сержантского состава управления тыла 3-й армии Дементьева в Управление по персональному учету потерь Действующей армии от 8 августа 1944 г., к которому прилагались карточки, списки и анкеты военнопленных, найденные в лагере военнопленных в г. Белосток в Польше¹². Среди документов, как удалось установить путем сравнения записей Книги, оказался и список военнопленных Шталага 352. Значит, версию, согласно которой Книга могла быть вывезена на территорию Польши, а затем вернуться уже в составе документов лагеря «Майданек», тоже нельзя оставить без внимания, тем более если учитывать, что советские военнопленные – врачи и младший медицинский персонал из Шталага 352 вместе с остальными заключенными направлялись в другие лагеря военнопленных, в том числе на территорию Польши¹³.

Предварительный поиск информации в ОБД «Мемориал» о военнослужащих, которые значатся в Книге, показал, что эта запись является пока единственным, но очень важным свидетельством пленения и пребывания в лагере многих из них, особенно рядовых. Она чрезвычайно важна для потомков военнопленных, обращающихся в архивы, в том числе в ГАРФ, и не теряющих надежды на получение новой информации о близких, не вернувшихся с войны. В настоящий момент нами с помощью ОБД собран и систематизирован материал о 60 офицерах, упомянутых в Книге. Больничные листы (Krankenblatt), персональные учетные карточки (Personalkarte) некоторых из них, размещенные в ОБД, в совокупности с записями Книги дают основание сказать, что преимущественно это летчики и танкисты, раненные и попавшие в плен при выполнении боевого задания. Среди них старший лейтенант Александр Георгиевич Романов, 1919 г.р. Документы об А.Г. Романове в ГАРФ, ЦАМО РФ и РГВА позволяют восстановить хронологию трагических событий. 25 августа 1943 г. летчик в последний момент покинул горящий самолет, прыгнув с парашютом, но получил серьезные ожоги ног и бедра. Попал в плен 26 августа 1943 г. и был помещен в лазарет лагеря «Рославль». 28 декабря 1943 г. переведен в лазарет Шталага 352; 31 января 1944 г. направлен из Минска в Лицманштадт (ныне Лодзь). 27 сентября 1944 г. передан в гестапо Франкфурта-на-Одере и отправлен в концлагерь «Маутхаузен»¹⁴.

К комплексу документов этого лагеря, как оказалось, относится еще один документ из фонда ЧГК – фрагменты рукописной книги учета смертности «неустановленного лагеря». В заголовке дела указано: «Список советских военнопленных и военнопленных других государств, погибших в лагерях на территории Верхней Силезии»¹⁵. В результате его предварительного визуального изучения было установлено, что по сути это три взаимосвязанных рукописных документа немецкого происхождения, где зафиксированы факты гибели (смерти) почти 12 тыс. военнопленных из ряда стран, в том числе СССР, и даты их кремации (самая ранняя запись – 14 марта 1941 г., последняя – 30 декабря 1942 г.). Однако выяснить, заключенными какого лагеря или лагерей они являлись, удалось не сразу. При изучении перечня недавно рассекреченных дел фонда ЧГК наше внимание привлекли показания бывшего коменданта концлагеря «Маутхаузен» Франца Цирайса (Franz Ziereis) где он рассказывал, в том числе, и о функционировании здесь газовых камер¹⁶. Промелькнула внезапная мысль: а не имеют ли эти списки отношение к крематорию лагеря?.. На этот вопрос помогли ответить австрийские специалисты. По счастливой случайности Райнхард Отто, сотрудничающий с Мемориалом концлагеря «Маутхаузен» в работе по обновлению музейной экспозиции, исследует судьбы советских

военнопленных¹⁷. Он любезно согласился по имеющимся в его распоряжении документам и другим источникам проверить нашу версию о принадлежности списков.

Предварительное заключение австрийских и немецких специалистов было однозначным – списки являются не чем иным, как записями крематория отделения «Гузен» концлагеря «Маутхаузен». О существовании этого источника до настоящего времени не было известно ни в Австрии, ни в Германии. Точнее сказать, он присутствовал в научном воображении исследователей, занимающихся историей лагеря. О функционировании крематория и газовых камер в Гузене – Маутхаузене подробно рассказывается в исследовании П.-С. Шумоффа, который сам оказался в лагере за участие в Соппротивлении¹⁸. По данным немецкой службы оповещения ближайших родственников погибших солдат вермахта (WAST), где хранятся, в том числе, учетные документы советских военнопленных, судьба большей части военнопленных из этих списков – заключенных лагерей военнопленных до настоящего времени считалась неустановленной.

В результате совместной работы с Райнхардом Отто и научным сотрудником архива Мемориала концлагеря «Маутхаузен» Андреасом Кранебиттером удалось установить, что хранящиеся в этом архиве и в ГАРФ источники являются частями некогда единого комплекса. Его воссоздание позволит пролить свет на трагические судьбы заключенных разных национальностей и государственной принадлежности.

Соединение данных о советских военнопленных, содержащихся в персональных учетных карточках из ЦАМО РФ, размещенных в ОБД «Мемориал», а также из архивов WAST, и сведений о смерти заключенных в лагере, зафиксированной в обнаруженных фрагментах книги крематория, дает возможность восстановить трагическую судьбу каждого из них от момента пленения до гибели в застенках Маутхаузена. Приведем лишь один пример. Согласно данным персональной карточки Николая Ильича Трапезникова, 1921 г.р., размещенной в ОБД «Мемориал», он находился в Шталаге VI С Батхорн, был пленен 17 августа 1941 г. под Кричевом, работал на каменоломнях Гузен-Линц, помещен в лагерь «Маутхаузен», где скончался 7 января 1942 г. А обнаруженные нами записи крематория уточняют, что он умер 8 января 1942 г., кремирован.

Книга крематория отделения «Гузен» концлагеря «Маутхаузен» позволяет прояснить судьбы тех заключенных, которые не значатся в числе зарегистрированных военнопленных или были исключены из него и направлены как гражданские лица в лагерь для уничтожения. (Тема, которая требует целенаправленного изучения.) Она также дополняет и уточняет данные уникального издания Петера Сиксля, в котором названы имена и местонахождение могил около 60 тыс. советских граждан, погибших и захороненных в Австрии¹⁹. Кроме того, это сильный аргумент в давней политической дискуссии о наличии крематория и газовых камер в Маутхаузене, о которой упоминал в своей книге П.-С. Шумофф²⁰.

Пока остается открытым вопрос, когда и каким образом оказались в фонде ЧГК записи книги крематория отделения «Гузен» концлагеря «Маутхаузен». Возможно, ответ будет найден в ходе совместной работы сотрудников ГАРФ и Мемориала концлагеря «Маутхаузен».

¹ Назарова М.В. Представители ЭЛАРа награждены за создание ОБД «Мемориал» // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 126–127; Она же. Проект «Саксонские мемориалы» – десятилетие совместной работы // Там же. 2010. № 3. С. 127–128.

² Промежуточные результаты исследования прозвучали в докладе на международной конференции в Дрездене, организованной «Объединением Саксонские мемориалы в память жертв политического террора» в июле 2010 г. (См.: Kiseleva E.

Dokumente iber den Tod sowjetischer Kriegsgefangener im Archivbestand der «Ausserordentliche Staatliche Kommission für die Feststellung und Untersuchung von Grdueltaten der deutsch-faschistischen Eindringlinge...» // Gefallen – Gefangen – Begraben. Zahlen und Fakten zu sowjetischen und deutschen Opfern des Zweiten Weltkriegs. Beitrdge der Internationalen Fachtagung 2010 in Dresden: <http://www.dokst.de>

³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 107. Д. 9. Л. 144.

⁴ Там же. Л. 146–223.

⁵ Мингазов Кашаф Мингазович, 1910 г.р., уроженец д. Урузай Балтачевского района Башкирской АССР. Согласно письму Балтачевского райвоенкомата в Управление по учету погибшего рядового и сержантского состава МВС СССР от 3 декабря 1947 г., считается пропавшим без вести с ноября 1942 г. Последнее письмо было получено родственниками в июле 1942 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 9775820. Д. 980). Шуканов Владимир Денисович, 1915 г.р., уроженец с. Средняя Печь Лельчицкого района БССР. Согласно заявлению брата, пропал без вести в марте 1944 г. // Письмо Лельчицкого РВК в Управление по учету погибшего рядового и сержантского состава от 2 сентября 1946 г. (Там же. Оп. 18004. Д. 693).

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 107. Д. 6.

⁷ По данным немецких исследователей, в этом лагере был зарегистрирован 56 381 военнопленный. См.: *Otto R., Keller R., Nagel J. Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam 1941–1945. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Heft. 4, Institut für Zeitgeschichte. Oldenbourg, 2008. S. 589.*

⁸ Масюковщина: Шталаг 352. 1941– 1944 / Под ред. С.В. Жумарь. Минск, 2005.

⁹ См., напр.: Список военнопленных, умерших в лагере Шталаг 352 (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 87. Д. 175. Л. 1) и запись в Книге (Там же. Оп. 107. Д. 6. Л. 202, 265).

¹⁰ См.: Там же. Оп. 87. Д. 177. Л. 28, 57. О работе русского медицинского персонала в лазарете Шталага 352 говорится в воспоминаниях врача – военнопленного Ф.М. Величко, хранящихся в архиве ИРИ РАН (Ф. 2. Р. VI. Оп. 22. Д. 13. Л. 3).

¹¹ «35 папок с больничными листами, историями болезни, 24 дела с рапортами дежурных врачей о смерти советских военнопленных в лазарете и списки погибших военнопленных на 9425 человек, составленные аппаратом ЧГК на основании обработки дел с рапортами дежурных врачей» (См.: ГАРФ. Дело фонда Р-7021. Т. 1. Л. 25).

¹² ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1473.

¹³ Так, в документах Шталага 352 среди младшего персонала лазарета нами

выявлены отец и сын: Осипенко Калистрат Семенович, 1897 г.р., и Петр Калистратович, 1922 г.р. (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 87. Д. 177. Л. 58), которые, согласно документам, размещенным в ОБД «Мемориал», позже оказались в лагере «Белосток» на территории Польши (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 1800. Д. 1474).

¹⁴ РГВА. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 16. Л. 5; ОБД «Мемориал» – картотека пленных офицеров; ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 107. Д. 6. Л. 172. Вероятно, был убит в лагере на основании приказа верховного командования вермахта от 4 марта 1944 г. (так называемый «Kugel-Erlass») о наказании в Маутхаузене военнопленных, совершающих побег (См.: *KZ-Gedenkstutte Mauthausen. Mauthausen, 2010. S. 83–90.*)

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 112. Д. 14.

¹⁶ Там же. Оп. 149. Д. 106. Л. 103–110.

¹⁷ Назовем лишь некоторые работы Райнхарда Отто: *Hser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VIK) Senne 1941–1945: Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen*

Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992; Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. Schriftenreihe der Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte Bd. 77. Mnchen, 1998; Keller R., Otto R. Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangene und die Wehrmachtbrokratie. Unterlagen zur Registrierung der sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945 in deutschen und russischen Institutionen // Militurgeschichte Mitteilungen 57. 1998. S. 149–180; Otto R., Keller R., Nagel J. Op. cit.

¹⁸ *Choumoff P.S. Nationalsozialistische Massentutungen durch Giftgas auf sterreichischem Gebiet 1940–1945, Mauthausen-Studien. Wien, 2001. Band 1 a. S. 131–140.*

¹⁹ *Сиксль П. Советские граждане, погибшие в Австрии в годы Второй мировой войны, и места их захоронения: Книга памяти. Грац; Вена, 2010.*

²⁰ *Choumoff P.S. Op. cit. S. 15.*

Концепция ЕСМ как передовая технология управления информационными ресурсами организации

Ключевые слова: управление информационными ресурсами организации, «Enterprise Content Management» (ЕСМ), информационный менеджмент, управление документами, документационное обеспечение управления, автоматизированная система управления документами.

Качественное управление информационными ресурсами сегодня становится одним из ключевых условий эффективной деятельности любой организации, ведь все важнее точно выполнять требования потребителя по предоставлению необходимой ему информации. По мере развития и усложнения информационной инфраструктуры организации перед ней встает задача формирования единого пространства, способного охватить и упорядочить разрозненные информационные ресурсы, процессы и системы. В нашей стране основным видом информационных ресурсов являются официальные документы, традиционно служащие главным, зачастую и единственным, объектом целенаправленного управления. К ним применяются устоявшиеся правила создания, обработки и хранения. Прочие же виды информации (независимо от ее реальной ценности) обычно остаются вне поля зрения делопроизводственных служб и архивов организаций. Высокий уровень требований к качеству информации диктует необходимость применения в данной области современных методов управления.

На Западе давно и успешно применяется более широкий и универсальный подход к управлению информационными ресурсами, основанный на концепции «Enterprise Content Management» (ЕСМ). Она предполагает управление документами в контексте формирования более обширной корпоративной системы управления информацией, охватывающей все значимые для организации виды информационных ресурсов независимо от формы их представления. Концепция ЕСМ нашла отражение в международных стандартах, обобщающих передовой опыт управления документами Европы, США, Канады, Австралии. Сегодня за рубежом разработан и действует целый ряд стандартов по различным вопросам управления информационными ресурсами, в том числе в электронной форме. Они устанавливают требования к метаданным¹, обеспечению информационной безопасности², юридической значимости и долговременного хранения электронных документов³, а также к функциональности автоматизированных систем управления документами⁴.

Довольно активно разрабатываются методические рекомендации, специально посвященные информационным ресурсам, традиционно не относящимся к классу официальных документов. Это детальные руководства по управлению электронной почтой, веб-публикациями, содержимым интернет-сайтов, мультимедиа-материалами, «цифровыми активами», «социальным» контентом и др.⁵ Активную исследовательскую и образовательную деятельность по продвижению концепции ЕСМ ведет Международная профессиональная организация в области управления информацией АИМ International (далее АИМ)⁶. При ее поддержке были разработаны многие аналитические отчеты, обзоры достижений, а также стандарты и методические рекомендации по выбору и внедрению систем класса ЕСМ, вопросам сканирования, индексирования данных и обеспечения доступа к информации. На сегодняшний день концепция ЕСМ объединяет наиболее передовые, выработанные мировым профессиональным сообществом подходы, позволяющие обеспечить комплексное управление информацией и документами посредством современных информационных технологий.

В отечественной литературе эти сюжеты затронуты в основном в контексте методологии информационного менеджмента, технологий работы с электронными документами, внедрения систем управления документами⁷, а также долговременного хранения и использования информационных ресурсов в электронной форме⁸. Более активно проблематика ЕСМ обсуждается на различных мероприятиях, проводимых ВНИИДАД, компаниями – разработчиками программных продуктов для управления информационными ресурсами, компанией АБВУУ в рамках проекта «Docflow» (ежегодная конференция, цикл тематических онлайн-семинаров, обучающий курс по методике АИМ и др.), в Интернете⁹.

Такое положение дел обязывает к подробному рассмотрению основных положений концепции ЕСМ и возможностей ее практического применения в России. Однако прежде всего стоит раскрыть историю появления самого названия концепции.

В ходе развития западного рынка программных продуктов и платформ, предназначенных для управления различными видами информационных ресурсов, менялись и их обозначения, что объяснялось совершенствованием функционала таких продуктов и маркетинговыми усилиями компаний-разработчиков. Одной из первых на рубеже 1980–1990-х гг. появилась аббревиатура EDMS – «Electronic Document Management Systems». Данный класс систем обычно включал функционал одного или нескольких блоков: управление изображениями (imaging), потоками работ (workflow), информационными материалами и объектами (document management), сохранением данных («COLD – Computer Output to Laser Disk»)¹⁰. Объектом хранения и управления таких систем были информационные материалы (document) – важная корпоративная информация, которая могла и не иметь статуса официальных документов¹¹. В ответ на появление на рынке EDMS-продуктов разработчики решений для управления официальными документами стали обозначать свои продукты как ERMS – «Electronic Record Management Systems». В дальнейшем продукты обоих классов активно интегрировались, происходило и слияние / поглощение компаний-разработчиков. Наиболее крупные из них смогли предлагать своим корпоративным клиентам комплексные решения для управления практически любыми видами неструктурированной информации. Данная область получила новое обозначение «Content Management»¹².

В первое десятилетие XXI в. к понятию «Content Management» добавилось определение «Enterprise», т.е. «корпоративный» или «масштаба предприятия». Во многом это произошло благодаря деятельности АИМ и формированию профессионального сообщества специалистов в данной области. Таким образом, в настоящее время для обозначения всего широчайшего круга технологий, продуктов и методик, обеспечивающих эффективное управление всеми видами информационных ресурсов в масштабе организации, используется понятие «Enterprise Content Management». В последние годы на Западе начался переход технологий ЕСМ на качественно новый уровень: от разрозненных решений, внедряемых обычно в рамках подразделения, и «нишевых» программных продуктов к внедрению универсальных информационных платформ в масштабе организации. Так же как внедрение систем класса «Enterprise Resource Planning» (ERP) позволяет автоматизировать операционные и учетные задачи организации, технологии и методы ЕСМ способствуют превращению корпоративной информации в управляемый ресурс и помогают эффективно использовать его для достижения деловых целей.

Согласно определению АИМ, «ЕСМ – это набор стратегий, методов и инструментов, используемых для сбора, обработки, хранения и распространения документов и иной информации, относящихся к процессам управления»¹³. ЕСМ позволяет управлять любой неструктурированной информацией организации независимо от места создания. Она ориентирована на работу с информацией в любом виде, включая тексты, графические образы, аудио- и видеофайлы, сообщения электронной почты, факсы и др., независимо от типа данных и формата. Ее основная задача – поддержка полного жизненного цикла

информации. Ключевая особенность определения, сформулированного АИМ, состоит в понимании ЕСМ как сочетания трех элементов: стратегии комплексного управления информационными ресурсами, практической деятельности по реализации данной стратегии, информационных систем и технологий, поддерживающих эту деятельность. Она демонстрирует, что сегодня формирование эффективной стратегии и реальной практики управления информацией невозможно без применения современных информационных технологий. Иными словами, ЕСМ-технологии становятся неотъемлемой частью информационной инфраструктуры организации, а эффективность управления ставится в прямую зависимость от успешного их внедрения и использования.

Общие положения концепции ЕСМ систематизированы и изложены в одном из основополагающих методических документов в данной области, разработанном Британским институтом стандартов (BSI), – проекте стандарта «Корпоративное управление контентом – практические правила»¹⁴. В нем сформулированы базовые подходы к пониманию сущности ЕСМ, ее элементов и выработаны практические рекомендации по внедрению ЕСМ-технологий. Стандарт предназначен для руководителей, специалистов по управлению документами и информацией, ИТ-служб, вовлеченных в деятельность по обеспечению эффективного использования информации в масштабе организации.

Среди первоочередных задач, на реализацию которых направлено внедрение ЕСМ-технологий в организации, можно выделить формирование ее единого информационного пространства, охватывающего все виды информационных ресурсов; повышение эффективности взаимодействия сотрудников; обеспечение соответствия технологий нормативным требованиям, предъявляемым к управлению информацией регулирующими органами; предоставление информации в качестве доказательства фактов деловой деятельности (например, в случае судебного разбирательства); снижение рисков неэффективного управления информацией и обеспечение непрерывности деловой деятельности; приобретение конкурентных преимуществ за счет повышения эффективности управления информацией и снижения стоимости ее обработки. Они достаточно подробно раскрыты в публикациях западных специалистов¹⁵.

Концепция ЕСМ ориентирована на любую значимую для организации информацию (в том числе официальные и неофициальные документы, данные и метаданные), причем не только слабо структурированную (например, текстовую или графическую), но также и описывающие ее структурированные данные, которые аккумулируются в корпоративных информационных системах; статистическую, т.е. неизменяемую, информацию (например, утвержденные документы или содержимое интернет-сайта), а также динамическую, т.е. изменяющуюся в процессе использования (например, рабочие версии документов, базы данных и знаний и пр.).

В основе концепции ЕСМ лежит понятие «совместная работа», т.е. групповое взаимодействие и коммуникации между сотрудниками организации в процессе работы с информацией. Речь идет о процессах коллективного создания, редактирования и использования информационных ресурсов. При этом акцент смещается от контента к управлению взаимодействием между членами группы, коллектива, проектной команды или организации в целом. В этом состоит еще одно отличие концепции ЕСМ от традиционных подходов, при которых в центре внимания всегда остается документ. В качестве примеров типичных сценариев совместной работы, которые могут быть автоматизированы посредством современных ЕСМ-технологий, выступают подготовка и согласование рабочих версий документов; организация проектирования; коммуникации через чаты, форумы, мгновенные сообщения, доски объявлений, видеоконференции и др.; формирование баз знаний и обмен опытом решения сложных задач. Особенно ярко данное явление выражается в набирающей популярность тенденции к «социализации контента», т.е. в применении к корпоративной информации приемов и инструментов, характерных для построения «социальных сетей».

Что касается обеспечения исполнения требований действующих нормативно-правовых актов в области управления документами и предоставления документов в качестве доказательства фактов деловой деятельности в ходе судебных процессов, то эти задачи характерны и для отечественной традиции документационного обеспечения управления (ДООУ). Однако следует отметить, что российское законодательство дополнено соответствующими требованиями относительно недавно, тогда как законодательство США и Европы давно содержит множество норм, обязательных для выполнения определенными организациями.

Под обеспечением непрерывности деловой деятельности (*continuity*) понимается гарантирование доступности жизненно важной для организации информации даже при технических сбоях. ЕСМ предлагает технологии и методы для безопасного хранения информации с централизованным управлением и распределенным доступом, фиксирует все значимые действия, защищает информацию от неавторизованного доступа, выполняет интеллектуальные выборки по различным базам данных, предоставляет их сотрудникам в виртуальных электронных папках, сохраняет данные в приложениях и использует средства восстановления информации в случае сбоя. Перечисленными возможностями отчасти обладают и другие системы автоматизации традиционного документооборота, но область их действия ограничена преимущественно официальными документами и данными о них. В то же время важная для работы организации информация может не иметь статуса официального документа (например, аналитические материалы, личные документы сотрудника, сообщения электронной почты, базы данных и пр.). Информационная система, построенная на концепции ЕСМ, более универсальна, а потому способна полноценно выполнить такую задачу, как обеспечение непрерывности деловой деятельности в условиях растущей сложности управленческих и технических структур и нестабильности внешней среды. Именно поэтому современное крупное предприятие не может оставаться конкурентоспособным и даже жизнеспособным на протяжении длительного периода без применения ЕСМ-технологий.

Известно, что в условиях постоянно увеличивающегося информационного потока использование традиционных технологий становится неэффективным. Например, стоимость хранения, поиска и предоставления бумажных документов существенно превышает стоимость создания электронных архивов. Это означает, что при достижении определенного объема информации ее дальнейшее хранение в бумажной форме оказывается нецелесообразным, невыгодным с финансовой точки зрения, а зачастую и технически невозможным. То же относится и к процессам создания, поиска и распространения информации. В такой ситуации внедрение ЕСМ-технологий способно существенно снизить прямые издержки организации.

Тем не менее от внедрения ЕСМ не следует ожидать немедленного снижения затрат, поскольку данный процесс весьма дорогостоящий, особенно в фазе реализации. Однако, как правило, вложения быстро окупаются за счет перехода на более совершенную технологию. ЕСМ-система объединяет информацию из разных источников, что позволяет отказаться от использования большого количества разнородных информационных систем и уменьшает стоимость обслуживания единой технологической платформы. С учетом данного фактора при внедрении ЕСМ упор должен быть сделан не на окупаемость вложений, которая будет достигнута достаточно скоро, а на развитие организации в целом.

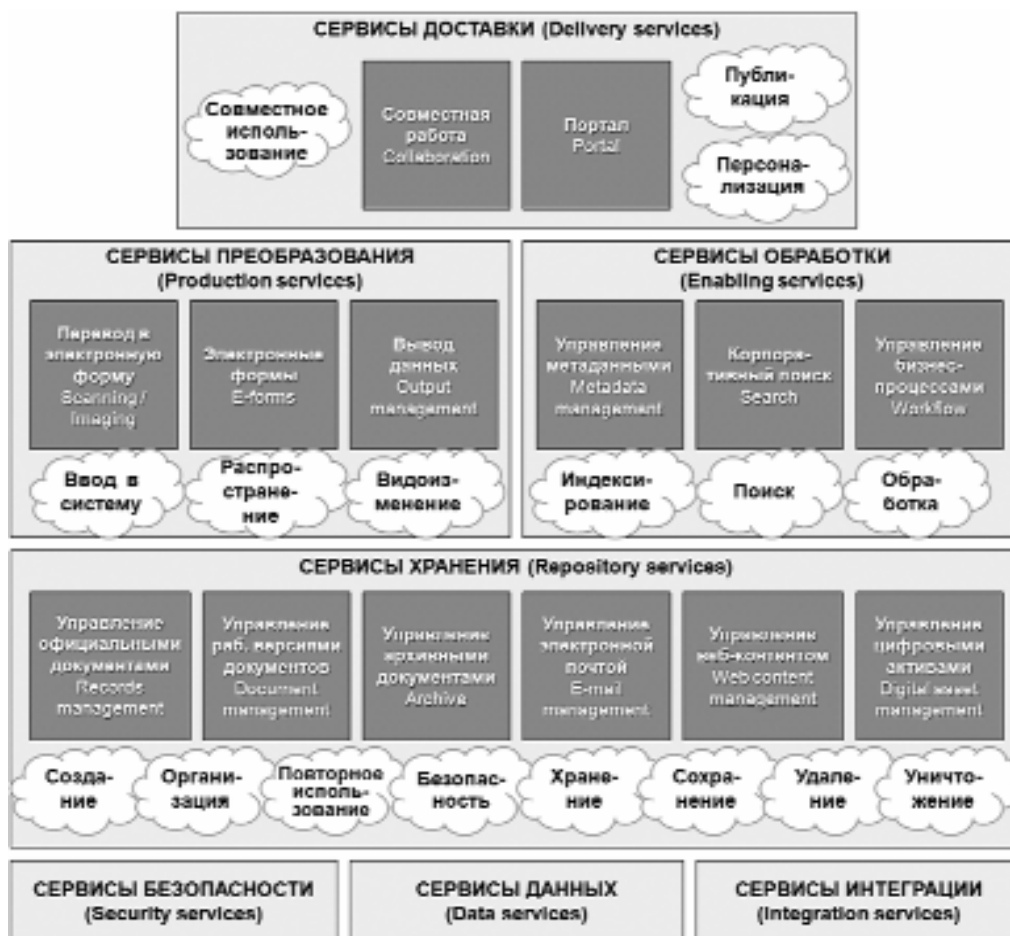
В рамках рассматриваемой концепции разработано несколько моделей, детально описывающих основные функциональные области ЕСМ и технологии, предназначенные для их поддержки.

Одним из ключевых в концепции является понятие «ЕСМ-система». Это совокупность технологий, способных при правильном сочетании обеспечить эффективное взаимодействие между людьми и используемой ими информацией и процессами¹⁶ (см. схему).

Каждая из ECM-технологий, сгруппированных по «глобальным» функциональным разделам, имеет определенное назначение и область применения, включает набор поддерживающих инструментов. Для их реализации разработчики систем предлагают различные программные продукты (универсальные платформы и специализированные модули). Причем для решения задач ECM даже начального уровня организациям обычно требуется создать систему, объединяющую несколько технологий (например, корпоративный портал, средства совместной работы и поиска информации, управления рабочими и официальными документами), которые в ряде случаев обладают сходными, а иногда и идентичными функциональными возможностями (т.е. «перекрывают» друг друга)¹⁷. Все это свидетельствует о достаточно высоком уровне сложности создания комплексных корпоративных информационных систем класса ECM. Эффективное внедрение в организации всего широкого спектра ECM-технологий требует четкого понимания назначения и области применения каждой из них; определения областей, где «перекрываются» функциональные возможности нескольких технологий (это обуславливает необходимость более тщательного планирования); разработки внутренних нормативных документов, регламентирующих порядок использования ECM-технологий; обучения сотрудников, отвечающих за информационные технологии в организации (направленного на улучшение понимания основных аспектов концепции ECM); привлечения внешних консультантов, специализирующихся на внедрении ECM-технологий¹⁸.

Схема

Ключевые компоненты ECM-системы *

* Составлена по материалам проекта британского стандарта PAS 89 Enterprise Content Management Code of Practice, 2011: <http://drafts.bsigroup.com/Home/DocumentSpool/775fileId=119>.

Названные выше технологии можно выбирать и внедрять в зависимости от требований конкретной организации как своего рода «строительные блоки», используемые для выстраивания оптимального механизма управления, контроля и получения максимальной отдачи от деловой информации. При этом не существует универсальной системы, которую можно было бы тиражировать и применять повсеместно. Корпоративная ЕСМ-система – это тонко настроенный механизм, собранный из базовых технологий, обеспечивающий решение стоящих перед организацией задач и развивающийся по мере роста ее потребностей¹⁹.

В то же время построение ЕСМ в организации путем комбинирования базовых технологий достаточно трудоемко и не обеспечивает необходимого уровня интеграции компонентов. Поэтому зачастую современные ЕСМ-системы строятся посредством представленных на рынке тиражируемых ЕСМ-платформ²⁰, общими свойствами которых являются совместимость всех компонентов; их модульность и расширяемость; совместное использование компонентов администрирования и общих ресурсов; единообразное использование информации всеми компонентами; использование компонентов в качестве сервисов в рамках общей архитектуры; соответствие действующим отраслевыми стандартам для облегчения внедрения компонентов, принадлежащих сторонним разработчикам²¹.

Таким образом, концепция ЕСМ изначально предполагает комбинирование тех или иных технологических компонентов. При этом качество управления информационными ресурсами организации напрямую зависит от полноты и степени интеграции данных компонентов, которое, в свою очередь, определяется применением технологических платформ и отраслевых стандартов. По справедливому мнению некоторых российских специалистов, «невозможно свести все многообразие источников информации под одну крышу, загнать все в одну систему, какой бы всеобъемлющей она ни была. Следовательно, ЕСМ – это еще и стратегия управления неструктурированной информацией, которая может быть реализована только при согласованной и скоординированной работе различных информационных систем, существующих на предприятии»²². Все это требует решения целого спектра сложных методических, организационных и технологических задач. Однако такой подход обеспечивает качественно иной уровень эффективности в управлении информацией.

Рассмотренные положения концепции ЕСМ позволяют иначе взглянуть на многие проблемы теории и практики управления документами в нашей стране. Действительно, у нас техническое оснащение управленческих структур зачастую опережает методическое обеспечение новых технологий, что приводит к неэффективному и несистемному их использованию²³, а большинство проектов внедрения крупных автоматизированных систем управления документами (АСУД) как в государственных, так и в коммерческих организациях оказывается предназначенным лишь для отдельных деловых процессов. В итоге объемы обрабатываемых информационных и документационных потоков неуклонно растут, а уровень сложности применяемых в управлении технологий и средств повышается. В случае, если организации и дальше продолжают наращивать технологический и методологический хаос в этой сфере, могут наступить негативные последствия, вплоть до утраты ими конкурентоспособности.

Усложнение современных корпоративных информационных систем толкает к необходимости скорейшего практического применения концепции ЕСМ. Многие западные аналитические агентства, описывая функциональные модели ЕСМ-систем, не случайно пользуются такими терминами, как «строительство здания», «развитие живого организма» или «формирование экосистемы»²⁴, поскольку каждая из них проходит множество стадий своего развития (уровней зрелости). Важно с самого начала заложить правильный фундамент, обеспечить благоприятные условия для данного процесса и соблюсти разнообразие требования. Любое отклонение от оптимальных параметров и

ошибка, допущенная на ранней стадии формирования базовой инфраструктуры, способны в будущем привести к серьезным осложнениям или краху всей системы. Иными словами, каждый шаг на пути формирования эффективной ЕСМ-системы должен тщательно выверяться, опираясь на методологически проработанную основу. Именно такую основу и предоставляет концепция ЕСМ. К тому же она в корне изменяет понимание сути и роли автоматизации документооборота. На современном этапе управление документацией в организациях не может считаться эффективным, если не основывается на применении достижений информационных технологий. Иными словами, сегодня внедрение АСУД не только желательно, но и необходимо. Концепция ЕСМ рассматривает документы наравне с прочими видами информационных ресурсов и предлагает комплексные подходы для управления ими. При таком понимании АСУД должны быть теснейшим образом интегрированы в общий технологический ландшафт ЕСМ, а значит, имеет смысл рассматривать их не как самостоятельный класс информационных систем, а скорее как часть корпоративной ЕСМ-системы.

Данные выводы подтверждаются опытом осуществления проектов по автоматизации управленческих процессов с применением положений концепции ЕСМ. Наибольшего эффекта удастся достичь в случае, когда ЕСМ-система организации выстраивается на единой технологической платформе, создаются все необходимые функциональные модули. Часть из них решает типовые задачи автоматизации документооборота, другая – специфические (например, корпоративный портал, автоматизация бизнес-процессов, поиск информации и др.). Опираясь на единую платформу, все модули изначально интегрированы между собой, что существенно облегчает их использование и дальнейшее развитие. Функциональные возможности любого модуля могут быть применены к любой совокупности информационных ресурсов. Тогда последние оказываются не «запертыми» внутри породивших их разрозненных систем, а легко доступными для сквозной обработки. Это, например, преобразование черновика в официальный документ, использование его в различных автоматизированных процессах, публикация на портале для ознакомления, последующее перемещение на хранение и т.п.

Информационная система, созданная на основе концепции ЕСМ, формирует из глубоко интегрированных компонентов единое информационное пространство организации. При этом отчетливо проявляется синергетический эффект, т.е. возможности единой системы существенно превышают сумму возможностей всех ее компонентов в отдельности. Попытка создать подобное пространство без единой методологической и технологической основы, как правило, приводит к нагромождению разрозненных программных продуктов и так называемой лоскутной автоматизации. Возможности такой системы ограничены, а степень интеграции компонентов не позволяет эффективно решать поставленные перед ней задачи. Как следствие, систему невозможно развивать в будущем и адаптировать к изменяющимся требованиям.

EOS for SharePoint

Комплексная система управления документами на ЕСМ-платформе мирового уровня Microsoft SharePoint 2010 от компании ЭОС

- Автоматизация процессов регистрации, хранения и поиска документов;
- Автоматизация контроля исполнения документов и нарушений;
- Создание централизованного хранилища документов и структурированных информационных ресурсов и организация общего доступа пользователей к хранящимся в системе данным

т.: (495) 221-24-31 www.eos.ru

Практическая значимость концепции ЕСМ подтверждается тенденциями российского рынка программных продуктов для автоматизации документооборота. В последние годы многие крупные разработчики АСУД стремятся перепозиционировать свои продукты в качестве систем, поддерживающих идеологию ЕСМ. Выпускаемые ими новые продукты изначально ориентированы на поддержку ЕСМ. Так, например, компания «Электронные офисные системы» (ЭОС), чья продукция наиболее популярна в России, не так давно выпустила две новинки. Первая (eDoclib) представляет собой доступную ЕСМ-платформу для небольших организаций, вторая (Enterprise Office Solution for Share Point) является модулем для управления документами, реализованными на одной из наиболее популярных ЕСМ-платформ – Microsoft Share Point (для средних и крупных компаний). Оба продукта были специально разработаны в качестве основы для построения современных ЕСМ-систем и решения задачи управления всеми видами корпоративных информационных ресурсов, включая и официальные документы²⁵. Данный пример свидетельствует о наметившейся тенденции перехода от внедрения АСУД в качестве самостоятельных систем к внедрению полнофункциональных ЕСМ-платформ, в состав которых включены и модули для автоматизации документооборота.

¹ ISO 15836:2003, Information and documentation – The Dublin Core metadata element set (Информация и документация – Типовой набор метаданных «Дублинское ядро»); ISO/TS 23081– 1:2004, Information and documentation – Records management processes – Metadata for records P. 1: Principles (Информация и документация. Процессы управления документами. Метаданные документов. Ч. 1: Принципы).

² ISO/IEC 27002:2005, Information technology – Security techniques – Code of practice for information security management (Информационные технологии – Методы обеспечения безопасности – Практика управления информационной безопасностью).

³ ISO/TR 15801-2009, Document management – Information stored electronically – Recommendations for trustworthiness and reliability (Управление документацией. Информация, сохраняемая в электронном виде. Рекомендации по обеспечению достоверности и надежности).

⁴ MoReq2010: Modular Requirements for Records Systems. Vol. 1: Core Services & Plug-in Modules, 2011 (Модульные требования к автоматизированным системам управления документами); DoD 5015.2-STD «Draft Design Criteria Standard For Electronic Records Management Software Applications». Version 3. US Department of Defense, April 2006 (Стандарт требований к СЭД Министерства обороны США).

⁵ См., напр.: ANSI/ARMA 9-2004 «Requirements for Managing Electronic Messages as Records» (Требования по управлению электронными сообщениями как документами); «Guidance on Managing Web Records» (Руководство по управлению интернет-документами); PROA 03/07, Preserving Records in Databases

(Рекомендации по сохранению документов, хранимых в базах данных).

⁶ The Association for Information and Image Management (AIIM): <http://www.aiim.org>

⁷ Ларин М.В. Управление документацией в организациях. М., 2002; Ларин М.В., Рысков О.И. Управление документами на основе международного стандарта ИСО 15489-2001: Метод. пособие / ВНИИДАД. М., 2005; Они же. Электронные документы в управлении: Науч.-метод. пособие / ВНИИДАД. М., 2005.

⁸ Савин В.А. Архивные электронные информационные ресурсы Российской Федерации: идентификация и классификация // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 31–38; Киселев И.Н. Архивные информационные технологии на современном этапе // Там же. С. 24–31; Тихонов В.И. Применение традиционных методов в экспертизе ценности электронных документов // Там же. 2009. № 3. С. 37–47; Он же. Задачи архивного хранения электронных документов: из опыта ЦАДЭНМ // Там же. 2010. № 3. С. 51–60; Дроков С.В. Рекомендации МСА по работе с электронными документами для архивистов организаций // Там же. С. 65–73; Романченко Е.В. Постановка электронного документооборота в условиях финансового холдинга // Там же. 2011. № 5. С. 39–47; и др.

⁹ См., напр.: <http://www.docflow.ru/>; <http://www.dssconsulting.ru/>; <http://www.doc-online.ru/>; <http://doc.cnews.ru/>; <http://www.edms.ru/>

¹⁰ Володин Д.В. В чем отличия ЕСМ и CMS-систем? // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2011. № 10. С. 90–92.

¹¹ ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Управление документами. Общие требования. М., 2007. Термин «document» означает любые информационные материалы и объекты,

которые могут быть или не быть документами. Термин «record» имеет иное значение: это официальный документ, фиксирующий результаты деловой деятельности или свидетельствующий о выполнении действий. В качестве аналога англоязычного термина «content» используется термин «информационные ресурсы».

¹² Понятие «content» объединяет в себе понятия «document» и «record».

¹³ <http://www.aiim.org/What-is-ECM-Enterprise-Content-Management>

¹⁴ PAS 89 Enterprise Content Management – Code of Practice. 2011: <http://drafts/bsigroup/com/Home/DocumentSpool/775fileid=119>

¹⁵ См.: *Kampffmeyer U.* ECM – Enterprise Content Management. White Paper, 2006: <http://www.slideshare.net/DRUKFF/ecm-enterprise-content-managment-dmsexpo-2006-ulrich-kampffmeyer-presentation>; *Frappalo C.* Building an ECM Strategy – Alternatives and Decision Points: AIIM. White Paper, 2008: <http://www.aiim.org/Resources/Publications/AIIM-White-Papers/Building-an-ECM-Strategy>; AIIM Guide to ECM Purchasing, 2008: <http://www.aiim.org/Guide-to-Purchasing-ECM-Products-Services.aspx>.

¹⁶ *Frappalo C.* Op. cit.

¹⁷ AIIM Guide to ECM Purchasing.

¹⁸ *Hodgson S.* Planning for an Enterprise Content Management System: AIIM User Guide,

2004: [http://www.aiim.org.uk/download/files/.../3Planning an ECM.pdf](http://www.aiim.org.uk/download/files/.../3Planning%20an%20ECM.pdf).

¹⁹ *Kampffmeyer U.* Op. cit.

²⁰ Платформами принято называть программные продукты, предоставляющие широкий набор базовых сервисов в рамках единой технологической инфраструктуры. Преимущество использования платформ состоит в возможности создавать на их основе готовые функциональные компоненты для решения различных прикладных задач. При этом такие компоненты создаются, как правило, путем настройки и адаптации базовых сервисов платформы, что существенно упрощает данный процесс по сравнению с разработкой «с нуля». По той же причине создаваемые компоненты значительно лучше интегрируются друг с другом. (Why ECM Makes Sense: A Hummingbird. White Paper, 2006: <http://www.hummingbird.com/collateral/wp/ecmwhitepaper06.html>)

²¹ *Kampffmeyer U.* Op. cit.

²² *Макаров С.Б.* ECM: информация и процессы // Открытые системы. 2004. № 8. С. 12.

²³ *Ларин М.В.* Указ. соч. С. 6

²⁴ См.: <http://www.aiim.org/Resources/Publications/AIIM-Posters>

²⁵ См.: <http://www.eos.ru>

Уложение по организации губного дела 1600/01 г. о делопроизводстве московских приказов и фискальной политике Бориса Годунова

Ключевые слова: Уложение по организации губного дела 1600/01 г., фискальная политика, указная грамота, губная грамота, тархан, делопроизводство, Разбойный приказ, Ямской приказ, Приказ большого прихода, четвертные приказы, Российский государственный архив древних актов, Борис Годунов.

Личность Бориса Годунова получала самые разные и зачастую противоречивые оценки современников и историков; впрочем, все они так или иначе признавали его несомненный ум и таланты государственного деятеля. Среди его разнообразных начинаний и преобразований особый интерес представляет Уложение по организации губного дела, принятое в начале XVII в.

Единственным, кто высказался по этому вопросу, был историк В.И. Корецкий. Упомянув о составлении в 1601 г. некоего Уложения, согласно которому «предусматривались льготы для средних и мелких помещиков в выплате государственных налогов по строительству тюрем, содержанию тюремной администрации»¹, он сослался на указную грамоту 1601 г. губным старостам Владимирского, Суздальского, Юрьев-Польского и Нижегородского уездов о запрещении им брать с вотчин Троице-Сергиева монастыря людей для службы в губной избе и деньги на их содержание. Составление этого законодательного памятника исследователь увязывал с борьбой правительства против небывалого подъема преступности в начале XVII в. Однако изучение самого источника показывает, что комментарий В.И. Корецкого не совсем точен: он не только не раскрыл полностью всех упомянутых в указной грамоте норм не дошедшего до нас Уложения, но и исказил некоторые из них.

В подтверждение этого вывода в данной статье проведем источниковедческий анализ названного законодательного памятника и покажем его значимость для делопроизводства ряда московских приказов. Но сначала несколько слов о грамоте, где он упомянут².

Указная грамота губным старостам является ответом канцелярии Разбойного приказа на челобитную архимандрита Кирилла и братии Троице-Сергиева монастыря, просивших у царя об освобождении его владений от повинностей и денежных сборов, связанных с губным делом. Аргументация монастырских насельников была проста – они предъявили царю губную грамоту, данную Иваном IV и подтвержденную Федором Ивановичем, согласно которой на территории их вотчин существовала своя полноценная губа – полицейский округ с тюрьмой и полным штатом губной избы. Таким образом, они уже несли все расходы по обеспечению борьбы с преступностью и не видели смысла в оплате деятельности других губных учреждений. Просьба монастыря была удовлетворена, о чем губных старост известили сохранившейся указной грамотой. Что касается интересующего нас Уложения, то оно было пересказано постольку, поскольку разрешало старостам требовать исполнения повинностей и платы денежной подмоги персоналу губной избы с тарханщиков³, в числе которых был и Троице-Сергиев монастырь.

Появление на свет Уложения следует датировать концом 1600 – началом 1601 г., поскольку в тексте грамоты оно фигурирует как «новое Уложение», а значит, принято

относительно недавно. На это указывает и то, что архимандриту и братии Троицкого монастыря следовало сравнительно оперативно отреагировать на происходившее – едва ли они стали бы ждать несколько лет, чтобы уладить это дело. При этом Уложение не могло вступить в силу позднее 3 февраля, когда, следуя ему, суздальский губной староста Захарей Долгово Сабуров и его подопечные взимали налоги с вотчины Покровского монастыря в Суздальском уезде⁴. Очевидно, что, вопреки мнению В.И. Корецкого, составление этого законодательного памятника нельзя связывать с ростом преступности вследствие великого голода, начавшегося не ранее середины 1601 г., когда Уложение действовало уже не один месяц.

Таким образом, хронология событий представляется следующей. Уложение принято в конце 1600 – начале 1601 г. Но поскольку требовалось время, чтобы довести его до агентов власти на местах, оно вступило в силу не позднее 3 февраля. 19 сентября того же года дьяк Андрей Арцыбашев подписал монастырскую губную грамоту на имя Бориса Годунова и его сына⁵. И, наконец, почти через месяц, 14 октября, из канцелярии Разбойного приказа вышла указная грамота.

Важно также установить, кто являлся судьей Разбойного приказа во время составления и принятия Уложения, поскольку именно он как глава этого учреждения и его дьяки должны были донести до царя данную проблему и, возможно, даже предложить ее решение. В 1599 г. приказ возглавлял боярин Ф.Н. Романов⁶, но в конце октября – ноябре 1600 г. против Романовых начался судебный процесс, и они попали в опалу, а значит Ф.Н. Романов уже не мог стоять во главе приказа. С 1601 г. приказом стал руководить окольный И.М. Бутурлин, который в 1601 г. был у «городового дела» в Смоленске, а летом того же года встречал крымских послов в Ливнах⁷. Из этого следует, что он мог стать судьей Разбойного приказа только с конца лета – начала осени 1601 г. Таким образом, Уложение принято либо при Ф.Н. Романове (что маловероятно из-за несовпадения в хронологии, а также потому, что Годунов едва ли доверял ему в это время), либо при неизвестном нам главе приказа, который руководил им в ноябре 1600 – июле 1601 г. Несколько яснее дело обстоит с дьяками. Летом 1598 г. в приказе служили думный дьяк А.И. Татянин и дьяк Т.Петров, а осенью 1601 г. из них двоих продолжал службу А.И. Татянин вместе с И.Максимовым⁸. Скорее всего, Татянин оставался в приказе и во время принятия Уложения.

Теперь постараемся восстановить обстоятельства возникновения названного законодательного памятника. К этому времени Борис Годунов уже страдал от тяжелой болезни, обострившейся к осени 1600 г., а судьей Разбойного приказа вместо Ф.Н. Романова стал другой человек, успевший разобраться в нуждах нового учреждения. По нашему мнению, инициативу составления и принятия Уложения можно связать с именем дьяка А.И. Татянина, который с 1585 г. с небольшими перерывами служил в Разбойном приказе и хорошо представлял его задачи и проблемы. Однако это не означает, что Борис Годунов не принимал участия в составлении Уложения. На протяжении своего царствования он нередко болел, правда, это несколько не ослабляло его хватку государственного деятеля. Кроме того, встречающиеся в тексте формулировки – «наш указ», «по нашему новому Уложению» – ясно указывают на то, что царь был в курсе разработки и принятия этого законодательного акта. В противном случае в грамоте Уложение характеризовалось бы как результат деятельности лишь боярской думы («боярский приговор»). Последняя в годы правления царя Бориса самостоятельно вводила в оборот менее важные законодательные нормы, дошедшие до нас в Указной книге Разбойного приказа начала XVII в.

Для точного анализа содержания приведем цитату из той части акта, в которой пересказывается Уложение. «Преж сего посланы к вам наши грамоты – пожаловали есмь володимерцов, юрива-полского, суздальцов, нижгородцов дворян и детей боярских: в их

городех денежного сбора целовалником и дьячком быти с сох и подмоги им давати не велели, а указали есмя в тех городех быти губным целовалником и дьячком, и сторожом, и палачом, и биричем. Денежные всякие доходы с сох збирати губным ж целовалником и быти им у тех дел переменяясь по годом, а имати велено в целовалники крестьян с сох с патриарших, с митрополичих, с архиепископлих, с епископлих, с боярских, с околничих, з дворянских и з диячьих, з детей боярских, с монастырьских и с тарханщиков со всех земель, оприче посадов и наших дворцовых сел.

А первое велено имати с болших поместей и вотчин, а наперед больших с середних и с меньших поместей и вотчин целовалников имати не велено. А дьячков губных и сторожей, и палачей, и биричей велено устроить на белых местех, а подмогу им и целовалником велено давати с сох же денгами по нынешнему нашему указу. А посадов и с наших дворцовых сел губным целовалником и дьячком, и сторожем, и палачем, и биричем не быти и подмоги им давати не велено, потому что во всех городех на посадах и по слободам всякие наши таможенные пошлины указали есмя збирати посадским людем. А то в тех же городех: в Володимире, в Юрьеве-Полском, в Суздале, в Нижнем сохами тюрьмы поделывали. И вперед сохами тюрем поделывати не велено ж, а велено тюрьмы поделывати из нашии казны денгами»⁹.

Рассмотрим упоминающиеся в грамоте пункты Уложения. Прежде всего, для сбора налогов правительство отказывалось от услуг специальных агентов (целовальников и дьяков), которых следовало нанимать из местного населения и содержать за его же счет. Эти функции перекладывались на персонал губной избы, в комплектовании и обеспечении которого теперь должны были участвовать и тарханщики. От этой повинности и выплаты денег на содержание губных учреждений освобождались только жители принадлежавших государю дворцовых сел и посадов. Причем исключение в отношении последних даже объяснялось – жители посада полностью (и финансами, и кадрами) обеспечивали деятельность таможен в городах, т.е. уже несли бремя налогов и повинностей.

Губных целовальников следовало брать сначала с крупных земельных владений, а потом со средних и малых; порядок этот, как отмечалось в грамоте, нельзя было нарушать. Ряд служащих губной избы (дьяк, сторож, палач, бирюч) полагалось «устроить на белых местех», т.е. освободить от налогов. Помимо этого весь персонал губной избы, за исключением старосты, продолжал получать денежную подмогу, сумма которой определялась отдельным указом. Очень важно и то, что жители уезда освобождались от необходимости строить и ремонтировать тюрьмы; теперь их обслуживание полностью шло за счет казны. Наконец, в указной грамоте Уложение представлялось как пожалование, акт милости по отношению к дворянам и детям боярским, люди которых теперь не должны были нести еще одну дополнительную повинность и налоги.

Проведенный нами пересказ Уложения нуждается в комментариях. Сначала проясним вопрос о сборщиках различных налогов, опираясь на отписи о получении денег агентами из богатого архива Суздальского Покровского девичьего монастыря, имевшего вотчины как в Суздальском, так и во Владимирском уездах. Анализ этих документов убеждает, что сбор податей находился в руках самых разных категорий приказных людей. В 1580–1590-е гг. это были целовальники денежного сбора¹⁰, которые вносили кормовые деньги «за наместнич доход»¹¹. Но в самом начале XVII в. ситуация изменилась. Грамота от 3 февраля 1601 г. свидетельствует, что суздальский губной староста З.Д. Сабуров и его подопечные занимались сбором «кормовых денег за наместнич доход» по распоряжению из четверти. Очевидно, что институт денежных целовальников был отставлен по челобитью местных детей боярских, представлявших свое зависимое население¹².

Следующий затронутый в Уложении вопрос касается финансирования персонала губной избы и тюрем. В первых губных грамотах он обойден стороной, но существовал и регулировался не дошедшими до нас указными грамотами. Зато уже в Указной книге Разбойного приказа середины 1555/56 г. раскрывается вся тяжесть создавшегося положения: «...многие дети боярские и их прикащики и крестьяне к обыском не ездят, и губных старост не слушают, и тюрем не ставят, и крепостей к тюрьмам, и сторожей, и полоча не дают...»¹³ Еще через несколько месяцев судья Разбойного приказа боярин князь Иван Андреевич Булгаков безуспешно предлагал отменить в ряде уездов сбор подмоги губным целовальникам с местного населения, а сбор пошлины за пятнание лошадей отдать в руки губных старост там, где лошадей еще не пятнают, чтобы за счет подобной пошлины платить подмогу губным целовальникам¹⁴. Это предложение свидетельствует об отрицательном отношении населения к названным налогам и повинностям. Возможно, что подобная идея возникла не у самого судьи Разбойного приказа, а содержалась в одной из челобитных. В этом же докладе Булгаков обозначил нормы выплаты подмоги губным целовальникам, выбиравшимся с двух сох: с каждой из них платили по полтине, а в сумме – рубль на год.

Действовали ли в дальнейшем нормы, принятые при Борисе Годунове, и какова была их судьба? На этот вопрос помогает ответить указная грамота от 13 июня 1606 г. белоозерским губным старостам¹⁵, обнаруженная Н.Е. Носовым¹⁶.

Из сопоставления грамот (см. табл.) очевидна близость их содержания: нормы указной грамоты на Белоозеро повторяли статьи Уложения Бориса Годунова в отредактированном виде. Характер правки ясен – он направлен на учет реалий Белоозерского уезда как территории, где практически отсутствует служилое землевладение и хорошо развиты общины государственных крестьян и землевладение черного духовенства, прежде всего Кирилло-Белоозерского монастыря. Таким образом, ряд положений узаконений времени Бориса Годунова определенно оставался актуальным и при Василии Шуйском. Это подтверждает действие Уложения Бориса Годунова не только в тех уездах, куда была направлена указная грамота, но и на всей территории страны.

Таблица

Фрагменты текстов указных грамот губным старостам

Указная грамота от 14 октября 1601 г.	Указная грамота от 13 июня 1606 г.
«Имати велено в цоловалники крестьян с сох с патриарших, с митрополичих, с архиепископлих, с епископлих, с боярских, с околничих, з дворянских и з дьячьих, з детей боярских, с монастырьских, и с тарханщиков со всех земель оприче посадов и наших дворцовых сел».	«А имали бы естя в губные целовалники крестьян з Белозерского уезда с наших черных волостей, и с патриарших, и с митрополичих, и со владычних, и з боярских, и з дворянских, и з детей боярских, из с монастырьских с воотчин, и с поместей со всех земель, и с торханщиков, опрочь посаду и наших дворцовых сел...»
«А первое велено имати с болших поместей и вотчин, а наперед больших, с середних и с меньших поместей и вотчин целовалников имати не велено».	«А имали бы естя в губные целовалники наперед з болших костей, а затем с середних, после того имали с меньших костей, смечая в них земли противо больших и середних костей».

Изучение грамоты 1606 г. позволяет расширить наши представления о ведении в Белоозерском уезде губного дела в начале XVII в. Тогда местные приказные люди привели к присяге двух губных целовальников, один из которых был выбран с дворцовых земель. Местные губные старосты протестовали против подобного нарушения действовавшего порядка¹⁷ и требовали отправить выбранных лиц в Москву в Разбойный приказ к целованию креста. Приказные люди ответили категорическим отказом и обосновали свои действия, сославшись на грамоту Бориса Годунова из Новгородской четверти. Однако губные старосты направили в Москву челобитье для того, чтобы разобраться в создавшейся ситуации. В ответ из Разбойного приказа, возглавлявшегося боярином И.Н. Романовым и дьяком Т.Г. Корсаковым, пришла дошедшая до нас грамота 1606 г., в которой губным старостам как раз и изложили ряд пунктов из Уложения Бориса Годунова.

Совершенно ясно, что грамота из Новгородской четверти, которой руководствовались приказные люди, нарушала не только вопрос о крестоцеловании, но и один из пунктов Уложения 1600/01 г., который запрещал брать к губному делу целовальников с дворцовых земель. Интересен и тот факт, что грамота также была получена в период правления Бориса Годунова и служила руководством к действию, судя по тексту челобитья губных старост, не менее года. Очевидно, что в данном случае произошло столкновение интересов двух ведомств, которые оперировали разными законодательными нормами, противоречившими друг другу. Подобное явление было характерным для административной практики того времени как в центре, так и на местах. Приведем еще один пример. Хотя указная грамота из Разбойного приказа от 13 июня 1606 г. требовала с Кирилло-Белоозерского монастыря сбора налогов и исполнения повинностей в соответствии с нормами Уложения, это не помешало 11 июля того же года подтвердить жалованную тарханную грамоту монастырю, прописывавшую многочисленные фискальные льготы¹⁸.

Сравнение указных грамот помогает прояснить вопрос о том, в чью пользу было принято Уложение. В.И. Корецкий считал его продворянским, что, на первый взгляд, подтверждает и сама грамота, где дворяне и дети боярские названы объектом жалования. Но поскольку Уложение действовало и в Белоозерском уезде, большую часть населения которого составляли черносошные крестьяне, выходит, что оно принято в интересах широких слоев общества. Суммируя эти наблюдения, мы заключаем, что составители принятого в Разбойном приказе законодательного акта, с одной стороны, стремились облегчить фискальное бремя в отношении податного населения, а с другой – улучшить материальное положение служащих губных изб.

Из указной грамоты Разбойного приказа дмитровскому губному старосте Давыду Сафонову 1602 г. можем почерпнуть некоторые сведения о том, как работало Уложение в отношении тарханщиков¹⁹. Причиной выдачи этого акта стала челобитная протопопа кремлевского Успенского собора Ефимия, жаловавшегося, что с их сел и деревень в Дмитровском уезде губной староста требует людей к губному делу. При этом челобитчик представил судьям Разбойного приказа жалованную грамоту, в которой прямо говорилось об освобождении крестьян их владений от налогов и повинностей²⁰. Очевидно, что в данном акте речь идет о применении Д.Сафоновым Уложения 1600/01 г. Протопоп Ефимий в своем челобитье сообщал, что если до 1601/02 г.²¹ дмитровский губной староста не требовал крестьян с владений Успенского собора, то с этого года резко изменил свою позицию. Таким образом, он начал действовать по Уложению Бориса Годунова, которое распространило губную повинность и на тарханщиков.

Прошение протопопа было удовлетворено в Разбойном приказе, выдавшем ему указную грамоту «с прочетом» для дмитровского губного старосты с предписанием не нарушать жалованную грамоту и прекратить требовать с крестьян сел и деревень Успенского собора

исполнения этой повинности. Этим актом судьи приказа фактически нарушили нормы Уложения 1600/01 г., поставив владения Успенского собора в исключительное положение. Вероятно, в данном случае отстоять свои интересы собору помогли его особый статус и близость к государю. И все же, несмотря на это, представляется очевидным, что подобные изъятия могли происходить и позднее.

В этой ситуации нет ничего особенного. Похожие случаи были проявлением одной из черт русской государственности, которую довольно точно охарактеризовал академик С.Б. Веселовский, говоря о более раннем времени: «...живое дело обложения населения податями и повинностями, многообразно затрагивавшее существенные интересы князей, плохо поддавалось регламентации при помощи такого негибкого средства, как жалованные грамоты. Князья в разное время раздавали много жалованных грамот, но жизнь не стояла на месте, возникали новые потребности, и князья разрешали вопросы текущей жизни новыми жалованными грамотами или прибегали к более гибкому средству – к указным грамотам и нарушали тем самым свои прежние пожалования»²².

Большое значение для нашего исследования имеет установленный А.П. Павловым факт: в начале царствования Бориса Годунова лишь за частью монастырей были подтверждены льготы в полном объеме, в то время как остальные получили их в урезанном виде²³. Это также указывает на то внимание, которое уделял новый царь регулированию объема тарханов как одному из инструментов своей податной политики.

Что касается дальнейшей судьбы других статей Уложения, то, судя по имеющимся данным, через какое-то время выдача тарханных грамот монастырям и другим землевладельцам возобновилась. Это привело к принятию указа 1637 г. об оплате губных учреждений, которым было снова постановлено отставить тарханы и брать людей и подмогу без каких-либо изъятий. Интересно, что вынесший эту проблему на доклад царю глава Разбойного приказа окольный М.М. Салтыков, излагая существовавший ранее порядок обеспечения губных изб, представлял его крайне простым – сборы денег и людей производились со всех на равных условиях, а значит, к тому времени Уложение 1600/01 г. уже было забыто²⁴.

О размерах подмоги губным целовальникам при Борисе Годунове можно судить все из той же грамоты белоозерским губным старостам, где они четко прописаны: целовальник получал 4 руб., дьяк – 6 руб., сторож и палач – по 3 руб. каждый, бирюч – 2 руб.²⁵ Здесь хорошо видно, что сумма подмоги губному целовальнику выросла в пять раз по сравнению с серединой XVI в. К сожалению, не ясно, стало ли это новацией Бориса Годунова или произошло ранее. Также надо сказать, что сам размер подмоги целовальника и дьяка был достаточно велик для людей их положения и может быть сравним с денежными окладами мелких детей боярских, причем выдававшимися им, в отличие от служащих губной избы, далеко не каждый год. Положение всех служащих губы, кроме старосты и целовальников, по Уложению Бориса Годунова также улучшалось и тем, что их земли «обелялись», т.е. освобождались от налогов²⁶.

Как мы заметили выше, принятие Уложения не было связано с резким всплеском преступности во время великого голода. Более того, есть основания полагать, что этот акт – одно из звеньев в политике Бориса Годунова и его правительства начала XVII в. Обратим внимание на указную грамоту дмитровскому губному старосте и городовому приказчику от 1603 г. В ней, идя навстречу челобитной протопопа Успенского собора, руководство Ямского приказа освобождало владения кремлевского собора от предоставления крестьян для несения ямской повинности. При этом в указной грамоте говорится, что агенты приказа руководствовались памятью, полученной ими из Приказа большого прихода, за приписью Андрея Арцыбашева и Василия Нелюбова в 1600/01 г. В памяти пересказывался царский

указ, устанавливавший: «...з городов со всех сох и с тарханщиков имати на ям охотников велено»²⁷. Отметим два важных момента. Во-первых, здесь, как и в Уложении, речь идет об отмене тарханов. Во-вторых, память с изложением царского указа выдана в том же году, когда было составлено Уложение. Все это позволяет с большой вероятностью говорить о составлении отдельного Уложения, связанного с ямской гоньбой, а также о том, что отмена тарханов производилась по самому широкому кругу вопросов и сопровождалась принятием ряда дополнительных законодательных норм.

Не случайно, что именно из ведомства А.Арцыбашева и В.Нелюбова в Ямской приказ пришла память с изложением царского указа, ведь Приказ большого прихода специализировался на сборе самых разных налогов, включая и ямские деньги. Это свидетельствует о том, что данный указ об отмене тарханов был принят в Большом приходе, но и Ямской приказ, судя по всему, тоже участвовал в подготовке царского указа. Не стоит забывать, что именно судьи Ямского приказа, а не Большого прихода, подтвердили в 1603 г. льготы жалованной грамоты Успенскому собору. Поэтому нельзя исключать участия Большого прихода в составлении Уложения по организации губного дела, которое также отменяло тарханы. Таким образом, рассматриваемые преобразования проводились силами нескольких приказов, хотя едва ли возможно определить степень участия каждого из них²⁸.

Все эти внутривластные мероприятия необходимо рассматривать в контексте времени их осуществления: Уложение было принято в конце 1600 – начале 1601 г., т.е. к завершению начального этапа царствования Бориса Годунова. Последний, взойдя на престол, не раз заявлял о том, что в его царстве не будет бедных, и не единожды выражал готовность поделиться с бедными последней рубашкой²⁹. Известны и некоторые реальные акции – на год податные слои населения были освобождены от налогов, развивалась система государственного призрения. Однако все эти действия не позволяют составить достоверное представление о политике Годунова и ответить на вопрос: претворял ли царь в жизнь свои многочисленные заявления или они остались обещаниями?

В конечном счете Уложение и отмена тарханов как раз и должны были дать тяглым людям обещанное послабление от податей, сделать налогообложение более справедливым и равномерным. На примере Уложения 1600/01 г. хорошо видно, что Борис Годунов в своем указе использовал не только такой очевидный инструмент фискального воздействия, как отмена тарханов, но и ряд более оригинальных и беспрецедентных мер. Кроме того, реконструированный законодательный памятник в полном смысле слова является Уложением, т.е. системой различных правовых норм, подчиненных достижению одной цели.

Подводя итоги, следует отметить, что Уложение 1600/01 г. представляет интерес не только как источник для истории организации губного дела начала XVII в., в котором Годунов прибег к интересной комбинации как типичных, так и более оригинальных методов. Сопрягая этот законодательный памятник с известным актовым материалом, можно составить представление о реальной фискальной политике Бориса Годунова в отношении широких слоев населения до начала великого голода и резкого роста преступности. Хотя сегодня мало известно о том, как применялись Уложение и другие законодательные акты, совершенно ясно, что облегчению налогового бремени в отношении широких слоев населения мешали некоторые особенности российской государственности, отразившиеся в приказном делопроизводстве.

¹ *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 95. Несколько иначе историк говорит о содержании Уложения на с. 219 этой работы: «В нем шла речь, в частности, о

выборе губных целовальников, содержании тюремной администрации и т.п. Строительство тюрем правительством намеревалось осуществлять из казны. Мелким и средним помещикам предоставлялись льготы».

² В данной статье мы будем опираться на подлинную грамоту от 14 октября 1601 г., хранящуюся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ф. 281. Д. 1885. Л. 1–3. Помимо нее, известна еще одна идентичная ей по содержанию, но отправленная несколько позже (7 ноября) серпуховским губным старостам И.Цвилиневу и П.Соймонову и коломенскому губному старосте Д.Игнатьеву. Последняя была опубликована еще во втором томе Актов Археографической экспедиции, где помимо прочего упоминалась и грамота от 14 октября, использованная В.И. Корецким (См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 19.)

³ Тархан – освобождение от всех видов государственных налогов и повинностей. См.: Государственность России: Слов.-справ. М., 1996. Кн. 6. Ч. 1. С. 224.

⁴ Владимирские губернские ведомости. 1860. № 24. Часть неофиц. С. 105 (опубл. К. Н.Тихонравов).

⁵ Яковлев А.И. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 81.

⁶ «Писаные законы России»: Английское описание Московского государства конца XVI в. // Исторический архив. 1995. № 3. С. 197.

⁷ Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. I. С. 186, 192; Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Ист. зап. М., 1988. Т. 116. С. 195.

⁸ Павлов А.П. Указ соч. С. 195.

⁹ РГАДА. Ф. 281. Д. 1885. Л. 1–2.

¹⁰ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 575. Оп. 1. Д. 192. Л. 105 а. Автор статьи благодарит сотрудников РГАДА А.В. Маштафарова и А.В. Антонова, любезно предоставивших ему возможность ознакомиться с хранящейся в архиве копией этого источника.

¹¹ «Кормовые денги за наместнич доход» – одно из названий поступавшего в казну фиксированного налога, который появился после отмены кормлений в середине XVI в.

¹² Возможно, в самом челобитье дети боярские просили перепоручить эти функции уже существовавшему органу. Тем более что на этих территориях губные избы тоже занимались сбором податей, хотя и не так активно.

¹³ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1987. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 36.

¹⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 174. Оп. 2. Д. 252. Л. 2. Автор статьи благодарит А.П. Павлова, любезно предоставившего возможность ознакомиться с хранящимся в архиве подлинником этого источника.

¹⁶ См.: Носов Н.Е. Белозерская губная изба в начале XVII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 50–53.

¹⁷ Помимо недопустимого приведения к присяге в Белоозере, а не в Москве, губных старост также беспокоило отсутствие в губной избе документов о выборе губных целовальников местным населением. Оба эти нарушения носили довольно серьезный характер, поскольку формально выводили целовальников из-под контроля как старост, так и приказа, нарушая традиционный ход делопроизводства.

¹⁸ Носов Н.Е. Указ. соч.

¹⁹ Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII в. М., 1998. С. 26–27.

²⁰ На практике, по признанию Ефимия, они все-таки несли две повинности, предоставляя государству «смоленские и береговые посохи».

²¹ Первое известие об использовании Д.Сафоновым Уложения кажется подозрительно поздним относительно известной нам даты (3 февраля 1601 г.). Но на самом деле это не так. Он не мог применить норму о выборе целовальников и других должностных лиц с тарханщиков в 1600/01 г., когда было принято Уложение, поскольку в это время (январь–февраль 1601 г.) штат губной избы уже был укомплектован. Лишь спустя некоторое время, когда появилась необходимость выбора новых целовальников, которые служили не более года, Д.Сафонов начал действовать по Уложению. Не вызывает сомнения, что так же должны были поступать и другие губные старосты.

²² Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 132.

²³ Первой серьезной попыткой уничтожить тарханы стал известный приговор 20 июля 1584 г., который должен был временно («покаместа земля поустроится») отставить податные привилегии духовных и светских землевладельцев. Как показал А.П. Павлов, приговор не имел строгого действия и сознательно начал нарушаться правительством уже через полгода после его принятия. При этом верховная власть в ряде случаев, выдавая привилегии, оставляла за

собой право нарушить их в любое время. (См.: Павлов А.П. К вопросу об отмене тарханов в 1584 г. // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина, 26–28 января 1995. М., 1995. Ч. 2. С. 410.)

²⁴ Акты Российского государства... С. 180.

²⁵ Носов Н.Е. Указ соч. С. 51.

²⁶ В отличие от губных целовальников дьяк, сторожи, бирюч и палач могли занимать свои должности более года, чем, вероятно, и объясняется, что только их освобождали от налогов. По-видимому, правительство сочло нецелесообразным давать подобную привилегию всего лишь на год. Кроме того, губным старостам, целовальникам и дьякам выдавались особые жалованные грамоты,

предоставлявшие им полный судебный иммунитет и некоторые другие льготы.

²⁷ Акты Российского государства... С. 28–29.

²⁸ Выше уже было показано, что в случае с губными старостами сбор денег за «наместнич доход» курировался одним из четвертных приказов. Этот факт позволяет предположить участие четвертей в составлении Уложения по организации губного дела.

²⁹ Как заметил Р.Г. Скрынников, «финансовые меры Годунова клонились к тому, чтобы облегчить участь черных людей, сделать обложение более равномерным и справедливым, чтобы народу впредь «платить без нужи, чтоб впредь состоятельно и прочно и без нужи было»». (См.: Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве начала XVII в. Л., 1985. С. 41.)

**Документы Госархива Чукотского автономного округа
по истории торговли коренного населения Чукотки с
американскими компаниями
в конце XIX – первой четверти XX в.**

Ключевые слова: торговые отношения на Чукотском полуострове, меновая торговля, Государственный архив Чукотского автономного округа, Л.Ф. Гриневецкий.

История торговли на Северо-Востоке России, характер торговых отношений американцев, русских и коренных жителей Чукотки, степень влияния государства на эти процессы в разные годы давно привлекают внимание исследователей¹. Установлено, что во второй половине XIX в. торговая политика правительства в этом регионе не отличалась последовательностью. С одной стороны, были предприняты меры по охране границ от иностранной контрабанды: с 1872 г. организовано патрулирование («крейсерство») вдоль берегов Чукотки военных судов, русским купцам дано право бесплатной доставки туда товаров, с другой, предоставлена свобода действий иностранным торговым компаниям. В 1890-х гг. в целях сдерживания стихийного наплыва иностранных коммерсантов и китобоев в Анадырском и Чукотском уездах было создано пять государственных продскладов, которые до 1917 г. обеспечивали коренное население товарами первой необходимости². При этом большинство работ опирается на документы федеральных архивов, тогда как в Государственном архиве Чукотского автономного округа (ГА ЧАО) имеется документный комплекс конца XIX – первой четверти XX в. о развитии торговых и экономических отношений на Чукотском полуострове и роли в этом процессе государства: Российской империи, а затем советской России. (До 1993 г. этот корпус источников хранился в Государственном архиве Магаданской области. Часть документов, главным образом начала XX в., была утрачена во время переездов архива и пожаров.) Сегодня к обозначенной теме относятся документы 18 дел из шести фондов. В данной статье раскроем их состав и информационные возможности.

Важнейшую группу выявленных источников составляет организационно-распорядительная документация (указы, предписания, приказы, протоколы и др.). Так, в предписании военного губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера Л.Ф. Гриневецкому (он был статским советником, военным врачом, ученым, действительным членом Императорского Российского географического общества) от 14 апреля 1889 г., в котором тот назначался начальником учреждаемой в ее составе Анадырской округи, находим сведения о торговых связях аборигенов с американцами: «Чукчи и соседние инородцы уже давно ведут деятельную меновую торговлю почти исключительно с американцами и потому последние приобрели между ними сильное влияние. Постоянные ежегодно повторяющиеся сношения с американцами во многом оказали пагубное влияние на чукчей, так как привозимые скорострельные ружья способствовали скорейшему истреблению морского зверя, преимущественно моржей, и излишек заработка, остававшийся за покрытием насущных потребностей, обращался на приобретение преимущественно спиртных напитков и предметов, составляющих для чукчей роскошь. В настоящее время все большее истребление морского зверя делает заработок все более трудным и грозит для чукчей рано или поздно

бедствием. Как предотвратить эти бедствия и что предпринять для обеспечения местными промыслами довольствия и спокойной жизни инородцев этой северной окраины, – и будет составлять на первое время Вашу главнейшую задачу. С этой целью Вы должны стремиться вызвать сознание у чукчей их принадлежности к Русской империи»³. Согласно названному документу, Л.Ф. Гриневецкому предписывалось всесторонне изучить жизнь в крае, в том числе промыслы и торговые отношения населения с русскими и иностранцами, предметы вывоза и ввоза; собрать сведения о нуждах и потребностях населения с изысканием способов и мер «к удовлетворению их не в ущерб самого населения помимо приходящих туда американских и других иностранных судов»; выяснить условия устройства в устье реки Анадырь или в ином подходящем месте русских факторий, которые «взамен американских снабжали бы край всем существенно необходимым по ценам по возможности дешевым, и во всяком случае не дороже американских»⁴. Данный источник четко обозначил наличие тесных торговых контактов аборигенов с иностранными торговцами и озабоченность правительства необходимостью укрепления управления на Чукотке. К сожалению, Л.Ф. Гриневецкий через два года после своего назначения окружным начальником умер, не успев собрать полных сведений о крае.

Организационно-распорядительная документация советского периода⁵ отражает стремление власти уменьшить роль и влияние американцев на полуострове, искоренить бесконтрольное потребление природных ресурсов иностранными промысловиками, что являлось главными проблемами. В протоколах заседаний революционного комитета Анадырского края (1919 г.), Анадырского уездного исполкома (1920 г.) и уездного нарревкома (1921 г.) зафиксированы решения об отказе в добыче золота иностранным компаниям, о разрешении раскопки угля, введении налога на пушнину, вывозимую из Анадыря за границу, объявлении народным достоянием товаров отдельных торговцев и взыскании с них налогов, взятии на учет находившихся у них патронов и ружей и др.⁶ Случались и курьезные моменты. В одном из протоколов по обсуждению вопроса «О сдаче Чукотки для эксплуатации капиталистам» зафиксировано такое решение: «Ввиду неясности телеграммы постановить запросить о следующем: кому именно сдана? Вообще сообщить подробности о сдаче»⁷. Данный эпизод показывает, что на местах представители новой власти не владели ни политической, ни экономической ситуацией, часто не понимали (особенно в вопросах выдачи разрешений на торговую деятельность, уплаты долгов торговцам), какое решение уместнее принять.

Предписания уполномоченного по Чукотскому уезду 1920-х гг. касались наложения штрафов на иностранных торговцев за незаконное пользование углем, проверки законности у иностранных граждан разрешения на плавание в русских водах, наблюдения за шхунами с целью пресечения вывоза незарегистрированной пушнины⁸. Согласно приказам надзирателя милиции по Чукотскому уезду и предписанию заместителя начальника управления Анадырской уездной милиции, в 1923 г. все торговые фирмы и отдельные торговцы обязывались пройти процедуру регистрации, вводились учет скупаемой у местного населения пушнины, выдача компаниям удостоверений на право покупки нарезного оружия, а также его регистрация⁹.

Вместе с тем приказы уполномоченного губревкома по управлению Анадырским уездом и Чукотским полуостровом на получение товаров в кредит, долговые ордера отдельных торговцев и фирм свидетельствуют, что до середины 1920-х гг. иностранные компании обеспечивали в долг представителей советской власти, остро нуждавшейся в средствах, оружием, патронами, продуктами, медикаментами. Настоящие документы содержат

информацию о размерах выдаваемых ссуд и кредитов иностранными компаниями Камчатскому губревкому, справочные цены фирмы «Олаф Свенсон» на товары и пушнину¹⁰.

С окончанием Гражданской войны органы советской власти серьезно обеспокоились выстраиванием и упорядочением отношений с иностранными торговыми компаниями, которые вели свою деятельность на Чукотке уже долгие годы. Ситуация усугублялась тем, что в начале 1920-х гг. государственная торговля не могла охватить всю территорию Чукотского полуострова и обеспечить бесперебойную поставку товаров и продуктов в отдаленные села. В протоколах заседаний Анадырского уездного исполкома (1920 г.) и постановлениях Анадырского уездного нарревкома (1921 г.) отражены вопросы, касающиеся удовлетворения требований иностранных торговцев по возврату долгов, отобранных денежных средств и материальных ценностей, принятия новых расценок на пушнину с указанием минимальной и максимальной цены, взимания залога со шхун, приходивших из Америки для торговых целей, усиления контроля за торговцами, пересмотра ранее выданных разрешений на торговлю (в частности, фирме «Гудзон Бей» запретили торговать на реках Белой и Канчалан)¹¹.

Не менее острой проблемой в местах расселения коренного населения была торговля спиртом. Законодательно ее запретили еще в 1912 г., введя государственную монополию на завоз спирта в регион¹². Подобную политику продолжила и советская власть. Так, уполномоченным Камчатского губревкома по Чукотскому уезду в 1923 г. были введены суровые наказания за употребление и торговлю спиртными напитками: «Пьянство штрафуется от 25 руб. до 50 руб. Торговля спиртными напитками – от 100 руб. до 1000, в зависимости от социального положения виновного»¹³. Факты незаконной торговли неоднократно фиксировались и разбирались местной администрацией. Например, в протоколе следственного заседания ответственных сотрудников Управления уполномоченного губернского комитета по Чукотскому уезду в повестке отражен вопрос о торговле фирмы «Феникс» спиртом вопреки строжайшему запрету¹⁴. В документе также указаны цены на американский спирт, который продавали чукчам в 1922 г. (10 долларов за бутылку). 29 февраля 1924 г. Камчатский губревком принял постановление, согласно которому на сельские советы и ревкомы возлагался контроль за частной торговлей, развозной торг запрещался. С 1925 г. на Чукотке утвердились три формы торговли: государственная, кооперативная и частная, которые существовали вплоть до 1932 г.¹⁵

В самостоятельную группу источников можно выделить документы Чукотской уездной рабоче-крестьянской милиции. В протоколах (и приложениях к ним) надзирателя рабоче-крестьянской милиции, а также следственных заседаний ответственных сотрудников Управления уполномоченного губернского комитета по Чукотскому уезду 1920–1925 гг. отражены факты бегства за границу представителей крупных торговых компаний с запрещенными к вывозу товарами¹⁶. В следственных материалах представлены показания местных жителей, доверенных компаний и самих иностранных торговцев, что дает возможность установить круг лиц, занятых торговлей на Чукотке. Большинство иностранных коммерсантов были европейцами, получившими американское гражданство, являлись независимыми торговцами или представителями и торговыми агентами крупных компаний: «Свенсон и К^о», «Феникс», «Гудзон Бей». В документах фигурируют имена не менее трех десятков американских граждан, побывавших и проживавших на Чукотском полуострове. Местные, с которыми взаимодействовали американцы, – это аборигенные жители Чукотки: чукчи, эскимосы, чуванцы с оседлым или кочевым образом жизни (отдельные из них были торговыми агентами или посредниками иностранных предпринимателей)¹⁷.

Сохранились «Материалы показаний гражданина Федора Атаева, Алитета и американского подданного Питта Паульсена по делу об истребовании Алитета с гражданина Паульсена 17 белых песцов, взятых у него в 1920 г.»¹⁸, где содержатся любопытные подробности. В показаниях имеется информация о том, что Паульсен был управляющим по торговой части на шхуне «Polar Bear». Кроме того, здесь же есть сведения о передвижениях и характере торговли капитана этого судна Гутмансона. Алитет – посредник-торговец, из числа коренного населения Чукотки, который имел свой склад для хранения товаров, поставляемых фирмой Олафа Свенсона, продавал их кочевым и оседлым чукчам.

Незаменимым источником являются отчеты и аналитические доклады. Это, например, выписка из отчета за 1919–1920 гг. «Торговля в уезде и снабжение населения предметами первой необходимости» председателя Временного совета Чукотского уезда Д.А. Хренова, где дана подробная характеристика торговых отношений с коренным населением: «Все немногочисленные в уезде коммерсанты имеют склады на берегу, обыкновенно в селениях, и в глубь уезда товары поступают обычно или через береговых чукчей, которые, покупая для собственного обихода оленье мясо, шкуры и жилы, и везут оленним чукчам, наряду с продуктами морского промысла, патроны, ножи, чайники, мануфактуру, муку и прочее, или через самих коммерсантов, из которых некоторые отправляются зимой на собаках развозным торгом. Торговля имеет характер исключительно меновой. Деньги имеют второстепенное значение. У некоторых чукчей и эскимосов можно увидеть в небольших количествах американские доллары, русских же денег ни у кого нет, и со времени войны, в связи с падением курса рубля, население брать их, хотя, конечно, и не отказывается, но избегает, таким образом, когда дело касается денег, счет между населением и коммерсантами ведется в долларах, но чаще на нерп и песцов, причем песцы заменяют крупные денежные знаки, нерпа же стоит около доллара»¹⁹. Автор приводит перечень привозимых товаров: «Из русских товаров тут всегда шли: мука, которая теперь с каждым годом требуется все в большем и большем количестве, кирпичный чай, медная посуда, мануфактура, сахар, черкасский и маньчжурский табак. Американцы привозят сюда ружья, как винтовки, так и дробовики фабрик “Винчестер”, “Марлин”, “Ремингтонг”, “Стивенс”, “Саведж”... эти ружья хороши, отвечают местным условиям и сравнительно дешевы... Кроме ружей и патронов они привозят мануфактуру, из которой дрель, деним и ситец идут на камлейки; брезент, которым некоторые покрывают яранги; ножи, топоры, капканы, эмалированную посуду, цейлонский чай... Кусковый сахар, мука и посуда, медные и фаянсовые чашки тут предпочитают русские, все же остальное сюда идет из Америки, и в России нет товаров, которые могли бы заменить то, что сюда привозят американцы»²⁰.

В отчете также названы американские торговцы и шхуны, на которых они прибывали. Автор дает неудовлетворительную оценку положению государственной торговли на полуострове и свое видение решения проблемы снабжения территории: «...свободная торговля для русских и иностранцев при условии строгого контроля судов охранной службы, пошлины на вывозимые отсюда меха, параллельно с этим – организация среди населения кооперативов. С помощью правительства, если бы оно нашло возможность снабдить население несколькими маленькими шхунами, население само могло бы приобретать товары из первых, а не десятых рук, как оно принуждено делать теперь. Сейчас же всякие запретительные меры могут привести тут только к голодовке»²¹.

Наиболее информативны доклады заведующего подотделом продовольствия и бывшего делегата Анадырского уезда В.М. Чекмарева председателю Камчатского губревкома²² и его же доклад заведующему отделом коммунального хозяйства губревкома о продовольственном вопросе в Анадырском и Чукотском уездах за 1923 г.²³ В первом докладе автор называет всех

торговцев, владельцев факторий и шхун, пребывавших на Чукотском полуострове, благодаря чему мы имеем представление о географии и масштабах распространения здесь частной русской и иностранной торговли в начале 1920-х гг.²⁴ В подавляющем большинстве случаев русские торговцы являлись представителями или доверенными лицами американских торговых фирм. Проанализировав деятельность государственных продскладов в Анадырском и Чукотском уездах за 1917–1922 гг., В.М. Чекмарев пришел к выводу, что их положение ухудшилось из-за обесценивания денег, активности спекулянтов, политической и экономической нестабильности в стране, и поставил вопрос о необходимости открытия новых продскладов²⁵. По его подсчетам, 14 государственных продскладов смогли бы не только обеспечить население товарами и продуктами, но и оттеснить русских и американских частников из региона, вернуть затраты на содержание продскладов²⁶. По мнению Чекмарева, только государство может гарантировать стабильный завоз необходимых продуктов на Север. Данные документы содержат весьма достоверную информацию, так как их автор более трех лет находился в Анадырском уезде и вел личные наблюдения за жизнью населения.

Учетная документация представлена актами, приемо-сдаточными ведомостями конфискованных товаров, описаниями имущества складов, домов владельцев компаний и описями товаров торговых фирм²⁷. Так, в акте учета товаров фирмы «Феникс» на Колючинском складе числилось 171 наименование (чай, табак, эмалированные тазы, кукурузные курительные трубки и бумага, патроны, серные спички, сода, изюм, мыло, перец в банках, ножовки, пыжи, топоры, шомпола, малые зеркала, фонари, овощи сушеные, свечи, гребенки, ленты, дамские чулки, иглы, бритвы безопасные, ружья, соль, клык моржовый, кость мамонта, нерпичьи шкуры, капканы и др.)²⁸. В акте указано, в каком количестве был принят тот или иной товар, сколько продано в 1925–1926 гг. Учетные документы дают возможность реконструировать ассортимент товаров, завозимых на Чукотку, их стоимость и объемы, понять примерные масштабы торговой деятельности иностранных фирм, количество вывозимой пушнины, клыка.

Еще одна группа источников – переписка Камчатского губревкома с уездными ревкоммами и структурами рабоче-крестьянской милиции по Чукотскому и Анадырскому уездам о снабжении продуктами, об аресте товаров американских компаний²⁹; телеграммы, шифровки и донесения, касающиеся ликвидации торговых фирм, запрещения каботажного плавания иностранным судам, борьбы с контрабандным вывозом пушнины, оплаты государственных пошлин, наложения ареста на товары³⁰. Документы начала 1920-х гг. ярко иллюстрируют довольно болезненный процесс изъятия иностранных товаров, закрытия складов, сложность передачи имущества в руки советской власти.

Разного рода заявления, прошения и ходатайства отражают повседневную жизнь и нужды торговых людей, показывают, как установленные правила (запрет продажи алкоголя коренному населению; обязательная регистрация места пребывания иностранного гражданина, купленной им пушнины, нарезного оружия; введение пошлины на вывоз пушнины за границу) соблюдались на местах (например, проживание и передвижение приезжего населения на территории Чукотки)³¹.

Таким образом, архивные документы ГА ЧАО позволяют конкретизировать суть торговых связей и экономических отношений, установившихся между американскими предпринимателями и коренным населением Чукотского полуострова в конце XIX – первой четверти XX в., выявить положительные и отрицательные стороны американского влияния на данной территории, проследить логику действий органов советского правительства в отношении иностранных торговых компаний.

¹ *Олсуфьев А.В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Зап. Приамурского отд. Импер. Русского геогр. о-ва. СПб., 1896. Т. 2. Вып. 1; *Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. Социальная организация. Л., 1934. Ч. 1; *Мельчин А.И.* Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. М., 1951. Ч. 1; *Жихарев Н.А.* Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан, 1961; *Флеров В.С.* Строительство советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922–1926 гг.). Томск, 1964; *Мухачев Б.И.* Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917–1920 гг.). Новосибирск, 1975; *Исаков А.Н.* Краткие очерки истории русской торговли на Северо-Востоке Сибири и Аляске (XVII–XIX вв.). Магадан, 1994; *Марьясова Н.В.* Иностраный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. Владивосток, 2000; *Алелко А.В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2001; *Куликов М.И.* Чукотка. Зигзаги истории малых народов Севера. В.Новгород, 2002; *Казарян Э.Э.* Дальний Восток России в системе мировой торговли на рубеже XIX–XX вв. Н.Новгород, 2006; *Ярзуткина А.А., Коломиец О.П.* Взаимоотношения американских торговцев с коренным населением Чукотки в XX в.: Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии // Тр. Музея археологии и этнографии Сибири Томского гос. ун-та. Томск, 2010. Т. III. С. 232–250.

² *Исаков А.Н.* Указ. соч. С. 17–20.

³ ГА ЧАО. Ф. Д-9 «Начальник Анадырского округа». Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 19–21.

⁵ В 1920 г. был создан Анадырский уездный исполнительный комитет, вскоре преобразованный в Анадырский народно-революционный комитет. В декабре 1922 г. Камчатский губернский революционный комитет принял решение о создании уездного ревкома только в Анадырском уезде. Кроме того, он учредил должность уполномоченного губревкома по управлению в Анадырском и Чукотском уездах для охраны ценностей и задержания белогвардейцев (в некоторых

документах встречается название «губревком по управлению Анадырским уездом и Чукотским полуостровом»). Окончательно советская власть на Чукотке установилась только весной 1923 г. (См.: История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 150, 155.)

⁶ ГА ЧАО. Ф. Р-192 «Анадырский уездный революционный комитет». Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 18–19.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Ф. Р-182 «Чукотская уездная рабоче-крестьянская милиция». Оп. 1. Д. 3. Л. 28, 46, 49, 50, 52.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 3.

¹⁰ Там же. Ф. Р-191 «Управление уполномоченного губернского комитета по Чукотскому уезду». Оп. 1. Д. 1. Л. 6–10, 49, 61, 65, 71, 73, 85–86.

¹¹ Там же. Ф. Р-192. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 10, 17, 38, 43–44.

¹² *Исаков А.Н.* Указ. соч. С. 24.

¹³ ГА ЧАО. Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

¹⁴ Там же. Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–8.

¹⁵ История Чукотки с древнейших времен до наших дней. С. 168–169.

¹⁶ ГА ЧАО. Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 2, 5–9, 12–13, 23; Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 3. Л. 49, 51; Ф. Р-188 «Чукотский районный революционный комитет (с. Уэлен)». Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

¹⁷ *Ярзуткина А.А., Коломиец О.П.* Указ. соч. С. 234–235.

¹⁸ ГА ЧАО. Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–16.

¹⁹ Там же. Ф. Р-185 «Управление Чукотским уездом». Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Д. 2. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Л. 2–4.

²⁴ Там же. Л. 1–1 об.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6, 8, 11–12; Д. 5. Л. 23; Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 31–34, 36.

²⁸ Там же. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 31–34 об.

²⁹ Там же. Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–14.

³⁰ Там же. Д. 5. Л. 10, 18, 22, 57–58, 67, 70; Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

³¹ Там же. Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 8. Л. 12, 18–21, 23; Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–14.

Документы Госархива Кировской области по истории общественных организаций в Вятско-Камском регионе (последняя четверть XIX – начало XX в.)

Ключевые слова: гражданское общество, общественные организации, Государственный архив Кировской области.

Тема зарождения и становления институтов гражданского общества в Вятской губернии пореформенного периода до сих пор не заняла достойного места в отечественной историографии. Немногочисленные работы, подготовленные на материалах в том числе Государственного архива Кировской области (ГАКО), отражают преимущественно деятельность политических партий¹ или некоторых общественных организаций². Между тем документы ГАКО позволяют воссоздать историю возникновения и развития общественных организаций Вятско-Камского региона в полном объеме. В данной статье раскроем видовой состав и источниковые возможности этого документного корпуса начиная с последней четверти XIX в., когда вследствие проведения либеральных реформ Александра II наблюдалось появление многочисленных общественных организаций, и до 1917 г., когда деятельность большинства из них прекратилась, а общественная инициатива ушла в политическую плоскость.

Наибольшее количество документов по истории общественных организаций сосредоточено в архивных фондах государственных учреждений (канцелярии вятского губернатора, Вятской губернской земской управы, губернского по делам об обществах присутствия), фактически участвовавших в их поддержке. Вместе с тем сохранились и фонды самих общественных организаций, к примеру, Вятского художественного кружка, Вятского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, Вятского местного управления Российского общества Красного Креста и др. Важную часть этих комплексов составляют уставы, протоколы общих собраний, журналы правлений и другая организационно-распорядительная документация.

Большинство уставов общественных организаций находится в фондах канцелярии губернатора, губернского по делам об обществах присутствия и губернской земской управы, хотя встречаются они и в фондах самих организаций: Вятского художественного кружка, Уржумского женского союза³ и др. При этом ни в одном из фондов они не дублируются.

Первоначально все уставы общественных организаций были оригинальными и составлялись их членами. Однако в 1890-е гг. для упорядочения отношений с институтами гражданского общества и ужесточения контроля за их деятельностью государство в лице Министерства внутренних дел разработало ряд «примерных уставов» в качестве образцов для всех организаций. В уставах четко формулировались цели, направления деятельности, средства общества, определялись механизм управления делами, учредители, территория, а также порядок вступления и выбытия членов, открытия и закрытия общества.

Не последним по важности был пункт о членстве организации. Результаты сравнительного анализа уставов 15 благотворительных обществ, 10 обществ трезвости, 10 потребительских обществ, пяти общественных организаций в области культуры и искусства свидетельствуют о том, что в них обычно допускались любые категории граждан независимо от сословной принадлежности и национальности⁴. Но были и исключения. Например, в общества

вспомоществования, трезвости, в благотворительные общественные организации не допускались несовершеннолетние, военные, осужденные, административно-ссылные⁵. Члены всех обществ делились на почетных, действительных и соревнователей (сотрудников).

В соответствии с «примерными уставами» управление делами общественных организаций возлагалось на общие собрания их членов и правление. В состав последнего со званием выборных членов входили шесть лиц, избранных общим собранием на три года из числа членов общества. Из состава правления ежегодно выбывали два выборных члена, сначала по жребию, а затем – по истечении срока полномочий. Члены правления избирали из своей среды председателя, его товарища, казначея и секретаря. Важен был пост главы ревизионной комиссии, которая в конце каждого года тщательно проверяла отчетность.

Часть организаций не пожелала следовать процедуре замены индивидуальных уставов на типовые. Эта тенденция прослеживается по документам фонда канцелярии губернатора, где отложились ходатайства отдельных организаций конца XIX – начала XX в. Так, правление общества вспомоществования бедным ученикам Елабужского уездного училища в письме на имя губернатора заявило, что «не желает заменить свой устав вышеозначенным, утвержденным г. министром внутренних дел»⁶.

Тем не менее уже с 1897–1898 гг. большинство общественных организаций обзавелось «типовыми уставами». Однако и в этот период случалось, что какое-либо общество самостоятельно разрабатывало устав, пыталось отстоять его перед лицом бюрократической системы, как, например общество трезвости в Елабуге в 1897 г.⁷ Его основали потомственный почетный гражданин г. Елабуги П.Ф. Пламеневский и еще 30 человек, достаточно известных в уезде: учителя, земский землемер, инженер-механик, аптекарь, ветеринар, фельдшерица-акушерка. Утверждение устава длилось около года, причем из канцелярии губернатора приходили многочисленные предписания, отражавшие стремление власти контролировать создаваемое общество. Они требовали, в частности, в § 2 к словам «открыть чайную и столовую» добавить фразу «с разрешения местной полиции», а после слова «читальни» – «с разрешения г. начальника губернии, с соблюдением правил 15 мая 1890 г. о народных читальнях». В § 3 рекомендовали указать, что к членству в обществе не допускаются лица, состоявшие на действительной военной службе, а в § 27 – заменить слово «сборщик» на «казначей»⁸. В результате устав переписывался не менее трех раз, а общество смогло начать работу только в 1898 г.

Случалось, что процедура утверждения уставов обществ проходила на редкость быстро, причем именно Министерство внутренних дел и канцелярия губернатора выступали помощниками общественных организаций. Например, когда Уржумское общество трезвости, существовавшее еще с начала 1890-х гг., решив в 1899 г. учредить ссудно-сберегательную кассу⁹, не зная механизмов ее функционирования, обратилось с прошением о помощи в МВД, то министерство предложило взять за основу проект подобной кассы у служащих Камышинской городской управы Пермской губернии¹⁰. Не прошло и пяти месяцев, как устав кассы был утвержден, и она начала свою деятельность. Образцы наиболее грамотно составленных уставов рассылались по стране и становились своеобразным лекалом, по которому вырабатывались уставные документы организаций. Такие образцы в печатном и рукописном виде сохранились в фондах канцелярии губернатора и губернской земской управы.

Процессы зарождения, открытия, становления и ликвидации различных общественных организаций Вятско-Камского региона наиболее полно отражены в журналах Вятского губернского по делам об обществах присутствия. В них заключены сведения об утверждении либо отклонении ходатайств общественных организаций о внесении их в установленный

реестр, который велся в присутствии. Как правило, на одном заседании заслушивались и рассматривались ходатайства трех-четырёх обществ, но бывали заседания и по отдельным организациям. Так, 28 февраля 1909 г. присутствие рассматривало единственный вопрос – о закрытии Богородского сельскохозяйственного общества Котельничского уезда «за уклонение от условий деятельности, указанных в его уставе»¹¹. В журналах присутствия есть сведения об обществах, которые были зарегистрированы, но не проводили никакой работы или же она не соответствовала уставу.

В журналах Вятского губернского земского собрания и приложениях к ним часто встречаются материалы сессий губернского земства, где рассматривались вопросы о финансовой помощи общественным организациям. По их данным, к примеру, на очередной XXXIII сессии губернского земства 10 января – 1 февраля 1900 г. было решено выделить денежные средства Вятскому обществу земледельческих колоний и ремесленных приютов, Сарапульскому обществу потребителей, обществу взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Вятской губернии, Сарапульскому обществу трезвости¹².

В фондах ряда общественных организаций, как, например, Вятского дамского кружка, находятся протоколы общих собраний, журналы заседаний правления и доклады общего собрания правлению. Этот кружок образован 8 апреля 1904 г. с целью «сбора пожертвований и содействия личным трудом по изготовлению предметов солдатского обихода для оказания помощи больным и раненым воинам, находящимся в военных госпиталях и лазаретах действующей армии»¹³. Журналы заседаний правления кружка свидетельствуют, что здесь весьма скрупулезно учитывали изменения в количественном составе членов, после каждого проведенного мероприятия делая соответствующие записи. В апреле–мае 1904 г. правление кружка постановило публиковать выписки из журнала заседаний в приложении к «Вятским губернским ведомостям»¹⁴. Начинались журналы заседаний обычно с анализа прошедших акций и мероприятий, затем отмечались и поощрялись наиболее активные члены кружка, рассматривалась финансово-хозяйственная деятельность, а завершались описанием процесса принятия какого-либо важного решения или постановления правления кружка. Так, 8 июня 1904 г. в журнале правления Вятского дамского кружка был напечатан текст выступления вятского губернатора П.Ф. Хомутова. Губернатор посчитал, что поскольку цели кружка в большой степени совпадали с задачей, возложенной губернской властью на местный комитет Попечительства о семействах воинских чинов, призванных из запаса на Дальний Восток и состоявших там на службе, то правлению кружка целесообразно войти в состав местного комитета. После недолгих прений предложение П.Ф. Хомутова приняли¹⁵, и кружок по сути утратил свою организационную самостоятельность.

Составление отчетной документации обязательно оговаривалось уставом. Обычно отчет направлялся в два адреса: канцелярию губернатора и министру внутренних дел¹⁶. Большинство отчетов готовилось по итогам года, но иногда и за более продолжительные периоды. В них фиксировались изменения в личном составе организации, подробно раскрывалась ее деятельность, указывались доходы и расходы. Завершали отчет, как правило, протокол общего собрания членов организации и список членов. Столь содержательная информация позволяла определить степень успешности общественной организации, выявить ее основные проблемы и наметить пути их решения. Например, отчет общества вспомоществования Нолинской женской прогимназии за 1886 г. свидетельствует, что самыми серьезными проблемами подобных обществ были нехватка денежных средств и отток инициативных граждан из уездов в крупные города. За три года число членов общества уменьшилось с 43 до 24 человек, причем в распоряжении его правления в 1897 г. находилось «деньгами и различными вещами» на сумму 112 руб. (а в предыдущем году – 146 руб. 53

коп.)¹⁷. Сокращение бюджета было обусловлено отбытием из г. Нолинска двух самых богатых членов общества – купцов В.П. Булгакова и А.И. Грязькина, ранее регулярно выделявших ему крупные денежные суммы.

Важным источником о деятельности общественных организаций являются всеподданнейшие отчеты губернатора, выходявшие по итогам каждого года¹⁸, а также подготовленные для него губернской и земскими управами различные таблицы, перечни, ведомости. К примеру, в 1894 г. Вятская губернская земская управа составила для «всеподданнейшего отчета» полный перечень ссудно-сберегательных товариществ губернии, а также доклад об их деятельности и финансовом положении, а в 1887 г. в «отчете губернских и уездных учреждений для годового отчета губернатора» была сосредоточена и систематизирована информация о всех «ученых обществах, музеях и библиотеках Вятской губернии»¹⁹.

Таким образом, и в самих отчетах губернатора, и в приложениях к ним присутствует информация об общественных организациях, при этом обычно в двух разделах: «Общественное благоустройство и благочиние», «Народное здравие и общественное призрение». Документы свидетельствуют, что пристальное внимание в конце XIX в. отводилось вопросам борьбы за народную трезвость и нравственность²⁰. Так, в отчете губернатора за 1895 г. констатировалось: «...не подлежит никакому сомнению, что в последнее время стала встречаться масса сел, где из двух-четырех кабаков не осталось ни одного. Наместо кабаков открываются чайные, образуются общества трезвости и учреждаются их спутники – библиотеки, читальни и народные чтения»²¹. Для закрепления этой тенденции в 1898 г. губернатор предложил всем земским начальникам губернии озаботиться учреждением большого числа обществ трезвости, благодаря чему такие общества возникли еще в ряде уездов. В 1898 г. начали свою работу Гольянское, Елабужское, Малмыжское, Омутнинское, Петровское, Селтахское общества трезвости²².

Самостоятельную группу документов составляют списки членов кружков, обществ, товариществ Вятско-Камского региона и заявления граждан о принятии их в общественные организации²³. При этом наибольшее количество списков и перечней сотрудников находится в фонде Вятского местного управления Российского общества Красного Креста²⁴.

Весьма объемна и разнообразна переписка. Так, МВД регулярно запрашивало у губернатора информацию о тех или иных обществах, а тот в свою очередь отправлял необходимые распоряжения уездным исправникам собрать информацию на местах. Поскольку все сведения поступали в канцелярию губернатора, то в данном фонде имеются полные списки общественных организаций Вятской губернии на январь 1897 г. (145 обществ, кружков и товариществ), потребительских обществ на 1907 г., сельскохозяйственных товариществ и обществ, учрежденных в 1911–1913 гг.²⁵ Подобная информация есть и в фонде Вятской губернской земской управы, например «о пожарных дружинах и обществах Вятской губернии, их дееспособности и технической оснащенности» в 1915 г.²⁶

Переписка велась также между различными общественными организациями. Например, общество врачей Вятки поддерживало отношения со многими медицинскими обществами и «учеными учреждениями» (Кавказским и Виленским медицинскими обществами, обществами русских врачей в Санкт-Петербурге и Москве, обществами врачей городов Архангельска, Казани, Минска, Омска, Орла, Подольска, Харькова, Ярославля), обмениваясь с ними своими изданиями, участвуя в их мероприятиях²⁷. Вятская губернская ученая архивная комиссия переписывалась с Московским и Русским археологическими обществами, Архангельским обществом изучения Русского Севера, Уральским обществом любителей естествознания, Новгородским обществом любителей древности и др.²⁸, обменивалась научной литературой,

вела совместные проекты в области архивного дела и археологических раскопок, что также отражает переписка²⁹.

Содержимое архивных фондов дополняют справочные издания по Вятской губернии: памятные книжки, обзоры, адрес-календари, составленные губернским статистическим комитетом. В них часто встречаются перечни общественных организаций губернии по уездам, статьи об известных общественных деятелях.

Таким образом, комплекс документов ГАКО по истории общественных организаций Вятско-Камского региона весьма значителен. Он свидетельствует об их зарождении, развитии, деятельности, связях с обществами России и зарубежья, определенной их поддержке со стороны государства.

¹ *Балыбердин Ю.А.* Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы). М., 2005. Анализ деятельности непартийных общественных организаций в монографии посвящена лишь отдельная глава.

² *Касанов С.А.* Дорогой милосердия (от Вятки до Балкан) (1867–1914). Киров, 1992 (о Вятском отделении Всероссийского общества Красного Креста); *Грехов А.В.* Участие вятских и нижегородских медицинских работников в решении социальных проблем на рубеже XIX–XX веков // Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф.: К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии. Киров, 1994. С. 119–123 (о Вятском медицинском обществе); *Жаравин В.С.* А.Лебедев – просветитель и краевед: Исторические очерки. Киров, 2003 (о Кукарском образовательном обществе); *Брандобоувская Л.В.* Музыкальная культура г. Вятки конца XIX – первого десятилетия XX в. (на примере Вятского музыкального и церковно-певческого обществ). Киров, 2003; *Помелов В.Б.* Благотворительность в Вятке в дооктябрьский период // Тез. докл. к 9-м Петряевским чтениям. Киров, 2008 (о благотворительных обществах в Вятке).

³ ГАКО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–6; Ф. 1445. Оп. 1. Д. 100. Л. 73–75.

⁴ Большинство уставов всех видов общественных организаций находится в фонде Канцелярии вятского губернатора (Ф. 582), уставы благотворительных общественных организаций и обществ трезвости есть также в фонде Вятского губернского правления (Ф. 83), уставы потребительских обществ встречаются в фонде Вятской губернской земской управы (Ф. 616).

⁵ Там же. Ф. 582. Оп. 159. Д. 378. Л. 3. (Устав Гольянского общества трезвости в с. Гольян Сарапульского уезда Вятской губернии.)

⁶ Там же. Д. 54. Л. 6.

⁷ Там же. Д. 218. Л. 3–5.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 128. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 214

¹¹ Там же. Ф. 639 «Вятское губернское по делам об обществах присутствие». Оп. 1. Д. 101. Л. 9–9 об.

¹² Журналы Вятского губернского земского собрания XXXIII очередной сессии и приложения к ним (10 января – 1 февраля 1900 г.). Вятка, 1900. Рукописные экземпляры журналов хранятся в фонде Вятской губернской земской управы.

¹³ ГАКО. Ф. 153 «Вятский дамский кружок по оказанию помощи раненым и больным воинам, нижним чинам действующей армии и семьям призванных на войну уроженцев Вятской губернии». Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 5–6.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 19. Л. 83.

¹⁷ Там же. Ф. 582. Оп. 159. Д. 19. Л. 3.

¹⁸ Подробнее см.: *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 28–36.

¹⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 232. Л. 58–72; Д. 239. Т. 2. Л. 66–76.

²⁰ Там же. Ф. 574 «Вятский губернский статистический комитет». Оп. 2. Д. 141–149.

²¹ Приложение ко Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1895 г. Вятка, 1895. С. 52.

²² ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 218–221, 376, 379.

²³ Там же. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 8; Ф. 173 «Вятское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов». Оп. 1. Д. 2, 3; Ф. 1164 «Вятское окружное правление Российского общества спасения на водах». Оп. 1. Д. 3.

²⁴ Там же. Ф. 638. Оп. 1. Д. 69. Л. 91.

²⁵ Там же. Ф. 582. Оп. 140. Д. 252. Л. 1–28; Оп. 189. Д. 104. Л. 3.

²⁶ Там же. Ф. 616. Оп. 7. Д. 252. Л. 6–7.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 80. Л. 81–84.

²⁸ Там же. Ф. 170 «Вятская губернская
ученая архивная комиссия». Оп. 2. Д. 6. Л. 1,

22, 49–65.

²⁹ Там же. Д. 40. Л. 70; Д. 47. Л. 39.

Дела по обвинению духовенства и верующих Московской епархии в архивном фонде УКГБ по г. Москве и Московской области

Ключевые слова: судебно-следственные дела, православное духовенство, верующие миряне, Синодальная комиссия по канонизации святых Русской православной церкви, Государственный архив Российской Федерации.

После подписания 24 августа 1991 г. Указа Президента Российской Федерации № 82 «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР», определяющего необходимость передачи архивов КГБ СССР в ведение архивных органов в целях предотвращения незаконного уничтожения документов и создания условий их использования для нужд науки и культуры, и Указа от 23 июня 1992 г. № 658 «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» стало возможно системное изучение архивных дел, связанное с репрессированными, в том числе священнослужителями¹. Важную лепту в это дело внесла Синодальная комиссия по канонизации святых Русской православной церкви (РПЦ), накопившая значительный опыт поиска и изучения документов следственных и судебных дел политического характера². Осветим его в данной статье на примере лишь одного, но очень крупного и важного архивного фонда, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

В настоящее время в фонде «Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области. 1954–1991 гг.» (Ф. 10035) сосредоточено 98 064 дела за 1918–1988 гг., переданных из Архива Управления ФСБ по г. Москве и Московской области в 1998–2001 гг.³ Они заведены на арестованных по политическим статьям (преимущественно ст. 58 УК РСФСР), не систематизированы (одна часть дел имеет валовую нумерацию, другая – еще и индекс «П», т.е. прекращенные), не подкреплены научно-справочным аппаратом. Некоторое неизвестное количество дел осужденных по ст. 58 УК РСФСР до сих пор в ГАРФ не передано, поскольку не все обвиняемые по групповым делам были реабилитированы. Так, именно по этой причине в Архиве Управления ФСБ осталось на хранении дело № 11013 по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей московского духовенства и мирян за 1922 г., по которому проходит более ста человек.

8 сентября 1999 г. рабочая группа Комиссии по канонизации святых Московской епархии приступила к изучению указанного комплекса архивных документов для выяснения судеб пострадавших от репрессий в XX в. православного духовенства и мирян, а также выработки приемов работы с судебно-следственными делами. Исследования проводились в соответствии с Регламентом доступа к материалам прекращенных уголовных и фильтрационно-проверочных дел в государственных и ведомственных архивах⁴ и инструкциями ФСБ России.

В первую очередь были упорядочены извлеченные из дел фотоснимки репрессированных граждан: 3167 фотографий систематизированы в алфавитном порядке фамилий, размещены в картотечных ящиках и включены в опись. Затем перешли к последовательному просмотру дел, руководствуясь епархиальным принципом, т.е. принадлежностью репрессированных священнослужителей и мирян к определенной территории, в данном случае к Москве и Московской области (Московская епархия). Такой подход позволил установить, кто был

духовным отцом репрессированного, какой церковной традиции арестованный придерживался, его мнения и суждения по различным вопросам, а также свидетельства о своих близких и других лицах, получить некоторую дополнительную информацию⁵.

Для исследования отбирались дела как обвиняемых, так и свидетелей, поскольку в судебном-следственном производстве духовенство часто проходило не только в качестве обвиняемых, но и свидетелей, и поэтому было очень важным и существенным исследовать и эти дела. На учет брались судебные-следственные дела архиереев, иереев, диаконов, церковнослужителей, монашествующих и послушников, председателей и членов церковных советов, просфорниц, «активных церковников», юридичных, мирян всех направлений: тихоновского, единоверческого, старообрядческого, обновленческого, григорианского, истинно-православной церкви, а также тех, кто отрекся от сана и перестал служить. Сложнее всего было с верующими мирянами: исследователями регистрировались те из них, кто в той или иной степени исповедовал веру. В результате образовались три документных блока: основной корпус дел, подвергшихся изучению; дела родственников священноцерковнослужителей, а также те дела, из которых можно было получить сведения общего характера (например, о том, как велось в те годы следствие). Группа судебном-следственных дел, касающихся родственников пострадавших священноцерковнослужителей, изучалась для сбора информации о репрессированном духовенстве не только Московской, но и других епархий, что имело существенное значение для Синодальной комиссии по канонизации святых РЦП. В последнюю группу вошли, например, дела самозванцев (священников, монахов), вдовы Г.Гапона, участников философско-религиозных кружков и лиц из церковной среды с широким кругом знакомств.

По итогам просмотра дел был составлен алфавитный указатель обвиняемых и свидетелей с указанием номера судебном-следственного дела, позволяющий быстро найти по фамилии человека, а затем дело для детального изучения. В результате удалось установить обвиняемых, проходивших по двум, трем и даже четырем делам.

Тщательному анализу подверглось 2261 дело, заведенное на священноцерковнослужителей и мирян, в том числе 94 дела на позднее освобожденных подследственных⁶ и 18 прекращенных дел.

Число обвиняемых и свидетелей составило 4689 человек, из них 4368 обвиняемых. Осужденных женщин было 1505, из которых 1176 монашествующих и послушниц; мужчин – 3184, в том числе 287 монашествующих, включая 17 архиереев. Белое духовенство (священники и диаконы) составило 1420 человек, церковнослужители – 1367. Снявших сан оказалось 74, причем трое из них продолжали служить. Три человека бежали из мест заключения и ссылки и находились в розыске. Одно судебном-следственное дело было заведено на обвиняемую, которую не смогли арестовать, сделав пометку «лежит недвижимая». 25 человек принадлежали к истинно-православной церкви, 12 – к старообрядцам, 13 – к григорианцам и 68 – к обновленцам. Один человек получил условное наказание.

В делах выявлен 591 свидетель из духовенства и верующих мирян, 276 из которых не оговорили обвиняемых. Осужденных свидетелей – 170 человек. Кроме того, в исследованных делах зафиксированы две голодовки и семь отказов от дачи показаний⁷.

По числу обвиняемых дела распадаются на индивидуальные и групповые, последние, в свою очередь, распределяются по составу арестованных: клир храма и церковный совет; пастырь и группа монахов или монахинь; лица, лишённые избирательных прав, жители небольших городов, «бывшие люди»: помещики, купцы, чиновники, торговцы и люди духовного сословия, представители духовенства; заключенные, отбывшие срок, включая

православное духовенство и мирян. Правда, по групповым делам помимо духовенства проходили и крестьяне, протестовавшие, например, против закрытия храмов⁸.

Большинство рассмотренных судебно-следственных дел возникло в ходе внесудебного рассмотрения тройками при региональных УНКВД СССР и отличаются по составу от дел, решаемых в судебном порядке. По этому признаку дела внесудебного следствия можно разделить на две группы: включающие только обязательные следственные документы и содержащие помимо этого документы, приобщенные в качестве вещественных доказательств, изъятые при аресте. Первая группа дел содержит справку как формальное основание на арест; постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения; анкету арестованного⁹; справку сельсовета о социальном и имущественном положении обвиняемого и его характеристику с краткими сведениями об обвиняемом; ордер на производство обыска; протоколы обысков, допросов обвиняемых и свидетелей¹⁰ (в том числе составленных в 1940–1950-х гг. в связи с пересмотром дел) и очных ставок; обвинительное заключение по делу; выписки из протокола заседания тройки при региональном УНКВД СССР и акта о приведении приговора в исполнение; справку о смерти обвиняемого (составлялась по запросам родственников в 1950-е гг.) и по судебно-следственному делу; протест (в порядке прокурорского надзора); заключение по делу.

Вторая группа дел богаче по составу, так как помимо следственных включает личные документы, в том числе фотографии, творческие, финансовые и имущественные материалы, а также официальные документы Церкви¹¹. Так, в делах фонда обнаружены: 171 послужной список, 10 дневников и дневниковых записей и десятки писем. При этом творческие материалы и церковная документация отличаются значительным видовым разнообразием. Документы из этой группы судебно-следственных дел при условии специального анализа их информационных возможностей могут частично восполнить огромные пробелы в историко-церковных документах 1920–1940-х гг. государственных архивов.

Исследование судебно-следственных дел позволило выделить четыре репрессивных периода в истории страны: 1918–1920 гг. – Гражданская война, 1922–1924 гг. – изъятие церковных ценностей, 1929–1932 гг. – коллективизация, 1937–1938 гг. – массовые репрессии, что подтверждает разброс выявленных дел по годам. На первый период пришлось 46 дел, на второй – 34, на третий – 777, на четвертый – 1023.

С годами менялись не только законодательные основы репрессий и порядок их документирования, но и видовой состав дел. В делах по обвинению православного духовенства и мирян 1937–1938 гг. появляются документы, которых не было в 1918–1924 гг. Например, постановление о возбуждении дела; протокол задержания; извещение следователю о задержании подозреваемого; постановление о принятии дела к производству; постановление об избрании меры пресечения; постановление о заключении под стражу.

Самыми неупорядоченными и трудными для изучения являются дела первого и второго периодов с нарушением хронологической последовательности документов и характерными внешними признаками: большим количеством ошибок, опечаток и подчеркиваний в текстах протоколов и стенограмм судебных заседаний; множеством угасающих и поэтому трудно читаемых рукописных (с использованием разных и нередко некачественных чернил), а также машинописных текстов. К 1937 г. качество оформления дел заметно повысилось: появились внутренние описи, большинство документов составлялось уже на бланках с номерами, датами и другими реквизитами; вырос уровень грамотности авторов. Хотя по-прежнему имелось большое количество орфографических и синтаксических ошибок, описок и исправлений, а также искажений имен, фамилий, путаницы в определениях духовных санов и званий, специфических сокращений, применяемых следователями, следов изъятия и

неоднократной перенумерации листов в деле и номеров самих следственных дел, немало подчеркиваний. Тем не менее для следственных дел 1937–1938 гг. характерны хорошее физическое состояние и высокая степень формализации документирования судебно-следственных действий. Отмеченные особенности обязывают исследователей проводить дополнительные изыскания и последующую идентификацию проходящих по делам лиц. Специфические условия создания такой документации требуют повышенного внимания к использованию содержащейся в ней информации.

Для объективной интерпретации этой группы источников важно понять не только самих авторов документов (обвиняемых, следователей, свидетелей), но и основу их взаимодействия. Отношение органов репрессивной власти к служителям Церкви и верующим было однозначно негативным, враждебным. Человек обвинялся в антигосударственной или контрреволюционной деятельности, и обвинению следовало любыми способами добиться признания его вины. Документы свидетельствуют, что следователи твердо придерживались этой цели в рамках установленного процессуального порядка. Тем не менее, несмотря на желание следователя ограничить содержание протокола рамками трафарета, в него все же проникали элементы психологии личности подследственного, т.е. весьма ценные сведения о конкретном человеке, его жизни, взглядах на события действительности, религиозные убеждения. Но даже тогда, когда протокол писался следователем без привлечения обвиняемого, а иногда и в его отсутствие, важна реакция подследственного на содержание протокола – ставил ли он после ознакомления с ним свою подпись или следователь вынужден был его переписывать и корректировать. (Следователь был обязан знакомить обвиняемого с текстом протокола допроса, о чем говорят протоколы неграмотных людей, в которых вполне отразилась их собственная позиция, а не воззрения следователя. В конце допроса такие обвиняемые ставили вместо подписи один или три креста, а порой – отпечаток пальца.)

Свидетелей, с учетом мотивации их поведения, можно разделить на штатных, по должности (председатель колхоза, бригадир, председатель сельсовета и др.) и «независимых» (соседи и сослуживцы). Штатные свидетели знали, что говорить, что писать и что подписывать. Их показания были грамотными и четкими. Протокол свидетелей по должности составлял следователь, они его только подписывали. «Независимые» же свидетели – это очень разные люди с различным поведением. Некоторые пытались соотнести свои показания, претендующие на объективность, с требованиями властей. Другие говорили правду. Однако, зафиксированная в протоколе допроса, она не включалась следователем в обвинительное заключение. Использование свидетельских показаний в качестве доказательств тех или иных фактов требует серьезной проверки, хотя в общем комплексе источников по следственному делу они несут свою меру информативности. Взаимодействие обвинения и обвиняемого находит разрешение в обвинительном заключении, основанном на протоколах допросов свидетелей и обвиняемого и зачастую объективно интерпретирующем позицию обвиняемого в признании или непризнании вины. При общем давлении обвинения на подследственных многие из них все же отрицали какую-либо вину, соглашаясь умереть, но не погрешить против истины, что показывает духовную и нравственную высоту священнослужителей и мирян. Судебно-следственные дела являются ценным источником как о фактической жизни РПЦ в годы репрессий, так и о духовной высоте и мужестве ее священнослужителей и мирян¹².

Сведения об обвиняемых, полученные в результате анализа архивных дел, исследователями оформлялись в виде документальных справок, которые стали исходным материалом для написания и житий, и биографических статей¹³, а затем дополнялись

персональной информацией из официальных и личных архивов, периодики, опросов людей, знавших пострадавших.

Документальная справка являлась по сути поисковым планом для последующего выявления и сбора архивных документов для написания жития новомученика. В случае обнаружения неточностей в дате и месте рождения исследователи обращались в региональные архивы и их филиалы для получения метрической выписки о рождении. Для уточнения данных об образовании запрашивались сведения об учебе в духовном училище или духовной семинарии.

Содержащиеся в деле сведения о местах служения помогали обнаружить в архивах послужные списки и другие документы, а просмотр епархиальных газет – персональную информацию и творческие материалы новомученика, если он писал статьи, проповеди и др. Указания в следственном деле на предыдущие аресты помогали отыскать дела, находящиеся в архивах региональных УФСБ, что весьма важно, так как отсутствие хотя бы одного дела арестованного по политической статье не позволяет ставить вопрос о включении его имени в Собор новомучеников и исповедников российских.

Таким образом, изученные с 1999 по 2007 г. судебно-следственные дела содержат исключительно ценную и многоаспектную информацию не только о конкретных лицах, но и о событиях внутрицерковной жизни периода репрессий, раскрывают характер взаимодействия основных церковных групп и их отношение к политике советского государства.

¹ Генеральная прокуратура РФ: Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Курск, 1999. Ч. I. С. 5–6; *Весновская Г.Ф.* Основные этапы реабилитации жертв политических репрессий: законодательство и практика пересмотра дел // Отечественные архивы. 2004. № 3. С. 28–32; *Павлова Т.Ф.* Проблемы обеспечения доступа пользователей к судебно-следственным делам // Там же. С. 32–34; *Белюкова А.И.* Поиск информации о репрессированных православных священнослужителях // Там же. С. 35–36; *Жданова Г.Д.* Розыск сведений о репрессированных нуждается в координации // Там же. С. 36–37; *Вертилецкая Е.В.* Фотодокументы в архивно-следственных и проверочно-фильтрационных делах // Там же. С. 38–39; и др.

² Этот термин закреплен в методическом пособии «Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.)», опубликованном в 2008 г. Однако в судебно-следственной и архивной практике применяются и иные термины: «уголовные дела в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям», «судебно-следственные дела», «архивно-уголовные дела», «следственные дела».

³ ГАРФ. Ф. 10035. Дело фонда 4.18. Л. 55.

⁴ Регламент доступа к материалам прекращенных уголовных и фильтрационно-проверочных дел в государственных и

ведомственных архивах Российской Федерации // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 97–101. Позднее появилось Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел // Российская газета. 2006. 22 сентября.

⁵ *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Торжество Православия на мучилищном поле // Новая книга России. 2000. № 6. С. 25.

⁶ Причинами освобождения служили зачастую согласие сотрудничать с органами ЧК–ОГПУ–НКВД и ходатайства граждан в защиту обвиняемых. 22 человека из числа арестованных подверглись принудительному лечению, некоторые обвиняемые подверглись психиатрической экспертизе, но принудительное лечение в качестве приговора они не получили, поскольку такой метод воздействия на обвиняемых в те годы не практиковался.

⁷ Вероятно, их было значительно больше, но отмечены те, проведение которых зафиксировано соответствующим актом. Последний составлялся не всегда, ведь протест в форме голодовки или отказа от показаний мог быть интерпретирован органами НКВД как плохая работа следователя.

⁸ ГАРФ. Ф. 10035. 1929 г. Д. 47390.

⁹ Фотографии обвиняемых на анкетах, как правило, отсутствуют. Нередко фотографии вложены в дела (иногда в конвертах) или прикреплены к обложкам скрепками. В случаях, когда обвиняемые приговаривались к различным срокам заключения, их фотографии передавались вместе с делами заключенных по месту отбывания наказания.

¹⁰ Формуляр этого документа имеет две разновидности (краткую и полную).

¹¹ *Романова С.Н.* «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян. 1937–1938 г. // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 4–12.

¹² Там же. С. 10–11.

¹³ *Иноземцева З.П.* Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним: Рец. // Там же. 2005. № 1. С. 116–118; «Я слагаю с себя звание и профессию служителя религиозного культа...» Биография иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) по документам российских архивов / Публ. С.Н. Романовой // Там же. № 4. С. 100–114; *Игумен Дамаскин (Орловский)*. «Жатвы много, а делателей мало...»: архивные источники агиографических исследований биографии архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) // Там же. 2009. № 4. С. 92–100; и др.

Кисловодский муниципальный архив

Ключевые слова: история г. Кисловодска, комплектование архива, использование архивных документов, архивный отдел администрации городского округа города-курорта Кисловодска Ставропольского края.

К*исловодск – ведущий кардиологический и бальнеологический курорт всероссийского значения, расположен на юге Ставропольского края в живописной долине, окруженной с севера и востока склонами Пастбищного хребта, с юга – Кабардинским хребтом; находится в 65 км от Эльбруса. Более 300 дней в году здесь солнечные.*

Официальная история города-курорта начинается с 1803 г. – даты основания военной крепости у Кислого колодца – источника нарзана. Впрочем, сама минеральная вода известна с незапамятных времен. Священный источник в живописной долине был глубоко почитаем у горцев. Тюркоязычные народы называли его «ачесу» – «кислая вода», а кабардинцы – «нартсанэ», что означало богатырский напиток, напиток нартов – легендарного народа великанов, некогда населявшего этот край.

Первое письменное упоминание о кислом источнике относится к 1717 г. и принадлежит лейб-медику Петра I Г.Шоберу, которому поручалось «искать в нашем государстве ключевых вод, коими можно пользоваться от болезней». Выполняя приказ царя, Шобер обнаружил и описал «Брагунские теплицы» у старой русской крепости Терки близ слияния Сунжи и Терека. И в этом же донесении упомянул: «Также есть в Черкасской земле изрядно кислый родник».

В 1784 г. путешественник Яков Рейнеггс так описал лечебные свойства минеральной воды: «От двух стаканов этой воды происходит опьянение, за которым следует глубокий сон». В 1793 г. естествоиспытатель академик Петр-Симон Паллас обстоятельно изучил источник кислой воды и представил первое научное описание нарзана, предсказав ему большое будущее.

Считается, что первооткрывателем курортных сезонов был командующий войсками на Кавказской линии граф И.И. Морков. В 1798 г. он с небольшим отрядом расположился лагерем над

Об авторе: Ирина Алексеевна Васильева, с 1992 г. заведующая архивным отделом администрации городского округа города-курорта Кисловодска. В 1981–1984 гг. – инспектор архивного отдела Ставропольского крайисполкома. Окончила Московский государственный историко-архивный институт (1981 г.). Неоднократно обучалась на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации по архивному делу ОЦПК ВНИИДАД, в Ставропольском филиале Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Награждена почетными грамотами и благодарностями Комитета Ставропольского края по делам архивов, администрации и губернатора края, Росархива, Минкультуры России, медалью Ставропольского края «За доблестный труд» III степени и др. В 2010 г. завоевала вторую премию на краевом конкурсе «Лучший муниципальный служащий».

источником на горке, сегодня именуемой Крестовой. Сопровождал командующего молодой секретарь Алексей Ребров, который спустя четверть века построил здесь усадьбу.

7 марта 1803 г. вышел рескрипт Александра I о строительстве укрепления при Кислых колодцах. Уже осенью крепость была сооружена силами шести рот 16-го егерского полка из соседней Константиногорской крепости под руководством военного инженера генерал-майора И.И. Брюзгина. Постепенно она обросла слободой, население которой составили отслужившие 25-летний срок солдаты и их семьи. От слобожан и пошло русское население современного Кисловодска. Контакты с местными горцами (абазинами, карачаевцами) способствовали внедрению в быт поселенцев некоторых традиций, обычаев, предметов одежды.

К 1812 г. крепость была единственной основательной постройкой, служившей пристанищем курсовой публики, которая съезжалась сюда летом: «...на площадке у колодца собирались всевозможные дорожные экипажи: простенькие возки, большие рыдваны, дорогие кареты. Их обитатели располагались тут же, образуя нечто вроде палаточного городка. Дымились костры, на которых готовилась пища. Неподалеку в земле вырывалось множество ямок, куда и погружали свои тела жаждущие исцеления курсовые». В 1812 г. была построена купальня на три ванны: одна «для благородных женского пола», две – «для благородных мужского пола»; нарзан подавался по деревянным трубам. Несколько позже минеральную воду стали подогревать, используя огромные самовары. С 1818 г. по указанию главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова к источнику доставлялись калмыцкие и ногайские кибитки; в них в специальных деревянных чанах принимали ванны. Такая процедура стоила очень дорого – от 4 до 7 руб.

Здание Главных нарзанных ванн, построенное в 1904 г.
по проекту архитектора А.Н. Клепинина

В 1820 г. в Кисловодской крепости жил А.С. Пушкин, приехавший 26 июля на Кислые воды вместе с семьей генерала Н.Н. Раевского.

Благодаря А.П. Ермолову на Кавказских Минеральных Водах была создана специальная строительная комиссия и приглашены архитекторы Джузеппе и Джованни Бернардацци. По их проекту на Кислых водах в 1823 г., «в одно лето», на ассигнованные правительством средства над источником построили роскошную по тем временам двухэтажную ресторацию с колоннадой и лестницей, спускавшейся в парк и к источнику. Под лестницей был устроен грот (ныне Лермонтовский). В ресторации помимо обширного зала для танцев, балов имелись и помещения для приезжающих. К сожалению, здание не сохранилось. Осталась только чудная каменная лестница с гротом; на этом месте в 1948 г. устроена Лермонтовская площадка.

В том же 1823 г. близ источника появилось еще одно творение братьев Бернардацци – дом А.Ф. Реброва. Тогда же стали разбивать Кисловодский курортный парк, для которого солдаты крепости доставили сотни пудов плодородного чернозема. Сегодня площадь парка превышает 900 га, и он является украшением города.

Солдатская слобода к югу от крепости продолжала расти. По распоряжению генерала Ермолова здесь поселили так называемую «женатую роту» 3-го батальона Тенгинского полка. В 1825 г. в четырех верстах к северу от крепости казаки Волгского полка основали станицу Кисловодскую; ее первыми жителями стали 100 семей, переселенных сюда из станицы Александровской. Занимаясь земледелием и скотоводством, казачьи семьи снабжали продовольствием курорт и слободу.

Летом 1829 г. Пушкин предпринял вторую поездку на Кавказ. На этот раз, приехав в Кисловодск, поэт сначала поселился в ресторации, а затем переехал в дом А.Ф. Реброва. Александр Сергеевич находился здесь с 21 августа по 6 сентября и записал в приходной книге: «Принял 19 ванн (девятнадцать) и за оные деньги девятнадцать рублей... Ал. Пушкин».

Дом Реброва знаменит еще одним постояльцем: в 1837 г. в его флигеле жил сосланный на Кавказ М.Ю. Лермонтов. Дом настолько понравился поэту, что он фигурирует в его романе «Герой нашего времени», а после выхода книги в свет получил название «Дом княжны Мери».

В середине XIX в. началась реконструкция укреплений Кавказской линии, в том числе Кисловодской крепости. Ее перестройкой руководил Самуил Уптон. Архитектор удачно использовал местный желтоватый песчаник в оформлении крепостных сооружений и зданий. Среди строений Уптона выделяется Нарзанная галерея. Это большое каменное здание в стиле готического романтизма, возведенное в 1848–1858 гг., стало достопримечательностью курорта. С окончанием военных действий в 1861 г. «Кисловодское укрепление, как утратившее свое прежнее значение, упраздняется...».

Новый толчок в развитии курортного сервиса связан с открытием в 1894 г. железнодорожной ветки от Минеральных Вод до Кисловодска. Некоторые из построенных тогда старинных зданий сохранились до наших дней, например Курзал (1895 г.), где теперь располагается Федеральная государственная филармония. Рядом в Верхнем парке построили музыкальную раковину, названную

хрустальной за высокие акустические свойства. В том же году Кисловодск получил электроосвещение от гидростанции Белый Уголь. В 1894 г. был открыт небольшой завод по розливу минеральной воды.

В 1892 г. в Кисловодске поселился известный художник-передвижник Н.А. Ярошенко. Здесь он провел семь лет, в течение которых написал много полотен: «Эльбрус в облаках», «Березовая балка Кисловодска», «Скалы Кисловодска» и др. У него в гостях бывали М.В. Нестеров, И.Е. Репин, Л.В. Собинов, Ф.И. Шаляпин и др. В доме, где жил художник, в 1962 г. был открыт мемориальный музей-усадьба.

В 1901 г. по проекту и под руководством архитектора А.Н. Клепинина началось строительство Главных нарзанных ванн. Здание возводилось три года и до наших дней является украшением Кисловодска. От центрального вестибюля отходят полукруглые крылья, в которых расположены 61 ванная кабина, душевые установки, два бассейна, каждый с зеркалом воды по 54 кв. м и глубиной от 1 до 2,8 м. Нарзан подогревался до 18 °С. Полная смена воды происходила за 12 часов. Было построено нарзанохранилище на 300 куб. м. В верхнем этаже центральной части здания разместились водолечебница, электrolечебные кабинеты, первый на Кавказских Минеральных Водах ингаляторий, организованный доктором В.И. Воячком, и комнаты массажа. В последующие годы внутренняя планировка ванного здания неоднократно менялась, но первоначальные архитектурные формы сохранились.

Статус города и первый свой бюджет в сумме 30 тыс. руб. в год Кисловодская слобода получила в 1903 г. К этому времени здесь имелась бесплатная больница для малоимущих граждан на 80 мест (в ведении Министерства государственных имуществ). В 1905 г. открылся самый крупный по масштабам того времени «Гранд-отель» на 200 номеров с лифтами, центральным отоплением, кабинами для приема нарзанных ванн (сейчас в нем располагается санаторий «Нарзан»). Широко рекламировался и частный пансионат С.Ганешина, славившийся своей кавказской кухней (ныне здание Кардиологической клиники). В городе действовали три церкви, 420 торговых и питейных заведений, мыловаренный, два известковых и пять кирпичных заводов, три мельницы. В 1901 г. было организовано Медицинское общество, члены которого разрабатывали лечебные методики, уточняли показания и противопоказания. Значительно увеличилось число приезжавших на лечение: в 1904 г. – 25 тыс., 1914 г. – 42 тыс. Последняя цифра стала рекордной за весь досоветский период.

Во время Первой мировой войны Кисловодск стал огромным госпиталем для раненых и инвалидов. После Февральской революции сюда из беспокойной столицы устремились члены императорской семьи – великая княгиня Мария Павловна и ее сыновья Андрей и Борис (двоюродные братья Николая II). Здесь оказались князь Г.К. Багратион-Мухранский, две фрейлины императрицы А.Гендрикова и В.Урусова, бывший премьер-министр В.Н. Кокцов и балерина М.Ф. Кшесинская, лишившаяся своего роскошного петербургского особняка.

Советская власть в Кисловодске окончательно установилась в марте 1920 г. Среди первых отдыхающих была И.Ф. Арманд, после смерти Ленина курорт посещали Н.К. Крупская, М.И. Ульянова и сопровождавшая их Клара Цеткин. Очень любил его Л.Д. Троцкий, который написал здесь несколько статей («Уроки Октября», «Строить социализм – значит защищать женщину и охранять мать» и др.).

Началось интенсивное восстановление курорта. Организованные на базе реквизированных старых дач и пансионатов первые семь санаториев были отданы под лечение раненых и больных солдат и краснофлотцев. Важное значение для дальнейшего развития Кисловодска имел декрет ВЦИКа и Совнаркома от 12 октября 1922 г. о Кисловодске как курорте государственного значения и создании замкнутого курортного города. Курортное управление получило немалые средства. Уже к летнему сезону 1923 г. восстановили бальнеологическое хозяйство, действовало 19 санаториев на 1797 коек. Открылась курортная поликлиника, которая обслужила в том году 2693 больных амбулаторно. А всего в 1923 г. на Кисловодском курорте пролечились 8712 человек.

В 1921 г. в Кисловодске создали клиническое отделение Пятигорского бальнеологического института, в настоящее время – Кардиологическая клиника, ставшая научно-методическим центром курорта.

В довоенный период построили 20 новых санаториев и открыли 22 санатория на базе старых дач, особняков и гостиниц. Такой эффективной деятельности способствовало и то, что в 1930 г. было организовано Всесоюзное объединение курортов при Министерстве здравоохранения СССР, тем самым обеспечено единое государственное управление. Проводились интенсивные гидрогеологические работы. Помимо единственного (до 1928 г.) источника нарзана были введены в строй еще шесть. Курорт получил доломитный и сульфатный нарзаны.

В 1928 г. по проекту архитектора П.П. Еськова построили здание Октябрьских ванн на 60 кабин, нарзанохранилище объемом 400 кубометров. В этом же году реконструировали завод для розлива нарзана. При санатории «Крепость» в 1934 г. построили грязелечебницу, которая обеспечивала иловой сульфидной грязью Тамбуканского озера до 300 больных. Появились новые благоустроенные здравницы (Наркомтяжпрома, Всекопромсоветстрахкасы, «За индустриализацию», «Красные камни», РККА, НКВД и др.) по проектам выдающихся советских архитекторов: М.Я. Гинзбурга, М.И. Мержанова, И.А. Фомина.

С началом Великой Отечественной войны Кисловодск превратился в госпитальную базу. Уже к концу июля 1941 г. было подготовлено 39 госпиталей на 21 тыс. коек. 9 августа прибыл первый военно-санитарный поезд. Медики г. Кисловодска вернули в строй около 600 тыс. раненых. За первые три дня войны в Кисловодский горвоенкомат было подано 700 заявлений с просьбой об отправке на фронт. Около 10 тыс. кисловодчан участвовали в сражениях, почти 6 тыс. погибли.

Пять месяцев, с августа 1942 по январь 1943 г., Кисловодск находился в оккупации. О зверствах фашистских захватчиков убедительно свидетельствуют страшные цифры: расстрел 2 тыс.

евреев в сентябре 1942 г., убийство 322 мирных жителей у Кольцо-горы в январе 1943 г. Ущерб городу составил 437 млн руб. (В год 35-летия Победы Кисловодск награжден орденом Отечественной войны I степени.)

К 1950 г. были восстановлены все санатории и лечебные учреждения курорта, проведены гидрогеологические изыскания, позволившие увеличить запасы нарзана для бальнеологических целей. В 1951 г. введены в строй первоклассные санатории «Горные вершины», «Пикет», в 1952 г. – «Горный воздух», построенный в дворцовом стиле, и «Москва»; в 1955 г. колхоз «Россия» Новоалександровского района Ставропольского края построил собственный санаторий «Колос». С 1960 г. Кисловодск перешел в ведение профсоюзов. В 1970–1980-е гг. – период расцвета Всесоюзной здравницы – здесь действовало 39 санаториев и пансионатов, а в год поправляли здоровье свыше миллиона человек.

Большое значение имело постановление Совета министров СССР от 3 февраля 1975 г. «О мерах по дальнейшему развитию города-курорта Кисловодска в 1975–1980 гг.». Солнечный город стал ведущим круглогодичным курортом страны. В середине 1980-х гг. он ежегодно принимал только по путевкам и курсовкам около 350 тыс. отдыхающих. Продолжалось масштабное строительство новых здравниц и расширение старых. В 1980 г. возведена высокогорная Олимпийская база для тренировки армейских спортсменов, появились широкоформатный кинотеатр «Россия», государственный цирк, городок аттракционов в Комсомольском парке, новое здание музыкальной школы и др. Развивалась легкая промышленность, которая, с одной стороны, не наносила серьезного ущерба окружающей среде, с другой – обеспечивала население рабочими местами, а курорт – продукцией. Обслуживание огромного курортно-рекреационного комплекса было по-прежнему основным занятием и источником дохода горожан.

Распад СССР и сопровождавшие его политические, экономические и социальные потрясения тяжело отразились на состоянии Кисловодска. Лечение и отдых на курортах стали недоступны подавляющему большинству жителей страны, число отдыхающих катастрофически упало. Остановили работу или значительно сократили мощности городские предприятия. Помимо всего прочего, на город легли заботы о благоустройстве курортной зоны, поскольку некогда мощная система ВЦСПС уже не могла содержать даже свои здравницы.

27 марта 1992 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации – Кавказских Минеральных Водах», который сыграл решающую роль в сохранении федерального курорта. Тогда создали администрацию Кавказских Минеральных Вод, приняли федеральную программу развития региона. Это принесло положительные результаты. Если в 1995 г. на Кавказских Минеральных Водах отдохнули и пролечились 201 тыс. человек, то в 2002 г. – уже более 501 тыс., в том числе в Кисловодске – 160 тыс. гостей. В 2000 г. в городе ввели в эксплуатацию спально-лечебный корпус «Люкс» в санатории «Кругозор», великолепный санаторий «Виктория» на 450 мест. В 2002 г. принял отдыхающих реконструированный по мировым стандартам санаторий «Долина

нарзанов», а в 2003 г. – пансионат «Вилла Арнест», санаторий «Солнечный». Администрация курорта энергично взялась за его благоустройство. Неоспоримо высоким результатом этой работы стало то, что Кисловодск в 1997 г. занял первое место по благоустройству среди малых городов России. Работает несколько музеев, в том числе открытый в 1989 г. литературно-музыкальный музей «Дача Шалапина».

В 2006 г. Правительством Российской Федерации были приняты постановление «О признании курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск, расположенных в Ставропольском крае, курортами федерального значения и об утверждении положений об этих курортах», а также Положение «О курорте федерального значения Кисловодске». Эти нормативные акты призваны возродить традицию, согласно которой Кисловодск и другие курорты КМВ пользовались самым пристальным вниманием со стороны высших органов государственной власти. Сделаны первые шаги для перехода курорта на международный уровень. Так, в 2005 г. с участием израильского капитала был построен первый в Ставропольском крае SPA-отель «Плаза», входящий в международную сеть «Holiday Inn Crown Plaza», появилось много новых комфортабельных санаториев и уютных частных пансионатов. Кисловодск все чаще становится местом проведения международных научных конференций, политических встреч и форумов.

В 2010 г. утверждена Стратегия социально-экономического развития городского округа города-курорта Кисловодска до 2020 г. Разработан проект генерального плана городского округа города-курорта Кисловодска, в котором определены цели и задачи территориального планирования и мероприятия, направленные на повышение качества жизни населения, эффективности функционирования городских территорий и их инвестиционной привлекательности. Подписано соглашение с компанией «Хевел» (совместное предприятие группы «Ренова» и госкорпорации «Роснано») о строительстве в Кисловодске первой в России солнечной электростанции промышленной мощности с объемом инвестиций около 3 млрд руб., администрацией города подобрана площадка под реализацию данного проекта.

Численность постоянного населения города-курорта по состоянию на 1 января 2011 г. составила 135,1 тыс. человек (включая проживающих в поселках – 5,7 тыс.). Главный сектор экономики города – санаторно-курортный и гостиничный комплекс (56 санаториев, пансионатов и гостиниц, как профсоюзных, так ведомственных и частных) – работает с постоянно увеличивающейся нагрузкой, все здравницы заполнены. В 2010 г. здесь отдохнули 220 тыс. человек, из которых 24 тыс. – дети*.

Городской архив был образован в Кисловодске в предвоенные годы, после принятия в 1936 г. постановления Северо-Кавказского крайисполкома о создании районных архивов. Однако в период фашистской оккупации Ставропольского края в августе 1942 г. документы Кисловодского горисполкома и других организаций оказались утраченными. Поэтому точную дату создания городского архива установить не удалось. Сведения о нем впервые появляются в документах Кисловодского горисполкома за январь 1943 г., когда орган исполнительной власти возобновил свою деятельность после освобождения города.

В числе первых сотрудников горисполкома по приказу председателя от 13 января 1943 г. № 1 на работу в качестве архивариуса была принята Анастасия Львовна Хоперская. В августе того же года вместо архивариуса ввели должность заведующего архивом. В течение первых послевоенных лет здесь сменилось несколько руководителей¹. В апреле 1946 г. завархивом назначили Валентину Терентьевну Гаврилову, которая была членом ВКП(б), имела среднее образование и проработала в архиве четыре года².

В отчете городского архива за 1947 г. отмечено, что он занимал одну комнату площадью 25 кв. м «с окном и двумя дверьми, с печным отоплением». Однако данное помещение не было приспособлено для приема и хранения архивных дел, отсутствовали мебель и специальное оборудование, поэтому прием документов на хранение не осуществлялся. Работа заведующей заключалась в обследовании учреждений и организаций города (тогда их было 274), проведении «архивно-технической обработки и составлении отборочных списков на выделение к уничтожению документов»³.

В феврале 1950 г. заведующей городским государственным архивом была назначена Виктория Федоровна Горилейченко, которая в 1947 г. вместе с семьей переехала в Кисловодск. Во время войны она трудилась на военном заводе в Тюмени, а затем там же делопроизводителем в одном из секторов обкома ВКП(б). В.Ф. Горилейченко проработала в этой должности более 35 лет и внесла значительный вклад в развитие архивного дела в городе⁴. В акте приема-передачи дел от 3 февраля 1950 г., составленном при вступлении ее в должность, перечислено имущество, которое она приняла от своей предшественницы: «письменный стол, два стула, шкаф без полок, чернильный прибор, счеты и круглая печать»⁵. В докладной записке за 1950 г., адресованной начальнику архивного отдела Управления МВД по Ставропольскому краю, заведующая сетовала: «Помещение для горархива до сих пор не выделено, помещение, которое принадлежало раньше архиву, передали другому учреждению, в настоящее время нахожусь без помещения... Оборудование, стол, стулья, шкаф разбросаны повсюду, часть находится в горотделе, часть в ОПО МВД... Была на приеме у председателя горисполкома тов. Перекрестова, он ответил: “Ждите, будет – дадим помещение” и при этом говорят: “А что вы там будете делать, ведь вы сейчас не на улице?..” Вот в таком положении находится городской архив»⁶.

Помещение для хранилища (26 кв. м) было выделено в 1951 г. во дворе здания Кисловодского горисполкома. В 1952 г. В.Ф. Горилейченко докладывала в Ставрополь: «Ремонт помещений горархива окончен 12 июля полностью, после ремонта своими силами делала уборку помещений... вынесла весь мусор... помыла полы, окна». В конце того же года, несмотря на отсутствие отопления, началось комплектование архива; на хранение поступило 181 дело⁷.

Первая проверка состояния архивного дела в городе и работы архива была проведена инспектором архивного отдела Управления МВД по Ставропольскому краю в апреле 1953 г. Это подтверждает акт: «...из оборудования имеется стол (непригодный для работы) и два стула. Помещение архивохранилища закрывается, но не опечатывается. Горисполком для отопления помещения средств не выделил». После этого обследования уже в конце года горисполком обеспечил архив столом и стульями⁸.

В 1954 г. в соответствии с указанием Центрального архивного управления МВД СССР от 29 сентября 1953 г. городской архив провел работу по подготовке к передаче на хранение в Архив Министерства обороны СССР в г. Подольске Московской области (с 1975 г. – Центральный архив МО СССР, ныне – ЦАМО РФ) документов эвакогоспиталей за 1941–1945 гг. Судя по актам, в центр отправили шесть ящиков с документацией, не указав точного количества дел⁹.

В том же году заведующая архивом в отчете снова отмечает: «В помещении требуется ремонт, так как течет крыша и отваливается штукатурка, не работает освещение... занимаюсь работой в 21-й комнате горисполкома, что очень отражается на приеме дел»¹⁰.

Тем не менее комплектование продолжалось, и в 1957 г. на хранении числилось уже 14 488 дел, исполнено 765 запросов трудящихся, из них 481 с положительным ответом¹¹.

В соответствии с Положением о Государственном архивном фонде СССР (1958 г.) был уточнен порядок взаимодействия государственного городского архива с архивами организаций. На заседании Кисловодского горисполкома 4 сентября 1959 г. впервые рассмотрен вопрос о состоянии архивного дела в г. Кисловодске и принято решение «О состоянии и мерах улучшения архивного дела в городе Кисловодске», что способствовало улучшению обеспечения сохранности документов в организациях и активизации работы по упорядочению архивных дел.

В отчете за 1959 г. заведующая сообщала, что «основное внимание было обращено на вопросы приведения в порядок документальных материалов в ведомственных архивах... за год было проведено 100 обследований организаций». В связи с тем, что архиву наконец-то выделили дополнительное отапливаемое помещение, в котором оборудовали приемную, а в хранилище провели освещение, «...созданы нормальные условия в работе»¹². В 1960 г. архив занимал уже две комнаты (45 кв. м) с печным отоплением, протяженность стеллажей – 150 пог. м, летом был сделан капитальный ремонт¹³.

Тогда же в связи с образованием Карачаево-Черкесской автономной области началась работа по передаче в архив документов организаций, территориально отнесенных к Мало-Карачаевскому району: всего принято 29 фондов в количестве 2937 ед. хр.¹⁴

В соответствии с Правилами работы городских и районных архивов в 1960 г. были заведены новые учетные документы: список фондов, карточки фондов, листы и акты проверки наличия. В 1961 г. началась работа по составлению списков организаций, учреждений и предприятий, документы которых подлежат и не подлежат приему на хранение в городской архив, утвержденные решением Кисловодского горисполкома от 26 января 1962 г. В первый список вошли 25 учреждений, организаций и самых крупных предприятий города: горисполком, плановая комиссия, отделы исполкома (финансовый, культуры, здравоохранения, народного образования, коммунального хозяйства, торговли, социального обеспечения), инспекция госстатистики, отдел ЗАГС, управление главного

Коллектив архивного отдела (слева направо): В.Д. Лебедюк, И.А. Васильева, В.А. Максимова (сидят), А.А. Микитюк, Д.Ю. Свистунова, О.А. Максимова

архитектора, нарзанный завод, фабрика сувенирных изделий, мебельная фирма «Бештау» и др.¹⁵

В связи с изменением порядка комплектования городского архива в 1962 г. продолжилась передача документов временного хранения и по личному составу в организации города. В течение двух лет возвращено свыше 8 тыс. дел управленческой документации и около 800 дел по личному составу. В итоге на начало 1964 г. в городском архиве осталось 4571 дело¹⁶.

В 1968 г. горархив переехал на первый этаж нового здания Кисловодского горисполкома, где и размещался до конца 2006 г. Общая площадь выделенных помещений составила 46 кв. м, в том числе хранилища – 30 кв. м. Последнее оборудовали комбинированными стеллажами протяженностью 127 пог. м, где разместили 6732 дела¹⁷. К 1978 г. в хранилище находилось уже свыше 10 тыс. дел, и оно было заполнено на 100 %. После ввода в эксплуатацию нового здания Государственного архива Ставропольского края (1979 г.) горархив впервые произвел массовую передачу туда документов постоянного хранения (около 8 тыс. дел за 1943–1972 гг.), что разгрузило хранилище и позволило продолжить комплектование.

В 1985 г. городской архив приняла новая заведующая – Валентина Михайловна Котасонова. Она имела высшее педагогическое образование, опыт работы в органах власти (была инспектором по контролю в горисполкоме) и трудилась в горархиве до февраля 1992 г. Именно при ней началось картонирование документов. Новая заведующая активно пополняла архив, в 1989 г. организовала очередную передачу документов в крайгосархив, регулярно проводила семинары с сотрудниками, ответственными за делопроизводство и архивы в организациях города.

В 1987 г. по решению Кисловодского горисполкома архив преобразовали в архивный отдел исполнительного комитета Кисловодского городского Совета народных депутатов, что повысило его статус, расширило задачи и функции¹⁸. Новое положение об архивном отделе Кисловодского горисполкома было утверждено решением исполкома горсовета в августе 1989 г.¹⁹ После прекращения в ноябре 1991 г. деятельности Кисловодского горисполкома в январе 1992 г. сформировали городскую администрацию, в состав которой вошел и архивный отдел.

Экономические преобразования в стране, создание кооперативов, малых частных предприятий, массовая приватизация организаций торговли, общественного питания, бытового обслуживания поставили перед архивной службой задачу сохранения документов по личному составу. Для этого в марте 1993 г. в городе образовали специальный архив. Первоначально он имел статус архивного отдела в составе городского комитета по управлению муниципальным имуществом и выполнял функции объединенного межведомственного архива по личному составу; располагался в здании комитета (там ему выделили помещения, в том числе хранилище площадью 30 кв. м). За четыре года работы принял на хранение от ликвидированных организаций свыше четырех тысяч дел за 1943–1995 гг., которые вошли в состав более 70 фондов (курортпромторг, курортпродторг, трест общественного питания, городское производственное объединение бытового обслуживания населения и др.).

В 1996 г. в связи с завершением массовой приватизации архив документов по личному составу передали администрации города, и он стал хранилищем архивного отдела. С 1997 г. в архивной службе города работали два человека: заведующий архивным отделом и специалист первой категории городского архива документов по личному составу. Оба хранилища были заполнены на 100 %, и вопрос комплектования стоял как никогда остро. Поэтому в конце 1997 г. администрация г. Кисловодска приняла распоряжение «О мерах по укреплению материально-технической базы архивного отдела администрации и городского архива документов по личному составу», по которому архивной службе города выделили помещения (общей площадью 225 кв. м) в одноэтажном здании по ул. У.Алиева, 50, где уже располагался объединенный ведомственный архив горздравотдела.

Архивный отдел наконец получил не только комфортные условия для работы, но и значительный резерв для пополнения. Оборудованы второе хранилище площадью 28 кв. м для редко используемых фондов постоянного хранения, хранилище (134 кв. м) – для документов по личному составу, рабочий кабинет специалиста, отдельная комната для приема граждан.

Внимание администрации к архивной службе возросло. В мае 2001 г. постановлением главы администрации утверждена программа «Развитие архивного дела в городе Кисловодске на 2001–2005 г.», реализация которой позволила улучшить условия хранения документов, повысить техническую оснащенность. Выполнен ремонт кровли, приобретены новые первичные средства пожаротушения, дополнительные металлические стеллажи и коробки для хранения дел.

В декабре 2004 г. был принят закон Ставропольского края «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований в Ставропольском крае отдельными государственными полномочиями Ставропольского края по формированию, содержанию и использованию Архивного фонда Ставропольского края». По распоряжению Правительства Ставропольского края от 25 января 2006 г. «О разграничении собственности между Ставропольским краем и муниципальными образованиями Ставропольского края на архивные документы, созданные до образования муниципальных образований Ставропольского края или изменения их статуса» 11 тыс. дел за 1936–2000 г., хранящихся в Кисловодском архиве, были отнесены к собственности края.

Для исполнения отдельных государственных полномочий архивный отдел администрации ежегодно получает субвенции из краевого бюджета. Это позволило с 2008 г. ввести в штат архива три дополнительных ставки. За несколько лет полностью обновили компьютерную технику (она появилась здесь с 2002 г.), приобрели лицензионное программное обеспечение, сканер, электронное хранилище на два терабайта памяти, смонтировали локальную сеть, установили сервер.

За последние десять лет архивный отдел неузнаваемо изменился и стал крупным муниципальным архивом, хранящим свыше 28 тыс. ед. хр. за 1936–2010 г., в том числе свыше 18 тыс. дел, отнесенных к муниципальной собственности.

По новому положению архивный отдел входит в состав администрации города-курорта Кисловодска, реализует полномочия в соответствии с законодательством Российской Федерации и Ставропольского края в области архивного дела, обеспечивает сохранность, учет, комплектование и использование документов Архивного фонда Российской Федерации и иных архивных документов, отнесенных к муниципальной собственности города-курорта и собственности Ставропольского края.

С января 2007 г. архивный отдел полностью размещается в здании по ул. У.Алиева, 50, где созданы условия, отвечающие современным нормативным требованиям обеспечения сохранности архивных документов, а также охранного, противопожарного и санитарно-гигиенического режимов: решетки на окнах заменены на распашные, в кабинеты подведена электропроводка с заземлением, установлен новый электрощит, приобретены порошковые и углекислотные огнетушители, укомплектованный пожарный щит, выполнен ремонт мягкой кровли.

Общая площадь помещений составляет 435 кв. м, из них архивохранилище – 249 кв. м. Рабочие кабинеты и хранилище отделены от приемной и холла, где ведется работа с гражданами и выдаются архивные справки. Здание оборудовано современной охранно-пожарной сигнализацией, тревожной кнопкой и подключено к центральному пульту отдела вневедомственной охраны при отделе внутренних дел г. Кисловодска.

Активно внедряются современные информационные технологии. На сайте администрации города-курорта Кисловодска с 2009 г. есть страница архивного отдела, которая регулярно пополняется актуальной информацией. С 2006 г. ведется база данных «Архивный фонд». В 2009 г. началось внедрение 4-й версии, выполнены конвертация

данных из 3-й версии, проверка и корректировка загруженной информации. В настоящее время в БД внесены сведения обо всех хранящихся фондах на уровне полей «Фонд» и «Опись», теперь вносятся данные на уровне единиц хранения с прикреплением сканированных файлов. За 2011 г. в БД «Архивный фонд» включено 925 файлов сканированных фотографий и 34 файла протоколов заседаний горисполкома.

В 2007 г. внедрена БД «Краевой каталог сведений о местонахождении документов по личному составу», в котором уже около 3 тыс. записей о ликвидированных и действующих организациях города и составе хранящихся документов. Каталог используется при исполнении запросов социально-правового характера.

В целях обеспечения поиска сведений о наиболее востребованной информации архивный отдел создает тематические БД. Так, в 2009 г. из-за резкого увеличения количества запросов, связанных с подтверждением права на землю, была создана тематическая БД на постановления главы администрации, куда внесено более 8 тыс. записей, на основании которых выдавались первичные свидетельства о праве на землю. Это позволяет вести поиск необходимой информации как по адресу домовладения, так и по фамилии заявителя, что значительно экономит время на исполнение запроса и обеспечивает сохранность подлинных документов.

Большая работа проводится по исполнению обращений и запросов граждан. За последнее десятилетие ее объемы резко возросли: в 1999 г. было исполнено 545 запросов, 2000 г. – 1190, 2008 г. – около 7 тыс. запросов, причем свыше 4,5 тыс. из них – тематические (о подтверждении права на землю). Большинство обращений исполняется в срок от трех до 14 дней, наиболее трудоемкие – до 20 дней.

Из года в год растет количество запросов и обращений социально-правового характера, что связано с постепенным увеличением объема хранящихся фондов и дел по личному составу. В настоящее время в архивном отделе сосредоточено уже свыше 430 фондов, 15 тыс. дел по личному составу, принятых от ликвидированных организаций, по которым в 2011 г. исполнено свыше 2700 запросов.

С 1999 г. проводится активная работа по комплектованию архива фотодокументами: из редакций городских газет поступило 925 фотографий по истории г. Кисловодска за 1992–2000 гг. Все они внесены в электронную опись (под описанием каждой единицы учета сделана гиперссылка, позволяющая осуществлять быстрый просмотр сканированных фотографий) и активно используются при подготовке документальных выставок.

Накоплен положительный опыт пополнения Архивного фонда Ставропольского края научно-технической документацией по планировке города, реконструкции санаторно-курортных объектов. В архивном отделе хранится 488 дел проектной документации за 1936–1970 гг. Наибольший интерес представляют проекты планировки Кисловодска за 1936, 1948, 1955 гг., в том числе проект 1936 г., выполненный архитектурно-планировочной мастерской № 2 под руководством архитектора В.Н. Семенова.

Архивный отдел активно популяризирует хранимые документы, организует их экспонирование; о его работе и составе фондов регулярно рассказывает местное телевидение. Только в 2011 г. телеканал СИФ-ТНТ подготовил три подобные передачи, которые можно увидеть и на сайте администрации города-курорта. В «Кисловодской газете» в сентябре 2011 г. опубликовано интервью с заведующей архивным отделом о работе с обращениями граждан.

Развивается взаимодействие с туристско-краеведческим движением «Отечество», которым руководит опытный педагог и краевед С.П. Корнетова. Школьники бывают на экскурсиях в архивном отделе, пишут краеведческие статьи с привлечением архивных документов. Так, с использованием хранящихся в архиве похозяйственных книг станицы Кисловодская была подготовлена работа «Святая история казачьих станиц».

Помимо заведующей отделом Ирины Алексеевны Васильевой с 30-летним стажем в архивной службе, здесь трудятся еще пять сотрудников. Специалист первой категории Валентина Алексеевна Максимова начала работать еще в городском архиве документов по

личному составу в 1994 г. Благодаря ее опыту жители города получают справки о стаже и размере заработной платы для оформления пенсии. Ее знания, умение, настойчивость и усилия в деле сохранения документов по личному составу отмечены почетными грамотами Комитета Ставропольского края по делам архивов, губернатора Ставропольского края, главы города-курорта Кисловодска.

Четвертый год трудится в отделе Валентина Дмитриевна Лебедюк; она имеет высшее образование, успешно освоила архивную работу, занимается исполнением запросов социально-правового характера, награждена почетной грамотой главы города-курорта Кисловодска.

Остальные сотрудники отдела – молодые специалисты как по возрасту, так и по опыту работы. Главный специалист отдела Анастасия Александровна Микитюк в 2009 г. окончила филиал Ростовского государственного экономического университета в г. Кисловодске, занимается учетом, комплектованием, приемом тематических запросов и их исполнением, работает с организациями города. В настоящее время заочно учится в отраслевом центре повышения квалификации по архивному делу и документационному обеспечению управления ВНИИДАД.

Ольга Александровна Максимова начинала работать архивариусом, сейчас – специалист первой категории, обучается на четвертом курсе филиала Ростовского государственного экономического университета в г. Кисловодске по специальности «Юриспруденция». Она ведет прием граждан, исполняет запросы социально-правового характера, работает с БД «Краевой каталог сведений о местонахождении документов по личному составу».

Диана Юрьевна Свистунова в 2008 г. окончила Пятигорский государственный технологический университет, исполняет тематические запросы граждан, работает с БД «Архивный фонд».

Удачное сочетание опыта зрелых специалистов, энергии и энтузиазма молодежи – залог успешной работы коллектива архива.

¹ Архивный отдел администрации городского округа города-курорта Кисловодска. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 5, 13, 30.

² Там же. Д. 4. Л. 15.

³ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 189. Л. 1–3, 6.

⁵ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 8.

⁷ Там же. Д. 11. Л. 12, 19.

⁸ Там же. Д. 14. Л. 1–4.

⁹ Там же. Д. 17. Л. 13–14.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же. Д. 21. Л. 11.

¹² Там же. Д. 24. Л. 44–45.

¹³ Там же. Д. 27. Л. 24, 26.

¹⁴ Там же. Л. 25.

¹⁵ Там же. Д. 31. Л. 1; Д. 34. Л. 1–3.

¹⁶ Там же. Д. 36. Л. 4–5.

¹⁷ Там же. Д. 51. Л. 7.

¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1936. Л. 32.

¹⁹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–8.

«Реализация Стратегии развития архивного дела в СКФО будет способствовать укреплению сотрудничества архивистов округа»

В 2010 г. был образован Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) в составе республик Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия–Алания, Чеченской и Ставропольского края. Уже в мае 2011 г. научно-методический совет (НМС) входящих в округ архивных учреждений утвердил Стратегию развития архивного дела в СКФО в 2011–2015 гг. (далее – Стратегия). О сути этого документа, состоянии архивного дела в СКФО говорит председатель НМС, председатель Комитета Ставропольского края по делам архивов **Елена Ивановна Долгова**.

– Как известно, СКФО выделился из Южного федерального округа, где еще в 2005 г. была утверждена Межрегиональная концепция развития архивного дела на 2006–2010 гг., в соответствии с которой профессиональное сообщество архивистов Юга России проводило целенаправленную работу по решению задач, направленных на повышение эффективности деятельности архивов по сохранению и пополнению информационных ресурсов, предоставлению архивных услуг. Поэтому на организационном заседании НМС, состоявшемся 2 апреля 2010 г., было принято единодушное решение продолжить реализацию концепции. Итоги, подведенные на заседании НМС в мае прошлого года, свидетельствовали о закреплении позитивных тенденций в деятельности архивов округа.

В целях дальнейшего развития сотрудничества и формирования единых подходов к оценке состояния архивного дела, определения наиболее действенных путей совершенствования деятельности архивов разработана Стратегия развития архивного дела в СКФО до 2015 г. Она предусматривает достижение качественно нового уровня архивного дела в округе. Планируется, в частности, расширить работу по внедрению новейших информационно-коммуникационных технологий и автоматизации основных направлений архивной деятельности. Повысится внимание к вопросам проведения единой инновационной политики в округе, создания системы управления качеством работ по хранению, комплектованию, учету и использованию архивных документов.

Практически во всех республиках Северного Кавказа в прошлом году утверждены программы, планы реализации Стратегии, в которых уточняются приоритеты и детализируются задачи. Уже в этом году мы начинаем мониторинг реализации Стратегии. А в мае на заседании научно-методических советов архивных учреждений Северо-Кавказского и Южного федеральных округов обсудим показатели эффективности деятельности архивов за 2011 г., что позволит скорректировать и скоординировать работу архивов. На наш взгляд, это очень важно, так как в каждом регионе имеются свои традиции и особенности.

Мы надеемся, что реализация Стратегии будет способствовать более последовательному и целенаправленному решению актуальных вопросов, повышению качества предоставляемых населению услуг.

– Поскольку совершенствование архивного дела, как и реализация Стратегии, во многом зависит от эффективности действий уполномоченных органов исполнительной власти в области архивного дела, то отвечает ли их статус поставленным задачам?

– Сегодня в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии–Алании это архивные службы, в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Чечне – управления по делам архивов, в Ставропольском крае – комитет по делам архивов. Столь высокое положение в сравнении с некоторыми другими субъектами Российской Федерации свидетельствует о понимании властью значения архивов, сохраняющих культурное наследие и являющихся одним из

символов государственности. Соответствующие уполномоченные органы возглавляют опытные руководители – Арсен Хасанович Каров, Фатима Сагитовна Коджакова, Магомед Нурдинович Музаев, Гирихан Магомедович Султыгов, Луиза Омаровна Урдашева, Нина Владимировна Чиплакова. Они имеют большой авторитет и поддержку, что позволяет успешно решать задачи по проведению единой государственной политики, направленной на сохранение, комплектование, учет и использование документов Архивного фонда Российской Федерации.

– Какова в субъектах СКФО численность государственных и муниципальных архивов?

– Здесь действуют 11 государственных и 142 муниципальных архива, в которых в целом сосредоточено 7660,7 тыс. ед. хр. При этом наиболее разветвленная сеть муниципальных архивов в Республике Дагестан (52 архива) и Ставропольском крае (34 архива). Однако состав муниципальных архивов непостоянен, хотя меняется, как правило, незначительно; обычно это связано с преобразованиями муниципальных образований и изменениями их статуса в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Сложившаяся в СКФО сеть архивов устойчива и позволяет эффективно решать поставленные задачи. На наш взгляд, ее оптимизации в настоящее время не требуется.

При этом в республиках Дагестан и Карачаево-Черкесской, Ставропольском крае муниципальные образования наделены государственными полномочиями по обеспечению сохранности и использованию документов государственной собственности, для чего им выделяются субвенции. Это позволило целенаправленно решать вопросы создания в муниципальных архивах нормативных режимов хранения документов, оснащения современным компьютерным и специальным оборудованием. В результате к 2010 г. во всех муниципальных архивах Ставропольского края были установлены современные системы охранно-пожарной сигнализации и кондиционирования воздуха. В прошлом году завершена работа по замене деревянных и комбинированных стеллажей металлическими. В настоящее время в приоритетном порядке решаются вопросы по установке систем автоматического пожаротушения – имеются в восьми архивах из тридцати шести.

– Насколько велики различия в материально-технической базе архивных учреждений и что в связи с этим предусматривается Стратегией?

– Вопросы улучшения условий хранения архивных документов последовательно решаются во всех субъектах округа. За прошедшее пятилетие построены архивные здания в Ингушетии и Дагестане, проведен капитальный ремонт в архивах Дагестана, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии–Алании, Чечни. Везде проводятся работы по монтажу современных систем охранно-пожарной сигнализации. Осуществляется установка систем автоматического пожаротушения в архивах

Е.И. Долгова

Дагестана, Ингушетии, Чечни и Ставропольского края.

В то же время в числе основных проблем архивных учреждений округа следует отметить отсутствие оборудования для страхового копирования особо ценных документов (исключение составляют республики Дагестан, Кабардино-Балкарская и Чеченская). Практически общей проблемой является недостаток архивных площадей для планового приема документов, в связи с чем в источниках комплектования архивов в целом по округу сверх установленного срока находится около 360 тыс. ед. хр. Неудивительно, что были факты утраты документов в ведомствах. Требуется расширение архивных площадей в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии–Алании, Чечне, Ставропольском крае. Поэтому строительство и ремонт зданий получили в Стратегии приоритетное звучание. Предстоит заменить деревянные и комбинированные стеллажи в архивах Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии–Алании, что тоже предусмотрено Стратегией.

– **Как обстоит дело с финансированием?**

– Несмотря на инфляционные процессы, объемы бюджетного финансирования архивов в СКФО за пятилетие возросли вдвое и в 2010 г. составили 212,2 млн руб. При этом особое внимание уделяется решению вопросов улучшения социальной защищенности архивных работников. Так, если в 2010 г. средняя заработная плата в целом по округу составляла 15,4 тыс. руб., то в прошлом, в 2011 г., увеличилась до 16,8 тыс. руб.

– **Изменится ли финансирование государственных архивов в связи с их преобразованием в казенные учреждения?**

– Уже сегодня на примере Ставропольского края могу сказать, что снижения финансирования казенных архивных учреждений не произойдет. В целом положение дел в округе мы планируем обсудить в мае этого года в Пятигорске на «круглом столе» в рамках упомянутого заседания научно-методических советов архивных учреждений Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

– **Известно, что показатели использования в архивных учреждениях Российской Федерации современных автоматизированных технологий существенно различаются, соответствуя уровню информатизации в целом того или иного субъекта. Как обстоит дело в Вашем округе?**

– К сожалению, эта ситуация характерна и для СКФО. Сегодня в достаточной мере оснащены компьютерным оборудованием государственные архивы Кабардино-Балкарской и Чеченской республик, Ставропольского края. Медленнее идет формирование компьютерной инфраструктуры в Дагестане и Ингушетии. Однако сложившаяся тенденция роста компьютерного парка в целом позволяет рассчитывать на полное завершение этого процесса уже в ближайшие годы. Предстоит также оборудовать локальными вычислительными сетями не только государственные архивы, но и некоторые уполномоченные органы исполнительной власти в области архивного дела.

Есть проблемы с внедрением четвертой версии ПК «Архивный фонд». К нему еще не приступили государственные и муниципальные архивы Ингушетии, а также муниципальные архивы Дагестана и Кабардино-Балкарии. В то же время архивные учреждения Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края с этой задачей справляются успешно. Например, на Ставрополье в учетную базу данных государственными и муниципальными архивами внесено 100 % фондов.

– **Какова статистика оказания интернет-услуг архивными учреждениями Ставропольского края?**

– Мы постоянно наблюдаем рост количества интернет-обращений, причем их география расширяется: это жители не только Ставрополя, но и Ростовской области, Краснодар, Нижнего Новгорода, Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Электронные обращения поступают также из Белоруссии, Германии, Грузии, Латвии, Украины, Финляндии. Если в 2008 г. зарегистрировано 51 интернет-обращение, то в 2010 г. – 284, а в 2011 г. – более 750. Тематика самая разнообразная – от подтверждения стажа работы до поиска архивной информации о проживавших на Ставрополье родственниках. В трехдневный срок по электронной почте заявителям направляется информация о приеме запросов к рассмотрению, пересылке их в соответствующий государственный или муниципальный архив для поиска запрашиваемых сведений.

С сентября прошлого года развивается информационный обмен с пенсионными органами по защищенным каналам связи. Это способствует увеличению запросов, поступающих непосредственно от пенсионных органов, и сокращению личных обращений граждан в архивы. Так, в минувшем году в целом по краю архивами рассмотрено свыше ста таких обращений.

– О том, что архивы Ставрополя заняли передовые позиции в области информатизации, свидетельствовало Ваше выступление на Совете по архивному делу при Федеральном архивном агентстве 15 сентября 2011 г. в Казани. Что способствовало достижению столь высоких результатов?

– Решающее значение, безусловно, имеет поддержка правительства края. Так, в прошлом году государственным архивам на их информатизацию из бюджета края дополнительно выделено 5 млн руб. Вопросы внедрения информационных технологий решаются архивной службой края целенаправленно и последовательно. В краевых государственных архивах созданы специализированные отделы информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий, в составе которых работают специалисты с соответствующим профессиональным образованием. Автоматизированы все рабочие места специалистов, при этом значительная их часть объединена в локальные вычислительные сети и подключена к Интернету. Во всех архивах края установлено сканирующее оборудование, причем используются сканеры с высокой степенью разрешения, накопление данных осуществляется в электронных хранилищах.

В рамках формирования электронного архива Ставропольского края с 2009 г. осуществляется перевод в электронную форму описей и наиболее востребованных архивных документов. Сегодня электронные описи содержат сведения о 400 тыс. ед. хр., что составляет 14,5 % от общего объема. Оцифровано 12 тыс. ед. хр. наиболее часто используемых документов, в том числе распорядительные документы органов государственной власти и местного самоуправления. В соответствии с Планом мероприятий по развитию информационного общества и формированию электронного правительства в Ставропольском крае к концу 2015 г. планируется оцифровать 20 % архивных документов.

Архивами края ведется 16 тематических баз данных (более 620 тыс. записей), которые активно используются в справочно-информационной деятельности. Среди них БД «Краевой каталог сведений о местонахождении документов по личному составу», «Ветераны труда», «Нормативно-распорядительные документы органов управления города Ставрополя» и др. Созданы сайты краевых государственных архивов. Свои страницы имеют архивные отделы. В Интернете размещены основная информация о составе хранящихся в архивах документов, предоставляемых услугах, электронные формы заявлений и др. Принимаются меры по расширению доступа пользователей Интернета к справочному аппарату и электронным образам документов. Так, на сайте Государственного архива Ставропольского края в октябре

прошлого года создан и еженедельно пополняется информацией веб-архив. Он содержит каталог фондов и электронные документы; посетителям предоставлены широкие возможности поиска сведений.

В этом году планируется завершить оборудование читальных залов краевых государственных архивов компьютерным и программным обеспечением для доступа пользователей к созданным базам данных и Интернету.

Архивная служба края уделяет особое внимание вопросам повышения квалификации специалистов, работающих с информационными технологиями, что позволяет быстро преодолевать психологические барьеры в их освоении. Совсем недавно провели совещание-семинар архивных работников края, где рассмотрели актуальные задачи архивов по автоматизации основных направлений деятельности, особенности проведения работ по переводу архивных документов в электронную форму.

– В принятой Стратегии особое внимание отводится кадровой политике. Что предполагается сделать в этой сфере?

– Да, ситуация здесь неоднозначна: в архивных учреждениях субъектов СКФО есть существенные различия и по возрасту работников, и по их образовательному уровню, и по зарплате. Поэтому для эффективного решения задач модернизации архивного дела в Стратегии особое внимание уделено совершенствованию кадровой политики.

В условиях широкого внедрения новейших информационных технологий необходимы постоянное повышение квалификации и совершенствование системы непрерывного профессионального обучения специалистов, что и предусмотрено Стратегией. Мы серьезно занимаемся вопросами формирования и подготовки кадрового резерва. При этом наряду с конкурсными процедурами нами применяются современные методики оценки профессионального уровня конкурсантов – проводятся собеседование, тестирование, в том числе психодиагностическое, поручается выполнение практических заданий. В течение 2010–2011 гг. в нашем крае повышены в должности 17 специалистов, способных к эффективной работе по специальности и готовых к профессиональному росту. В результате сегодня 20 % должностей категории «руководители» замещают специалисты в возрасте до 29 лет.

В последние годы нами широко используются возможности обучения архивистов на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации ВНИИДАД и проводимых институтом семинарах. В 2011 г. прошли обучение 11 человек, в этом году планируется направить на учебу пять специалистов. Профессиональному обучению и повышению квалификации специалистов серьезное внимание уделяется и во всех других субъектах СКФО.

На мой взгляд, сегодня как никогда важен сплав молодости и опыта. Округ гордится ветеранами архивного дела, среди которых Аза Алихановна Ашагульгова, Байзат Казанбиевна Гайдарбегова, Нелли Ибрагимовна Зумакулова, Лайла Джамулаевна Инуркаева, Зинаида Георгиевна Кирикова, Людмила Петровна Костина, Рита Михайловна Фидарова. Они щедро делятся своими знаниями и много внимания уделяют обучению молодежи.

Что касается старения кадров – острой проблемы для архивов больших городов – на Ставрополье она решается успешно. Молодежь охотно идет в архивы, и сегодня молодые специалисты в возрасте до 29 лет составляют треть от общей численности кадрового состава архивной службы. Эта тенденция не может не радовать. В архивы приходят выпускники исторического факультета Ставропольского госуниверситета. Они, кстати, проходят у нас и практику, а мы бываем в вузе на выпусках и подбираем себе кадры. Наши воспитанники пользуются спросом в органах управления, коммерческих структурах, банковской сфере, поскольку у нас они получают хорошую подготовку по делопроизводству и истории

учреждений, приобретают способность широкого видения проблем, овладевают методами анализа и системным подходом.

– **Какими Вы видите перспективы сотрудничества архивистов СКФО?**

– Безусловно, реализация Стратегии развития архивного дела в СКФО будет способствовать развитию и укреплению сотрудничества архивистов округа. В числе региональных творческих проектов, запланированных на этот год, следует отметить научно-практическую конференцию и историко-документальную выставку к 70-летию освобождения территории Северного Кавказа от оккупантов в годы Великой Отечественной войны; виртуальную выставку документов, посвященную 200-летию Отечественной войны 1812 г.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает опыт сотрудничества архивистов Республики Северная Осетия–Алания с зарубежными коллегами. Среди совместных проектов последних лет – участие в телемосте «Москва–Владикавказ–Цхинвал–Брюссель», а также презентации инвестиционных проектов республики в Брюсселе и на международной выставке в Москве «Мемориал–2011», где экспонировались архивные документы по истории Великой Отечественной войны. В рамках реализации Меморандума о сотрудничестве между Федеральным архивным агентством Российской Федерации и Главным архивным управлением Республики Южная Осетия архивная служба регулярно оказывает методическую и практическую помощь южноосетинским коллегам.

Интересен опыт публикационной деятельности архивистов Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Чечни. Мы надеемся, что поиск новых форм совместной работы продолжится и реализация региональных творческих проектов будет способствовать повышению эффективности работы по патриотическому воспитанию детей и молодежи, противодействию попыткам фальсификации истории.

– **Елена Ивановна, что бы Вы хотели пожелать своим коллегам в профессиональном плане как опытный историк-архивист, выпускница Историко-архивного института, на всю жизнь связавшая свою судьбу с архивами?**

– Начинаящим коллегам хочу пожелать профессионального развития и роста, успешных творческих находок, чтобы с приобретением опыта не угасал интерес к освоению новых знаний. Сверстникам – взаимопонимания и поддержки, успешного воплощения в жизнь намеченных планов. И, конечно же, всем – достойной оплаты за труд.

Вопросы задавала **Т.И. Бондарева**

«Я ведь действительно историк...»

Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ.

14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Комиссия по истории Великой Отечественной войны, история повседневности, собирание документов, пропагандистская и лекторская работа, Отдел рукописей РГБ, Г.В. Лебедева, А.Л. Сидоров, В.И. Шунков.

Человек на войне – тема неисчерпаемая. Внимание к этому сюжету в нашей стране огромно. Судьба человека и субъективное восприятие событий – важный элемент формирования общей картины Великой Отечественной войны в «человеческом измерении». Каждое документальное свидетельство представляет для исследователей самостоятельный интерес. Письма с фронта историка Виктора Ивановича Шункова (1900–1967) – ценный источник, в котором отразился взгляд на происходящее человека образованного, опытного и в то же время идейного, в годы войны политработника, глубоко уверенного в превосходстве советского строя.

В.И. Шункову – одному из крупнейших специалистов по истории Сибири, принадлежит множество научных работ¹. Его путь в науку начался в 1925 г., когда, окончив факультет общественных наук МГУ, он стал преподавать историю в школах, а с 1929 г. – в высших учебных заведениях. В 1936 г. Виктор Иванович пришел в Институт истории АН СССР на должность старшего научного сотрудника, затем ученого секретаря сектора истории СССР до XIX в., накануне Великой Отечественной войны – всего института (там его и застала война). После демобилизации В.И. Шунков вернулся в Институт истории, с 1945 по 1949 г. был заместителем директора, в 1949 г. принял предложение возглавить Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР им. В.П. Волгина, которой руководил до последних дней своей жизни. Напряженная административная работа сочеталась с активными исследованиями. В 1954 г. историк с блеском защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории землевладения Сибири (XVII век)»². Одновременно с руководством библиотекой в 1955–1960 гг. возглавлял журнал «Исторический архив», с 1959 г. был заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР, в 1966–1967 гг. – председателем Археографической комиссии. В 1962 г. его избрали членом-корреспондентом АН СССР, в 1973 г. посмертно присудили Государственную премию за участие в создании многотомной «Истории Сибири» (Л., 1968–1969. Т. 1–5)³.

В.И. Шунков оставил разноплановое документальное наследие, в том числе о периоде Великой Отечественной войны. Документы военной поры находятся в личном фонде историка (Ф. 1555) в Архиве Российской академии наук (РАН)⁴. Материалы о деятельности В.И. Шункова в 1941–1945 гг. отложились в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации⁵. Кроме того, его письма с фронта хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в личном фонде известного специалиста в области отечественной истории начала XX в. Аркадия Лавровича Сидорова (Ф. 632. К. 91. Ед. хр. 22)⁶.

А.Л. Сидоров (1900–1966) – знаковая фигура в советской исторической науке. Член РКП(б) с 1920 г., выпускник Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (1923 г.) и Института красной профессуры – ИКП (1927 г.), он в 1929–1936 гг. находился на партийной работе в Нижнем Новгороде, Владивостоке, Хабаровске; с 1937 г. преподавал историю в МГПИ и МГУ. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах ополчения, работал в Комиссии по истории Великой Отечественной войны⁷, с 1943 г. – доктор исторических наук, с 1946 г. – профессор. После войны сотрудник Института

истории АН СССР, в 1948–1952 гг. проректор МГУ, заведующий кафедрой истории СССР, в 1953–1959 гг. директор Института истории АН СССР⁸.

Документы В.И. Шункова в ЦАМО скрупулезно изучены С.В. Журавлевым⁹, который установил в военном периоде жизни историка следующие этапы: 1) октябрь 1941 г. – май 1942 г. – служба в 3-й Московской дивизии (позднее 130-й стрелковой) Калининского и Северо-Западного фронтов (с октября 1941 г. по январь 1942 г. – боец 151-й отдельной стрелковой моторазведывательной роты, с января по май 1942 г. – младший политрук, начальник дивизионной библиотеки и одновременно внештатный лектор политотдела 130-й стрелковой дивизии¹⁰; с марта 1942 г. член ВКП(б)¹¹); 2) май 1942 г. – ноябрь 1943 г. – старший научный сотрудник отдела истории воинских частей Комиссии по истории Великой Отечественной войны в Москве; 3) декабрь 1943 г. – июнь 1945 г. – лектор политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта¹². В Комиссии по истории Великой Отечественной войны, возглавлявшейся И.И. Минцем¹³, В.И. Шунков работал вместе с А.Л. Сидоровым. Видимо, именно там между ними возникли дружеские отношения, продолжавшиеся в переписке.

В отличие от документов В.И. Шункова в ЦАМО, его письма, хранящиеся в ОР РГБ, не исследованы. Читатели журнала ознакомятся с ними первыми. В фонде находится 24 письма за декабрь 1943 г. – июнь 1945 г., которые отражают жизнь историка в военное лихолетье. Несколько писем (№ 12, 15, 17, 19) адресовано Галине Владимировне Лебедевой – жене А.Л. Сидорова, редактору «Исторического журнала»; два (№ 16, 22) – им обоим, одно (№ 24) – адресата не имеет.

Хотя в корреспонденциях историка боевые действия отражены опосредованно (Шунков в сражениях не участвовал), они заполнены подробными описаниями походной жизни, бытовыми зарисовками, в них много интересных деталей и размышлений. Ученый подробно описывает свои впечатления от похода в Восточную Европу. Его внимательное отношение к окружающей действительности обусловлено не только природной жаждой новых знаний и наблюдательностью, но и стремлением использовать в пропагандистской работе примеры из жизни. В одном из писем он подчеркивает: «Я ведь действительно историк и перестать быть им не могу и не хочу» (Док. № 7). Неудивительно, что он интересуется деятельностью московского академического научного сообщества, новостями исторической науки, просит присылать исторические журналы, излагает свое понимание их роли в военное время.

В письмах Виктор Иванович часто сетует на то, что лекции и подготовка к ним не позволяют вести регулярные записи. Тем не менее в семейном архиве Шунковых сохранился его фронтовой дневник¹⁴, записи в котором сделаны в тезисной форме. Письма же более пространны и образны. Они написаны хорошим литературным языком, хотя военная служба автора оставила на них заметный пропагандистский налет. Стараясь писать образно, автор нередко скатывается на язык своих лекций, многие образы и метафоры тоже почерпнуты оттуда. Видимо, приходилось иметь в виду и военную цензуру. Тон писем уважительный и подчеркнуто дружеский.

Ответных писем обнаружить не удалось: в личном фонде В.И. Шункова в АРАН их нет. Возможно, они были утеряны еще в военное время.

В.И. Шунков. 1948 г.
АРАН. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 219

Текст передан с сохранением стилистических особенностей. Поскольку автографы отложились в фонде ОР РГБ в одном деле (№ 22), полные данные о них приведены в легенде к первому письму, в остальных указан только номер страницы.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **В.В. ТИХОНОВА**.

¹ См.: Виктор Иванович Шунков / АН СССР; авт. вступ. ст. С.О. Шмидт; сост. Р.И. Кузьменко. М., 1971. (Сер. «Материалы к библиографии ученых СССР». Вып. 10. История.)

² Диссертация была переработана и издана в Москве и Ленинграде в 1946 г. отдельной книгой под названием «Очерки по истории колонизации Сибири XVII – начала XVIII в.».

³ О жизни и творчестве В.И. Шункова см.: *Преображенский А.А.* Виктор Иванович Шунков [Некролог] // История СССР. 1968. № 2. С. 232–236; *Голикова Н.Б., Бовыкин В.И.* Памяти В.И. Шункова (Историк. 1900–1967) // Вестн. Московского ун-та. Сер. «История». 1968. № 2. С. 92–94; *Александров В.А.* Творческий путь В.И. Шункова // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): Сб. памяти чл.-корр. АН СССР В.И. Шункова. М., 1973. С. 10–23; *Окладников А.П.* В.И. Шунков – историк Сибири // Там же. С. 1–9; *Александров В.А.* Виктор Иванович Шунков // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 184–188; *Преображенский А.А.* Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 268–272; и др.

⁴ Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва). Фонды личного происхождения / Под. ред. В.Ю. Афиани. М., 2008. С. 441.

⁵ Эти материалы в августе 1953 г. из отдела рукописных фондов Института истории АН СССР были переданы в Архив Министерства обороны СССР (ныне ЦАМО РФ). (Подробнее см.: *Журавлев С.В.* Материалы ЦАМО о деятельности В.И. Шункова в годы Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1987. С. 196–201.)

⁶ См.: *Шелелева В.Б., Осадченко Б.А.* Информационные возможности личных фондов историков для изучения становления «нового направления» в отечественной историографии // Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 60–72.

⁷ В декабре 1941 г. по инициативе секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова при Московском комитете партии была создана Комиссия по истории обороны

Москвы, в 1942 г. при АН СССР – Комиссия по истории Великой Отечественной войны, которую возглавляли сопредседатели профессор, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров и чл.-корр. АН СССР (позднее академик) И.И. Минц; ее сотрудниками являлись П.И. Белецкий, Г.А. Богуславский, Э.Б. Генкина, И.М. Разгон, А.Л. Сидоров, Н.А. Сидорова, Н.С. Трусова, П.М. Федосов, О.Н. Чадаева, В.И. Шунков и др. Подобные комиссии формировались при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии, на флоте, в областях, краях и республиках, в 1943–1944 гг. – в освобожденных от оккупации районах. (См.: *Курносоев А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 118–132; *Левшин Б.В.* Деятельность комиссии по истории Великой Отечественной войны // История и историки: Историографический ежегодник за 1974 год. М., 1976. С. 312–317; *Архангородская Н.С., Курносоев А.А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219–229; *Они же.* «История воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны // Там же. М., 1986. С. 174–181.)

⁸ *Волобуев П.В.* А.Л. Сидоров [Некролог] // История СССР. 1966. № 3. С. 234–235; *Тарновский К.Н.* Путь ученого // Ист. зап. М., 1967. Т. 80. С. 207–244.

⁹ *Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 196.

¹⁰ Там же. С. 196–198.

¹¹ Там же. С. 198; *Шункова Т.М.* В.И. Шунков – участник Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 200.

¹² *Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 196.

¹³ Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – историк, выпускник ИКП (1926 г.), академик АН СССР (1946 г.), главный редактор серии «История Гражданской войны в СССР». Преподавал в различных московских вузах, лауреат Сталинской премии (1942, 1945 гг.).

¹⁴ *Шункова Т.М.* Указ. соч. С. 199–203.

№ 1–24

Письма В.И. Шункова Александру Лавровичу Сидорову и его жене Галине Владимировне Лебедевой

14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г.

№ 1

14 декабря 1943 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Вот уже три недели как я простился с Вами. И все же постоянного места я еще не имею. А поэтому не имею и адреса. Надеюсь на этих днях получить и то, и другое.

За это время успел прочесть три лекции на обычные мои темы. Слушатели довольны. Обращаются с просьбой помочь составить конспекты по этим темам, что я охотно делаю. Кроме лекций хожу в караулах, связным и т.д.

Большой привет Вашей семье и всем товарищам по работе.

В.Шунков

ОР РГБ. Ф. 632. К. 91. Ед.хр. 22. Л. 2. Автограф.

№ 2

23 декабря 1943 г.

С Новым годом, дорогой Аркадий Лаврович! Передайте мое поздравление Вашей семье. Завтра выезжаю на место окончательной работы. Оттуда сообщу Вам свой адрес.

За это время собрал материал по нашей теме, подготовил лекцию о Богдане Хмельницком¹ и много работал с майором Трошиным (б[ывший] икапист^А). Он задумал работу по истории одного Сталинградско-Киевского соединения. Вместе с ним мы разработали план, конкретный перечень вопросов, обсуждали приемы собирания и обработки материалов и т.д. На руки я ему передал свое заключение по плану и с указаниями на Комиссию^В, где он мог бы получить дальнейшую консультацию. Крепко жму Вашу руку.

В.Шунков

Там же. Л. 1.

№ 3

26 декабря 1943 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Наконец-то я обретаю постоянную работу. Как будто бы буду работать по газетному делу. Сегодня знакомлюсь с делом. Немножко жаль, что забрасываю лекционную работу. Она у меня шла не без успеха.

Напишите, как идет Ваша работа. И вообще не забывайте меня. Здесь народ для меня новый. Начинаю знакомиться. Очень хочу поработать как следует. Мой адрес: П[очтовая] с[танция]² 28802. Передайте мой новогодний привет Исааку Израилевичу^С и всему коллективу.

В.Шунков

Там же. Л. 5.

^А Выпускник Института красной профессуры.

^В Имеется в виду Комиссия по истории Великой Отечественной войны.

^С Речь идет об И.И. Минце.

№ 4

5 марта 1944 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Спасибо за открытку. Ваше внимание для меня всегда дорого. А получить поздравление с праздником армии было особенно приятно.

Федосова³ я, к сожалению, не увижу. Мой счет теперь увеличился на один, а ведь он уехал в прежний^D. Но что делать! С большим интересом прочел Вашу открытку и как-то ощутил работу Москвы.

Сам я последнее время много читал: на партийных собраниях и активах о годовщине со дня смерти Владимира Ильича^E, о X сессии Верховного совета⁴, о 26-й годовщине Кр[асной] армии, о приказе т. Сталина № 16⁵; на офицерских собраниях о Суворове⁶, Кутузове⁷, Хмельницком. Сегодня закончил статью о Хмельницком. Последние полтора месяца целиком выполнял лекторскую работу и был все время в разъездах. На таком же положении, что и в Москве. Работа эта почти отпала. На это место Москвин был прислан Пусковским. Вот я был удивлен, увидев его. Предположено было, что я займусь теми же делами, что и в Москве. Но фактически лекторствую. Удобно ведь. Да и части запрашивают меня персонально. Вот и езжу.

Народ от нас начинает ехать. Отбывают на работу. Хотел послать Вам части собранных материалов, но так как был в отъезде, то людей прозевал. Надеюсь, случай еще представится.

Сердечный привет.

В.Шунков

Там же. Л. 6–6 об.

№ 5

19–22 марта 1944 г.

19 марта 1944 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Большое спасибо за письмо. Оно, как и все Ваши письма, меня очень обрадовало. Хотелось сразу же на него ответить, но не мог вырвать для этого свободной минуты. И сейчас пишу, не зная, удастся ли закончить и отправить. Очень быстро движемся.

21 марта 1944 г.

Попытаюсь закончить письмо. Между его началом и продолжением легло 35 км нашего пути и 39 км на машине. Масса впечатлений, как все эти дни. Впечатлений самых разнообразных. Здесь и лицо войны: дороги забиты брошенными жилищами и румынскими машинами, пушками, трупами и т.д. Беседы с людьми о днях оккупации. Новый для меня народ, культура и т.д. Новая природа. Режим в Transnistria⁸ иной, отличный от того, что мы видели в Харькове, Киеве и т.д. В нашу работу мог бы теперь вписать новые страницы. Материал подбирается для этого ярких.

22 марта 1944 г.

Вчера был в еврейском местечке. Впервые за много лет видел евреев. Много местных и много выгнанных из Румынии. Наши войска встречают восторженно. Жмут руки, плачут, кричат ура. Улочки запружены, собирались приветствовать проходящие войска. Как и в

^D Так в документе. Что имел в виду В.И. Шунков, установить не удалось.

^E Имеется в виду В.И. Ленин.

Харькове, каждый полон пережитым. Мы вступили в местечко в тот же день, когда отступающие немецкие части готовились устроить резню. Не успели. Знаки прихода наших войск воспринимаются поэтому особенно остро. Румынские евреи – выселенцы, к тому же ведь видят советскую армию впервые.

Ваше сообщение о положении на историческом фронте меня живо заинтересовало. Очень прошу написать о том, как прошла районная конференция научных работников. Те явления, которые Вы отметили в Вашем письме, можно было бы наблюдать ведь в течение уже длительного времени. Необходимо активизировать подлинную историческую науку. Как справляется сейчас с этим институт? Ведь даже в нем война изменила соотношение сил.

Желаю Вам всего доброго. Нужно двигаться дальше. Результат разговора Бориса Дмитриевича⁹ не был для меня неожиданным. Я не думаю, что он смог «провернуть» это дело.

В.Шунков

Там же. Л. 7–8.

№ 6

5 мая 1944 г.

Добрый день, дорогой Аркадий Лаврович!

Спасибо за поздравления, такие теплые и радостные. Все время был в командировке и сам не успел написать первомайских писем. Поэтому поздравляю теперь. Крепко, крепко жму руку.

Успехи наши действительно хороши. За март–апрель наша армия 4 раза упоминалась в приказах Верховного главнокомандующего. Теперь воюем уже на чужой территории. В деревнях объясняюсь при помощи словаря, в городах многие говорят по-французски. Объясняемся. Впечатлений масса. Вот нет времени. Нужно бы вести дневник. Ведь Вы за ним бы с поклоном приехали из Москвы. А вот дневника нет и гордиться нечем. Ну ладно. Голова еще держится, кое-что привезу в ней.

А вот увидеть остальную братию с Коминтерна-9^F здесь я не хочу. Неужели до этого дело доходит? Какая все-таки близорукая политика. Ведь предлагали в свое время оформить это дело. Так нет. Вот таких организаторов гнать нужно. Нечего удивляться моему ворчанию. Я ведь дело говорю.

В Москву-то я конечно не попаду. «Зарядиться теорией» необходимо, это верно. Да здесь на эту зарядку охотников много. А я ведь не умею вырывать эти вещи. Вы ведь в Комиссии знаете, что нужно лектору по армии. Вот и высылайте мне. Деньги я переведу. Газеты и журналы я имею. Книги и брошюры не получаю совсем. Вот пусть местком разовьет свою работу по заботе о фронтовиках. Я им тогда напишу статью в стенгазету. Им же хлеб будет.

В.И. Шунков. 1943 г.
АРАН. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 219

^F Адрес, по которому в Москве располагалась Комиссия по истории Великой Отечественной войны.

Объясните мне одну вещь. Почему П.П. Смирнову¹⁰ за неопубликованную работу можно было присуждать премию, а теперь стало нельзя. Что-то у нас получается нехорошо. Преклонялись перед Смирновым, Яковлевым¹¹, Тарле¹² и т.д.

Ну, кончаю писать. Письмо получилось какое-то нахальное. А все же пошлю. Раз такое получилось. Значит, нахальство есть в природе. А раз есть, то и прятать нечего. Неправда ли?

Крепко, крепко жму руку.

Привет семье и коминтерновцам. Минцу я не написал ни одного письма. Это плохо? Я его очень ценю, но не люблю писать высокому начальству. Не переношу все, что походит на подхалимаж или может быть так воспринято. Тошнит!

В.Шунков

Там же. Л. 11–12 об.

№ 7

10 мая 1944 г.

Добрый день, дорогой Аркадий Лаврович!

Очень был рад Вашему письму. Оно полно для меня интересных известий. Я ведь действительно историк и перестать быть им не могу и не хочу. Вчера смотрел на бело-розовые облака вишневых, сливочных, яблочных садов и слушал птичьи голоса. Ни артиллерийские снаряды, ни мины, ни бомбы не могут заставить их перестать петь свои весенние песни, песни о солнце, весне о их птичьем счастье. Вот так же не может война сломить и человека, не может заставить его забыть о том, что он любил, над чем работал, чему отдавал жизнь. Поэтому ведь так замечательно воюет советский человек. Он любил, любит и будет любить то, что у него было до войны.

Сегодня сделал более ста километров на машине. И казалось мне, что еду на машине времени (помните Уэллса¹³), которая унесла меня лет на сотню назад. Вот так же было, наверное, в России до реформ 60–70-х гг. XIX в. Земля разделена на узкие полоски, их пашут плугом, бьют мотыгой. К чему трактор? Гектар, два гектара можно и тяпкой поднять. Больших массивов не видишь даже у помещичьих усадеб. Зачем пахать самим, если можно сдать крестьянам исполу. Небольшие красивые города: особняки, зелень, магазины, магазинчики, лавочки, мастерские и... ни одного завода. Эти городки – пауки. Они живут, питаюсь соками деревни. Чиновники, помещики, торговцы и т.д. Есть школы, кое-кто учится, учится здесь и за границей, и вот их судьбы – мануфактурный магазин: торговец – окончил с[ельско]х[озияственный] институт в Гренобле близ Парижа. Кафе: человек – инженер. Ресторан: буфетчик – окончил лицей в Бухаресте, готовился быть преподавателем. Маклер по доставке вина и прочих развлечений – по образованию юрист и т.д. Посмотришь на все это, и сердце становится полным любви и гордости за нашу советскую страну.

Привет Галине Владимировне.

Крепко жму руку.

В.Шунков

Там же. Л. 13–14 об.

№ 8

15 июля 1944 г.

Аркадий Лаврович!

По возвращении из частей нашел два ваших письма, которые немножко рассказали мне о Вашей жизни и ввели в курс московских исторических событий. Спасибо. Договоримся: Вы напишите о решении. Оно теперь есть уже, наверное.

Мы живем и облизываемся, посматривая на дела наших белорусских товарищей. Очень хочется вперед. Ведь лето. Лето нашей войны. Уже зреют плоды наших трехлетних боев и побед. И хочется сорвать их быстрее. А для меня лично путь в Москву лег через Европу. Вот я и хочу скорее пройти ее, отряхнуть пыль с ног и вернуться в любимый город к мирной работе.

А пока что работаем. Уж идти вперед, так идти по-русски, по-настоящему. Вот и делаем все, что можем для этого. Не смогли ли бы Вы помочь мне в этой работе? В Москве вышел из печати Справочник-календарь на 1944 г. (Политиздат). Быть может наша библиотека сможет купить и выслать мне^Г бандеролью и попутно еще что-нибудь полезное лектору. Стоимость я немедленно переведу. А за выполнение просьбы о справке большое спасибо. В списки меня внесли. Я удивляюсь себе. Я очень равнодушен ко всем таким вещам, но медаль за Москву хочу иметь¹⁴.

Да, можете меня поздравить. Вчера начальство прочло мне указ о награждении меня орденом Отечественной войны I степени. На днях должно быть вручение. Ваш капитан (это ведь Вы представили меня к этому званию) Вас не подвел. В связи с этим вспоминал 1 мая 1942 г. – день Вашего награждения. Чудесный был день.

Передайте мой привет Галине Владимировне, привет и благодарность за ее приписку к Вашему письму. И скажите ей, что ведь мне тоже хочется сесть за Ваш стол и поговорить с Вами. Крепко жму Ваши руки. Привет товарищам по работе.

В.Шунков

Там же. Л. 17–18 об.

№ 9

28 августа 1944 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Сердечно благодарю за письмо. Оно обрадовало меня и как знак внимания человека, дружбой которого я дорожу, и своими новостями, интерес к которым я еще не утерял.

Как я живу? Был очень занят. Здесь ведь можно быть занятым не менее, чем в Москве. Мы долго стояли и провели огромную работу. Университет за университетом – семинары для самых различных категорий наших работников от парторгов батальонов до начподивов и начпокоров^Н, от командиров батальонов до командиров дивизий и корпусов. Ни одного семинара не прошло без моего доклада или лекции. А я ведь не умею выступать не готовясь. Кроме того, большой спрос на мои лекции со стороны частей. Вот дни и пролетали и письма не писались.

А теперь мы пошли. Двигаемся быстро, не ошибусь, если скажу – стремительно. Настроение у нас приподнятое. Никто не думает об усталости. У всех одна мысль – вперед, скорее вперед. Так думают не только генералы и офицеры, эта мысль у каждого бойца, которого не смущают ни опасности боя, ни палящее солнце, ни крутизна гор. Как чудесен наш народ! Три года он воюет, три года идет в крови своей и врага. Теперь он победитель. И никакого опьянения. По-прежнему чисты и благородны его стремления.

^Г Далее зачеркнуто: «наложенным платежом».

^Н Начальник политотдела дивизии и начальник политотдела корпуса.

Сейчас он во вражеской земле. Он видит здесь одесские пианино, физические кабинеты советских школ, игрушки советских детей, наши с[ельско]х[озйственные] машины, украинский скот и т.д. И он не грабит и не мстит. В нем есть месть, но нет мстительности. Он хочет вернуть награбленное родине, но не себе, нет. Он замечательно воюет потому, что страстно хочет справедливости и конца войны. И его поведение сыграло огромную роль в развитии событий в Румынии. Нужно суметь увидеть нашего бойца, а с умением увидеть – полюбить и не разлюбить. И полюбить не за те подвиги, которые собирали и описывали мы в Комиссии (это, конечно, так же нужно). Полюбить за простую ясность и благородство его помыслов. В силе этих помыслов мало героизма и романтизма. И не потому ли для работников нашего отделения героев многие герои кажутся неинтересными? И именно в этом их величие.

Привет «могиканам». В жизни многое меняется. От 1941 г. мы пришли к лету 1944 г. И долго методы организации работы в Комиссии остаются признанными. Ожили разговоры о пуровском¹ назначении. Ваша Комиссия опровергает древнего Гераклита¹⁵ с его – все течет, все изменяется. У Вас все течет и ничего не изменяется. Крепко жму Вашу руку. Большой привет Галине Владимировне.

В.Шунков

Там же. Л. 19–20 об.

№ 10

30 ноября 1944 г.

Добрый день, дорогой Аркадий Лаврович!

Как долго и в то же время быстро прошел год. Несколько дней тому назад я вспоминал, как в конце ноября 1943 г. я завтракал перед отъездом из Москвы у Вас. Не видеть в течение года Москвы и друзей – это, пожалуй, самое тяжелое военное лишение для меня. В остальном уравновешенный характер мой и отсутствие претензий к жизни позволили справиться с трудностями. Тем более что перед глазами всегда жизнь нашего бойца, условия которой не сравнимы с условиями жизни лектора армии. Посмотришь на нее и чувствуешь себя бодрее и стыдно думать о том, что тебе бывает тяжело.

В данный момент нахожусь в частях. Второй день в большой венгерской деревне – 800 дворов и 5600 га земли. Земли не густо и распределена она по-здешнему. Восемьдесят дворов земли не имеют совсем, земельные участки 100 хозяев менее 2-х гектаров. Зато 25 кулацких хозяйств имеют более чем по 25 гектаров, а два помещичьих хозяйства 3200 га. У двух человек столько же земли, сколько у 800 остальных. Большую часть этой земли они отдают в аренду крестьянам исполу. 200 дворов деревни арендуют землю у этих помещиков. Такая же картина с тягловой силой. В селе 280 лошадей, из них 139 у крестьян и 150 в двух помещичьих хозяйствах.

Эти сведения я собирал не ради любопытства, хотя и это было бы законно. Они нужны мне для моих лекций. Не люблю преподносить в лекциях голые заученные формулы. Предпочитаю раскрывать их на том, что видим вокруг. А увидеть можно многое, лишь бы были глаза. Очень жалею, что не умею фотографировать. Мог бы дать такой монтаж, что залюбуешься.

А вот нравы. Обоз наших «союзников». Мимоходом солдат захватывает в крестьянском хозяйстве пару гусей. Наш офицер останавливает его и вызывает его офицера. Небольшое объяснение: пришли воевать, а не грабить, требует возвращения гусей и наказания солдата. Гуси важно передаются хозяйке. «Союзным» офицером отдается команда преступнику. Ловко он расстегивает и спускает штаны. Ему всыпают порцию горячих.

¹ Имеется в виду Главное политическое управление РККА.

Штаны поспешно натягиваются. Преступник козыряет. Убирается на повозку и, насвистывая, движется дальше.

А вот отношение к нашим и р[умынским] войскам. Село занято р[умынскими] войсками. Подходит наш батальон. Часть села освобождается для него, и он ее занимает. Дело происходит днем. К вечеру население другой части с^J и скарбом перебираются к нам. У нас спокойнее и вернее. Маленький факт, но он говорит о том, что мы умеем завоевывать не только крепости и города, но и сердца. Вот тема, которая мне живо сейчас рисуется и которой я уделяю большое внимание в своей работе и в своих наблюдениях.

Ваш совет о ведении записей выполняется мною лишь наполовину. У меня есть дневничок. Но это скорее оглавление дневника. Нет времени. Сна не много, и урвать у него еще и на это, уже нет сил. Быть может, когда-нибудь удастся что-либо сделать.

Крепко жму Вашу руку. Привет Галине Владимировне и всей вашей семье.

В.Шунков

P.S. Я очень браню себя за одну оплошность. Я пропустил 15 октября и не поздравил Вас с 3-й годовщиной нашей дивизии¹⁶. Помнит ли Вас кто-либо оттуда? Получили ли Вы медаль за оборону Москвы? А мне не дали. Говорят, в списке частей, оборонявших Москву, таких батальонов и такой дивизии нет. В чем дело?

Там же. Л. 22–25.

№ 11

[7, 13 декабря 1944 г.]^K

Дорогой Аркадий Лаврович!

Утопаю во всевропейской грязи. Декабрьские дожди превратили землю в жидкое состояние. Противоестественно, но факт. Без нагрева тело из сухого состояния переходит в жидкое. Стоит свернуть с шоссе и утопаешь. По проселку свободно движутся лишь величавые волы местной породы с столь высокими рогами, что они того и гляди зацепятся за низко опустившееся небо. В деревнях и городишках грязь по колено. Тому, кто представлял Европу по ее столицам, пришлось побродить по ее захолустьям и клясть примитивизм ее бытового устройства.

Получился перерыв в письме^L. Уезжал, а в поездке как-то не выберешь места и времени для письма. С этой поездкой прозевал товарищей, уехавших в Москву. Продолжают отзывать. Хотел с ними послать письма и не вышло.

Город, в котором мы живем, наполнился жителями. Чем больше мы живем, тем больше проходит страх, навязанный фашистской пропагандой и клеветой. На днях хоронили наших бойцов. Собралось много местных жителей. По-настоящему плакали, быть может, вспоминали своих погибших. Пусть так. Общее горе сближает. Очень любопытно наблюдать этот процесс завоевания не только крепостей и городов, но и сердец. Работают церкви, рынок, начали открываться лавочки, кафе и т.д. Выходит газета. Так, наряду с Венгрией Салаша¹⁷, которая, очевидно, скоро кончится, начинает жить другая Венгрия. Какой она будет? Ну, на этот вопрос, быть может, Вам будет легче ответить, нежели мне.

Эта цидулька доберется к Вам, наверное, к 1945 г. Вот почему я уже сейчас приношу Вам и Вашей семье мои искренние новогодние пожелания и поздравления. Желая крепкого, настоящего успеха в работе и жизни.

Хочется закончить традиционным «пишите». Но, быть может, Вы и пишете. Весь октябрь и декабрь почта работает отвратительно. Сегодня, 13 декабря, мы не имеем еще центральных газет за 30 ноября. А ведь они-то выходят. О письмах и говорить не

^J Далее неразборчиво.

^K Датируется по содержанию.

^L Письмо дописывалось 13 декабря.

приходится. Ну, это я так, к слову. Я не любитель жаловаться. Иногда только, когда терпенье иссякает.

Крепко жму Вашу руку.

В.Шунков

Там же. Л. 29–30 об.

№ 12

18 декабря 1944 г.

Добрый день, Галина Владимировна!

Спасибо Вам за «во какое письмо» (это Ваша терминология). Я оценил и ее, и письмо. Какие ужасные Вы пишете вещи. Для XIX века я знаю продажную невесту. А теперь, в веке XX, узнаю, что «продалась» уважаемая мною, весьма почтенная матрона, ученая московская дама. Этот сюжет и Бердних Сметана^{М18} не осилит. Шутки шутками – я доволен, что Вы в «Историческом журнале»¹⁹. Там нужно иметь сердечных работников. Я не хочу браниться. Издалека это трудно делать. Но у меня такие впечатления. «Исторический журнал» настоящего времени напоминает мне человека, севшего между двумя стульями. Он немножко потерял в серьезности по сравнению с «Историком-марксистом»²⁰. Я бы не решил назвать его научным журналом. Потеряв научность, он не приобрел оперативности, оправдывающей существование научно-популярных журналов. Поясню свою мысль. Вот мы одновременно совершаем военный и морально-политический разгром гитлеровской Германии. На военном фронте мы выбили из войны Румынию, Венгрию, Финляндию, выбили и повернули их против гитлеровской Германии. Сейчас мы выбиваем гитлеровцев из союзной нам Чехословакии.

Спрошу я Вас, как эти фронтовые дела сопровождаются делами на фронте идеологической борьбы? Какие удары нанес «Исторический журнал» по фальсифицирующей историю гитлеровской псевдонауке? Я не хочу превратить «Исторический журнал» в место, где даже в критикообразной форме излагались бы фашистские бредни по истории Чехии, Румынии, Венгрии, Финляндии и т.д. Но дать подлинную-то историю можно! Почему я, сидя на фронте, напрягаю свою память и силы, чтобы напомнить людям факты совместной борьбы русских и чехов против немцев, вековые традиции русско-чешской дружбы, антинемецкой борьбы чехословацкого народа, блеск его культуры и т.д.? Почему не может помочь мне в этом «Исторический журнал»? Быть может там что-нибудь и готовится? Из Румынии мы ушли, не получив ничего, так же уходим из Венгрии и так же уйдем из Чехословакии. Война требует оперативности от всех, в том числе и от «Исторического журнала».

Вот Вам претензии фронтовика. Не сердитесь, я не обвиняю Вас. Для этого Вы слишком молодой сотрудник журнала. Mais j'ai confiance en vous. C'est pourquoi je vous le dis^N.

Привет Аркадию Лавровичу. Сейчас принесли его письма. Отвечу при первой возможности. Привет Вашим детям.

В.Шунков

P.S. Не откажите передать сердечную признательность Нине Викторовне²¹. Ее привет мне доставил большое удовольствие.

Там же. Л. 32–33 об.

^М Так в документе. Правильно: Бедржих Сметана.

^N Но я доверяю вам. Именно поэтому я вам это говорю (фр.).

№ 13

20 декабря 1944 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Очень был рад увидеть Ваш почерк, узнать московские новости, вновь почувствовать Вашу заботу. Ваш абзац об артиллеристах был вдвойне для меня интересен. Я ведь 19-го так же читал о них²². Почти в три яруса ложи были полны и среди них наши артиллеристы с низов до верхов. Все остальные слушатели меня не беспокоили. С ними-то я справиться сумею. А вот артиллеристы тревожили. Не то чтобы я боялся наплесть что-нибудь несурзкое, но и оказаться в роли лектора для детей младшего возраста не хотелось. А знаете, понравилось. Причем получил комплименты от артиллеристских верхов. Очень был доволен. Настолько, что даже перед Вами решил похвастаться. Не смейтесь. Я попотел над этим выступлением.

Второй моей лекцией была Чехословакия. Очень помогло то, что осталось в памяти от бесед и выступлений З.Неедлы²³.

Ну, довольно о себе. Сейчас о себе и о других. Небольшой городок на окраине страны. Только что приехали. Хозяева истопили печь, приготовили постели, принесли горячее молоко. У меня оказалась бутылочка ликера. Перед ночью ведь это хорошо. Ein gut Glas Branntwein, soll mittenachts nicht schddlich sein^О. Не правда ли? До лозунга же Im Wein ist Wahrheit nur allein^Р – я еще не дошел. На венгеро-румынско-немецко-русском языке завязалась беседа. Семья рабочего. Муж сумел избежать угона в Германию. Смотрят на нас, как на освободителей. Внимательны до предела. Подарил их сынишке несколько конфет и открытки. Растрогались. Уйдем мы. Ведь они будут помнить советского офицера, так же не забудут они и немецкого. Еще какая-то капля на нашу мельницу. Колесо истории работает в нашу пользу.

Крепко жму руку. Привет Галине Владимировне и детям.

В.Шунков

Там же. Л. 26–27 об.

№ 14

14 января 1945 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Большое спасибо за милую новогоднюю открытку и новогодний привет от обоих поколений Сидоровых. Как бы я хотел побыть у Вашей молодежи на елке. Люблю елочных ребят.

Последние полмесяца непрерывно в разъездах. «Дома» ночевал ночи две, не больше. Вызывали вверх, предлагали место аналогичное тому, что имел Бычков в Валдае. Я запротестовал. Наше начальство меня отстояло. Нет смысла. Оно, конечно, там у тебя своя машина, два человека, спокойная жизнь. Но я уж не так стар, чтобы гнаться за покоем. А работа здесь у меня интереснее, острее и, я бы сказал, много полезнее для дела. И, потом, ближе к фронту, ближе к боям. Это так же во многих отношениях дает удовлетворение.

Вернулся к себе и на другой день выехал в части. Затем вернулся вновь «домой» и вновь выехал в части. В первую поездку читал в графском доме-поместье. После лекции посмотрел дом. Хозяева бежали, дом брошен. Интересна библиотека. Французская, немецкая, итальянская, венгерская литература. Много книг по истории, много старинных изданий, есть уникамы (XVI, XVII вв.). Кое-что было бы полезно для Академии. Не успел посмотреть поместье Бетлена²⁴, бывшего премьер-министра. При большой «дружбе»

^О Стакан хорошей водки не вреден в полночь (нем.).

^Р Истина только лишь в вине (нем.).

помещичьих домов с обложившими их крестьянскими лачугами судьба этих библиотек предрешена. А есть ценные вещи. По существующему положению почта иностранную книгу не принимает. Поэтому ничего послать нельзя. Академии стоило бы подумать над этим. Они же должны вернуть нам то, что сожгли у нас. Помните харьковские библиотеки? Сенокосилки возвращать, конечно, нужно, но и о культурных ценностях забывать также не стоит.

Удаляясь, ухает наша артиллерия. Пошли вперед. Чудесное чувство. Перед нами новая страна. На этот раз дружественный народ.

Получил письмо от Белецкого, видел Гуркина²⁵, но поговорить не успел.

Крепко жму Вашу руку.

В.Шунков

Там же. Л. 35–36 об.

№ 15

[Январь 1945 г.]^Q

Вы напрасно завидуете. Ну, конечно, очень много интересного, значительного, поражающего. Но ведь смотришь на это все из небольшого уголка и видишь кусочками. Я недавно отказался от работы, которая привлекала возможностью видеть больше. Но сама по себе работа менее интересна и менее значительна. А только смотреть – стыдно. В Москве у Вас масштабы больше, нежели у меня. И быть может потому мне приходят на память слова:

Как часто в горестной разлуке,
В своей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!²⁶

Крепко жму руку и желаю благополучия. Привет дорогому Аркадию Лавровичу.

В.Шунков

Там же. Л. 39 об.

№ 16

22 января 1945 г.

Добрый день, Галина Владимировна и Аркадий Лаврович!

Это письмо по специальному вопросу. Получил разом 9-й и 10–11-й номера «Исторического журнала». Они заставили меня изменить оценку журнала, данную в письме на имя Галины Владимировны. Изменению подлежит первая оценка (о научности), вторая остается.

Хорошие номера. Остро и смело ставятся вопросы. Ну, Вы понимаете, что особое удовольствие доставили рецензии на книги А.И. Яковлева²⁷ и Сыромятникова²⁸, сумбурные и псевдонаучные. Здесь не только удовольствие от совпадения оценок журнала с моими личными оценками. Здесь удовольствие от смелости журнала наконец-то сказать то, что нужно было сказать давно.

Порочность «научных» приемов Яковлева вскрыта хорошо. Я только люблю рецензии несколько иного типа. Не только обличение, но и поучение. А по «Холопству...» Яковлеву можно было бы противопоставить настоящую научную концепцию. Это было бы занятно.

^Q Адресат (Г.В. Лебедева) установлен по содержанию, дата – по сопутствующим письмам.

В этих номерах, как и в номере, в который не включена статья Евгения Викторовича [Тарле], журнал показал себя действительно научным, определяющим пути науки. Вот это мне и хотелось сказать. Не люблю, когда на моей душе лежит несправедливое обвинение.

Крепко жму руку.

В.Шунков

P.S. Я получил от «Ист[орического] журнала» и отправил обратно статью о партизанах. Сделал, что мог. Но сделать здесь можно немного. Ведь под рукой же ничего нет.

Там же. Л. 40–41 об.

№ 17

1 февраля 1945 г.

Галина Владимировна, добрый день!

Сердечно благодарен за Ваше милое письмо от 23 января [19]45 г. На половину Вашего письма я ответил в тот день, когда Вы писали свое. (До чего же я умен! Провидец!) Остается сказать только два слова. Вы правы и не правы, говоря об отсутствии знатоков. Их нет. Пусть так. Но нужно, чтобы они были. Ковчег необходимо повернуть. Это можно и должно. Вы скажете – это не дело журнала. Нет. Это дело всех, в том числе и журнала. Разве направление научных работ его не касается?

Там же. Л. 42.

№ 18

23 февраля 1945 г.

Дорогой Аркадий Лаврович, добрый день!

Вам не нужно было признаваться в своем долге передо мною. Шестистраничное письмо Ваше искупило сторицей все пропуски. В нем поднято столько вопросов, что, если их разложить, их хватило бы на несколько писем. Вы поступили, как редакторы наших журналов, дающие сдвоенные номера. Отличие лишь в том, что Вы оставили обычный конверт и утроили его содержание, редакторы же оставляют обычно содержание и удваивают номер на конверте. (Ради бога не показывайте этого кусочка Галине Владимировне, она ведь редакционный работник.)

Несколько слов о моей жизни. Сегодня наш праздник и мы просматриваем свой путь и оглядываемся кругом. 26-ю годовщину я встречал в украинском селе близ Белой Церкви, 27-ю на родине З.Р.Н.^R Сзади 1200 км пути, две наши советские республики и три капиталистических государства. Ведь здорово! И вот наш день в словацком городке. Гудят наши оркестры, торжественным маршем проходят наши части, плывут знамена, гремит «ура» Сталину. Вечером я в двух местах. Первую половину его купаюсь в лучах славы. На слете кавалеров ордена Славы мой доклад о 27-й годовщине. В зале их около полутора сот[ен]. И зал сверкает славой и гремит от рукоплесканий и криков, когда я кончаю доклад здравицей Сталину. Затем принимается письмо ему. Торжественная часть окончена. Сажусь в машину и на прием к Военному совету. Торж[ественная] часть уже закончена, оканчивается концерт. Ужин. Огромный зал. Хрустальные люстры. Красные полотнища и зелень. Огромный во всю стену портрет вождя. Стол полон яств, приземистых бутылок рома и стройных – токайского. Тосты – за Родину, за партию, за Сталина. Туши, марши, сюиты (два оркестра). И все это выливается за окна зала, где собрание, за пределы площади, где парад, и растекается по улицам, уходит в дома, перекатывается в деревни. Сколько у них разговоров и дум? И сила таких впечатлений

---

^R Зденек Романович Неядлы.

вместе с силою боя перевертывает сознание многих. Не правда ли? Я это переживаю остро и мне захотелось написать об этом Вам.

Вчера получил письмо за подписью Минца. 15 янв[аря] он поздравляет меня с Новым годом и поручает сбор материалов о героях Сов[етского] Союза и об отношении населения к Кр[асной] армии. Это Ваших рук дело? Разумеется, я собираю такой материал по мере сил. Я ведь не глух и не слеп и не могу пройти мимо этого. Встреч у меня много и впечатлений много. Но и работы своей много. А я ведь не умею прийти к слушателю с болтовней. Следовательно – необходимо работать и работать. Вот почему не рассчитывайте, что я смогу делать много в этом направлении. У меня хорошая должность. Лучшей в армии я бы не хотел. Но она меня съедает целиком.

Передайте благодарность узкой колонии²⁹ за привет (Б.Д. Грекову, С.В. Бахрушину³⁰, А.М. Панкратовой³¹).

Искренний и большой привет Галине Владимировне. Она меня смутила, придав излишне большое значение моим замечаниям о журнале.

Жму Вашу руку и желаю успехов.

В.Шунков

P.S. Меня наградили вторым орденом Отечественной войны. Теперь я полный кавалер.

Там же. Л. 44–45 об.

№ 19

12 апреля 1945 г.

Многоуважаемая Галина Владимировна!

Сердечно благодарю за письмо, за присылку журнала, за помощь моей жене овладеть бухгалтерскою цитаделью и получить без записки от меня гонорар.

Где-то недалеко от меня должен быть Зденек Романович [Неедлы]. Из Кошице они должны были приехать на этих днях. Но повидаться с ним я, конечно, не смогу. Мы быстро уходим вперед, и им нас не догнать.

Страна его чудесна своими ландшафтами, своими подземными и наземными богатствами и полна противоречий, сложных и острых. Поговорить с ним очень бы сейчас хотелось. Издали ведь не все видно. Да и сам Зд[енек] Ром[анович] не видел из Москвы всего. На его любви к Родине сказалась черта, отмеченная Компбеллем^S – разлука придает чертам очарованье. На месте видишь противоречия не только классовые (их и издали видеть не трудно), но и областные. Сильны сепаратистские тенденции. Интересно сочетание сепаратизма реакционного (типа глинковского³²) с прогрессивным (если можно так выразиться). Первый смотрел на запад, второй – на восток. С этой точки зрения было интересно посмотреть на собрание рабочих одного завода и на митинг призванных в армию. За работой, за впечатлениями не видишь времени. Пришла весна 1945 г. Хочется верить, что это больше, нежели время года.

В.Шунков

Там же. Л. 47–47 об.

^S Так в документе, возможно, американский исследователь мифологии Кэмпбелл Джозеф Джон.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Всегда бывает приятно получить от Вас письмо. Последнее я успел прочесть и положить в карман. Ночью меня предупредили, что ранним утром я должен явиться к начальнику и ехать с ним. Вот почему ответ задержался.

В промежутке между чтением письма и ответом съездил в Будапешт. Огромный город с хорошо обстроенными красивыми улицами, величавыми площадями, храмами и дворцами и т.д. Две черты в его оформлении обращают внимание: налет милитаризма (характер памятников и т.д.), дворцовая, несколько хмурая чопорность зданий. Сердце города – чудесный Дунай. Парламент на левом берегу, королевский дворец и костел Св. Этьена на правом; мосты, набережные наполняют гордостью сердце Будапешта. Мой спутник в прогулке по городу уверял с упоением: Будапешт после Буэнос-Айреса самый красивый город мира.

Немецкая и венгерская мразь приспособили его к уличным боям. Еще остались не только баррикады и траншеи, но и доты с круговым обстрелом внутри ряда дворов. Техники набито в нем множество. Ну и получили. Если Пешт пострадал сравнительно мало (я сравниваю с нашими советскими городами), то Буда привлекает пугающим зрелищем. По некоторым улицам нельзя пройти. Сплошные завалы. На них нет людей, ибо негде жить. От дворца обвалились стены, но внутри смотреть нечего. Грудами лежат разбитые и сожженные танки, автомашины, обломки самолетов и т.д. Будут помнить, как лазить в чужой огород.

Но город живет. Пешт заполнен толпами пешеходов. На трамваях пассажиры виснут гроздьями. Автомашины только наши. Масса рикш. Куда-то везут мебель, вещи. Тянутся тележки дровозаготовителей. Они заготовливают дрова в разбитых парках, домах и т.д. Город охвачен спекулятивной горячкой. Торгуют всем от[†] до тортов и шоколада, от старинных картин до живого человека. Цены бешеные. Весна сказалась в корзинах продавщиц нарциссов и гиацинтов.

Наших людей мало. Мальчишки, разинув рот, провожают глазами наших офицеров. Население по отношению к нам настроено предупредительно. Повышенный интерес к победителям. На улице Андраши видел в продаже шелковые платочки с вышитой надписью: привет освободителям. Очень хотелось купить такой сувенир. Но выслали неожиданно, и в карманах были румынские леи, чехословацкие кроны, советские рубли, а венгерской деньги ни одной. В фойе одного королевского театра, где Хорти³³ бывал гораздо чаще, чем в парламенте (я-то, конечно, был и там, и тут), сюжет, посвященный Ильичу. Будапештский симфонический оркестр в день моего приезда исполнил 5-ю симфонию Чайковского.

На днях из Дебрецена должно приехать правительство. Часть правительственных зданий пригодна для работы. Все три зала заседаний парламента целы. Я взбирался в большом зале и на место оратора и посидел на председательском месте. Ничего, работать можно.

На обратном пути сделал остановку у границы. Наши дорожники поставили на палке [по]граничную дощечку и написали на ней: Чехословакия. Это фраза не только пограничный знак, но и пограничный страж. Возле нее никого. Ходи и ездь сколько хочешь. Да и не все ли равно. По ту и по другую сторону значка наши люди и наша сила.

Но есть и различие. В Румынии я говорил на французском, в Будапеште лучше говорить по-немецки, а в Словакии можно по-русски – с трудом, но договаривался. Они это отмечают с удовольствием. На днях к нашему коменданту зашли представители (ай, какие они павлины в своей парадной форме), чтобы заверить русский перевод их служебного документа. С удивлением прочли русский перевод названия учреждения:

[†] Далее неразборчиво.

НКВД. На замечание, что так называется советское учреждение, последовал спокойный ответ: «У нас так же будет».

На банкете после возложения венков на могилы наших бойцов и офицеров в одном из словацких городов кульминационной точкой речи главы местной власти была здравица Сталину.

Однако границы бывают не только у государств, но и у писем. Нужно ограничивать себя.

Большое спасибо, Аркадий Лаврович, за заботы. Очень хочется в Москву. Война кончается и теперь есть право думать об этом.

Привет Галине Владимировне и всему Вашему семейству.

В.Шунков

Там же. Л. 50–53.

№ 21

11 мая 1945 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Поздравляю с Победой, полной и окончательной. Стремительно несемся вперед. Вот посему я задерживал ответ на Вашу первомайскую открытку.

Победа! Какое чудесное слово и еще более чудесное чувство. Даже на нашем участке, где немцы пытались уклониться от условий капитуляции, они сегодня сдаются в плен. Бредут по дорогам и ищут плена. Забывают дороги своими обозами в поисках плена.

Население встречает восторженно. Всюду улыбающиеся лица, приветственные взмахи рук. У дорог ребяташки с цветами: ждут приезда наших машин. Хозяйка квартиры, которую мне отвели, бросилась ко мне на грудь со слезами и поцелуями. Я понял одно слово: «Пришли, пришли». На улице ко мне принесли совсем крохотного малыша. И он жмет ручку и бормочет невнятно: «Здравствуйте».

9-го по освобожденной части страны прокатилась волна демонстраций и митингов. По улицам, на трибунах полотнища наших советских и национальных знамен. Приветственные крики нашим солдатам и офицерам. Над площадью носятся крики: «Пусть живет Красная армия, пусть живет маршал Сталин». В витринах магазинов бесконечная вереница портретов Масарика³⁴ и Бенеша³⁵. Несколько раз обращались с просьбой дать портрет Сталина. Его у нас нет, но очень его они хотят.

Красочны, живописны колонны демонстрантов. Молодежь одела национальные костюмы, яркие и пышные. Их обычно одевали на пасхальную процессию, а затем хранили год в сундуках. Сегодня они сверкают на теплом и ярком солнце весны 1945 года.

Что говорить о настроениях наших людей, руками которых эта Победа добыта. Как бы хотелось посмотреть хотя бы краешком глаза, что творится в эти дни на Родине. Очень тоскую по ней. Ведь 14-й месяц за границей. И тоскую не только по отдельным людям, по своей работе, по институту, нет, тоскую по советской жизни в целом, по всей своей родной стране.

Поздравьте крепко и горячо Галину Владимировну и Вашу детвору с Победой. Вы, конечно, делали это уже не раз, но на этот раз сделайте это за меня.

Крепко жму руку

В.Шунков

Там же. Л. 54–55 об.

№ 22

25 мая 1945 г.

Добрый день, друзья мои,
Галина Владимировна и Аркадий Лаврович!

Сердечно благодарю за победные поздравления. Свои поздравления я Вам отправил уже давно. Но хочется еще раз пожать Ваши хорошие руки и еще раз сказать: Поздравляю! Ура! Победа такая большая – говорить о ней и поздравлять с ней не устаешь.

Там же. Л. 61.

№ 23

9 июня 1945 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Сегодня месяц со дня Победы. Живу странной и непривычной для меня жизнью: военным без войны. Напряжение уменьшилось вдвое. Части в лагерях заняты учебой. Мы ходим на службу. (Я не знаю, как сказать: на ней или в ней, или еще как.) Нет постоянных выездов в соединения, нет боев и подготовки к ним, нет напряжения и темпов войны, которые поглощали нас целиком и ничего не оставляли незанятым и неоправданным. Нет слов, стало спокойно. Зато бесконечно выросло напряжение ожидания томительного и страстного. И если год войны пролетел как месяц, то месяц мира показался годом.

Мы очень ждали с Пясковским³⁶, что нас пригласят хотя бы на юбилейные торжества. Это было бы неплохо, если бы академические работники, пробывшие в армии с [19]41 г., съехались бы на праздник Академии и на научный праздник страны³⁷, которую они в меру своих сил защищали. Очень огорчены.

Недели четыре-пять тому назад меня вызвали вверх. Я и не знаю о телеграмме, т.к. был болен и лежал в постели. На днях «товарищ сверху» (так называют нас, когда мы – штабы, и так называем мы тех, кто приезжает сверху) объяснил мне, что меня вызывали для перевода на работу непосредственно в хозяйство Малиновского³⁸. Зимой мне уже удалось отбиться от одного местного предложения. На этот раз мне помог случай – наш перевод к Коневу³⁹. Привык я к своим слушателям, завоевал их (разве не приятно получать телеграммы с просьбой приехать или узнать о решениях парторганизаций о приглашении меня к ним на лекцию?) и мне жаль с ними расстаться. Начинать все сначала не хотелось.

А затем, несмотря на солидный уже возраст и несклонность к необоснованным надеждам, хочется верить и верится в близкое возвращение к мирной работе и привычному труду. В моем возрасте это означает использование того, к чему готовился всю жизнь, и полную бесперспективность жизни в противном случае. Это было также аргументом против перемены работы и тем более с повышением.

Вы всегда с такой добротой отзывались о моих письмах о виденном. В этом письме только я и мои дела. Я бесцеремонен. И больше того, я хотел бы, чтобы Ваш ответ на это письмо содержал бы также несколько слов о моих делах.

Крепко жму Вашу руку. Сердечный привет Галине Владимировне.

В.Шунков

Там же. Л. 57–58 об.

На днях провел день в Праге. О ней – только эти открытки. Рассказы позже, нет времени. Хотим учить, хотим учиться. Все это наезжает одно на другое, и не знаешь, как выкрутиться.

Как бы я хотел увидеть день, в который смог бы выполнить Ваш совет относительно моих пожитков. К сожалению, пока что никаких перспектив. А я готов. Ведь каждый из нас может сказать *Omnia mea mecum porto*^V. Собирать нечего. Пишите.

В.Шунков

Там же. Л. 60.

¹ Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (1595/1596–1657) – гетман Войска Запорожского, военный и государственный деятель. Организатор и идейный вождь восстания украинского народа против Речи Посполитой, возглавил Переяславскую раду 1654 г., принявшую решение о переходе Левобережной Украины под протекторат российского царя; в результате земли Войска Запорожского вошли в состав Московского государства.

² Полевая почта на линии фронта называлась «Почтовая полевая станция» или «Почтовая станция».

³ Федосов Петр Михайлович (1897–1974) – член РСДРП с 1917 г., большевик. В 1924–1927 гг. учился в Ленинградском комвузе, работал в пропагандистской группе ЦК ВКП(б), Орловской губернской совпартшколе, Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б); канд. ист. наук. Во время Великой Отечественной войны на политической работе в армии, начальник кафедры Военно-политической академии им. В.И. Ленина, с 1946 г. работал в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

⁴ X сессия Верховного совета СССР, состоявшаяся в Москве 28 января – 1 февраля 1944 г., рассмотрела и утвердила Государственный бюджет Союза ССР на текущий год, заслушала отчеты об исполнении бюджетов страны за 1940–1942 гг. и предварительные итоги за 1943 г., приняла законы о преобразовании народных комиссариатов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские.

⁵ Имеется в виду приказ от 23 февраля 1944 г., в котором прозвучало поздравление с 26-й годовщиной образования Красной армии.

⁶ Суворов Александр Васильевич (1729–1800) – русский полководец, не потерпевший ни одного поражения в своей военной карьере, один из основоположников русского военного искусства.

⁷ Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) – русский полководец, командующий русской армией в Отечественную войну 1812 г.

⁸ В результате нападения Германии и ее союзников на СССР под контролем Румынии оказалась область между реками Южный Буг и Днестр, включая города Балта, Винница, Одесса и правобережную часть г. Николаева, которую называли Транснистрией (Заднепровьем).

⁹ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, специалист по истории Древней Руси. С 1910 г. приват-доцент Петербургского ун-та, с 1921 г. профессор ЛГУ, д-р ист. наук, чл.-корр., академик АН СССР (1935 г.). Директор Ин-та истории АН СССР в 1937–1953 гг., академик-секретарь Отделения истории АН СССР с 1946 г.

¹⁰ Смирнов Павел Петрович (1882–1947) – д-р ист. наук, специалист по истории России XVI–XVII вв.; профессор, зав. кафедрой истории СССР Историко-архивного ин-та (ИАИ) в 1938–1942 гг., директор ИАИ в 1941–1942 гг. В 1943 г. получил Сталинскую премию за рукопись «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.». Первый том монографии был опубликован только в 1947 г.

¹¹ Яковлев Алексей Иванович (1878–1951) – д-р ист. наук, чл.-корр. АН СССР, специалист по истории России XVII в. В 1943 г. получил Сталинскую премию за рукопись книги «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.», что вызвало неоднозначную реакцию в профессиональном сообществе историков.

¹² Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – д-р ист. наук, академик АН СССР (1927 г.), специалист по европейской и отечественной истории, международным отношениям, лауреат Сталинской премии (1942 г.).

¹³ Уэллс Герберт (1866–1946) – английский писатель-фантаст.

^U Датируется по содержанию данного письма и письма от 9 июня 1945 г.

^V Все свое ношу с собой (*лат.*).

- ¹⁴ Речь идет об участии В.И. Шункова в боевых действиях под Москвой в составе 3-й Московской дивизии (позднее 130-й стрелковой) в качестве бойца разведки.
- ¹⁵ Гераклит (ок. 544–480 гг. до н.э.) – древнегреческий философ.
- ¹⁶ С октября 1941 г. по май 1942 г. В.И. Шунков служил вместе с А.Л. Сидоровым в 130-й стрелковой дивизии Калининского и Северо-Западного фронтов, защищавшей Москву.
- ¹⁷ Салаши Ференц (1897–1946) – венгерский политический деятель. В 1935 г. основал фашистскую Партию воли. В 1938–1940 гг. находился в тюремном заключении по обвинению в выступлении против М.Хорти. Был лидером фашистской партии «Скрещенные стрелы». С августа 1944 г. при поддержке гитлеровцев развернул подготовку к захвату власти с целью не допустить выхода Венгрии из Второй мировой войны. В октябре 1944 – марте 1945 г. находился у власти («вождь нации») на неосвобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории Венгрии.
- ¹⁸ Видимо, речь идет о чешском композиторе, пианисте, дирижере, основоположнике чешской национальной композиторской школы Бедржихе Сметане (1824–1884), написавшем оперу «Проданная невеста» (1866 г.).
- ¹⁹ «Исторический журнал» – ежемесячный научно-популярный журнал. Издавался в Москве в 1937–1945 гг. (в качестве продолжения журнала «Борьба классов»).
- ²⁰ «Историк-марксист» – научно-исторический журнал. Издавался в Москве в 1926–1941 гг.
- ²¹ Возможно, Пигулевская Нина Викторовна (1894–1970) – историк, специалист по истории стран Ближнего и Среднего Востока и Византии раннего Средневековья, чл.-корр. АН СССР. С 1938 г. в Ин-те востоковедения АН СССР; в 1939–1941, 1944–1951 гг. одновременно преподавала в ЛГУ.
- ²² 19 ноября – День артиллериста (в настоящее время – День ракетных войск и артиллерии). В этот день в 1942 г. началось советское контрнаступление под Сталинградом, в котором артиллерия сыграла одну из ведущих ролей в деле разгрома группировки противника.
- ²³ Нееды Зденек (1878–1962) – чехословацкий ученый и общественный деятель, музыковед, историк, литературный критик; член Чешской академии наук и искусств (1907 г.), основатель и президент (с 1952 г.) Чехословацкой АН. Во время немецко-фашистской оккупации Чехословакии в 1939–1945 гг. находился в СССР. Чл.-корр. АН СССР (с 1947 г.).
- ²⁴ Бетлен Иштван (1874–1946) – граф, венгерский политический деятель, в апреле 1921 – августе 1931 г. премьер-министр Венгрии.
- ²⁵ Возможно, Гуркин Владимир Васильевич (р. 1923) – историк, специалист по военной истории; участник Великой Отечественной войны; в 1950–1978 гг. сотрудник, начальник военно-исторического и военно-научного управлений Генерального штаба, в 1978–1989 гг. начальник историко-архивного отдела Генштаба, член редколлегии «Военно-исторического журнала» (1974–1990). Генерал-майор, консультант Военно-мемориального центра Вооруженных сил РФ.
- ²⁶ Строки из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // *Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 307.*
- ²⁷ *Веселовский С.Б.* Рец. на кн.: Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. // *Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 114–119.*
- ²⁸ *Лебедев В., Юшков С.* Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч. 1 // Там же. С. 126–131.
- ²⁹ Имеется в виду санаторий в бывшей усадьбе Узкое, где отдыхали многие крупные ученые и деятели культуры СССР.
- ³⁰ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – д-р ист. наук, чл.-корр. АН СССР, академик АПН РСФСР (1945 г.), специалист по истории России XV–XVII вв., лауреат Сталинской премии (1942 г.).
- ³¹ Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – д-р ист. наук, партийный и общественный деятель, специалист по советской истории, истории пролетариата. С 1939 г. зам. директора Ин-та истории АН СССР. Академик АН СССР (1953 г.). В 1953–1957 гг. главный редактор журнала «Вопросы истории». Возглавляла Национальный комитет историков СССР (1955–1957 гг.), была председателем Ассоциации содействия ООН в СССР; чл.-корр. Германской и Румынской АН, почетный член Венгерской АН. На XIX и XX съездах КПСС избиралась членом ЦК.
- ³² Глинка Андрей (1864–1938) – словацкий католический священник и политик клерикально-националистического толка. Возглавлял «Глинка словацкую народную партию».
- ³³ Хорти Миклош (1868–1957) – правитель (регент) Венгерского королевства в 1920–1944 гг.
- ³⁴ Масарик Томаш (1850–1937) – чешский философ и социолог, общественный и государственный деятель, первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935 гг.).
- ³⁵ Бенеш Эдвард (1884–1948) – чешский государственный и политический деятель, второй президент Чехословакии (1935–1948 гг.).
- ³⁶ Пясковский Анатолий Владимирович (1896–1975) – историк, сотрудник Ин-та истории АН СССР, собиратель рабочего фольклора.
- ³⁷ Имеется в виду юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 220-летию академии (Москва, 16–30 июня 1945 г.).

³⁸ Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967) – советский военачальник и государственный деятель, полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза (1944 г.)

³⁹ Конев Иван Степанович (1897–1973) – советский военачальник, полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза (1944 г.)

Между молотом и наковальней. Союз советских писателей: Док. и коммент. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г. / Рук. кол. Т.М. Горяева; сост.: З.К. Водопьянова (отв. сост.), Т.В. Домрачева, Л.М. Бабаева. М.: РОССПЭН, 2011. – 1023 с.: ил. – 1000 экз.

Эту книгу читать не трудно, а тяжело. Тем более нелегко рецензировать, ведь она – только первый островок из заявленного серийного документального архипелага истории Союза советских писателей (ССП) СССР, пока охватившего подготовку его создания и деятельность в 1925 – июне 1941 г.

Не трудно читать эту книгу потому, что буквально с первых страниц документальной части она захватывает повседневностью жизни, поступков людей известных и малоизвестных, но в любом случае – всех тех, кого советский человек привык считать конструкторами и властителями душ. Однако рецензируемая документальная публикация представляет нам этих людей не через их публичное творчество, а через документы, которые они оставили после себя. Повседневная общественно-политическая деятельность советских писателей, поэтов, драматургов, критиков как нечто промежуточное между результатами их творчества и личной жизнью предстает перед нами с исчерпывающей полнотой и выразительностью. И эта жизнь узнается и поглощается читателем с невообразимым интересом и памятьливостью. Каждый помещенный в сборник документ – выразительное свидетельство эпохи, документальная миниатюра.

Заинтересованному, а тем более подготовленному читателю оторваться от чтения этих документальных миниатюр просто невозможно. Здесь с лихвой присутствуют невыдуманные страсти,

мысли, поступки людей в реальных жизненных обстоятельствах. Но удовольствие от удовлетворения познавательного интереса и проникновения в судьбы и мысли тогдашней советской творческой интеллигенции очень скоро сменяется тревогой, которая так или иначе проецируется в совсем иных формах, характерах на наше время.

ССП СССР был важнейшей идеологической структурой идеологического государства, если угодно, департаментом литературы, напрямую подчиненным ЦК ВКП(б). Общая политика администрирования и огосударствления всего и вся прослеживается и в деятельности Союза, формально выступавшего общественной организацией со сложной структурой и коллегиальным управлением. Автор рецензии не является специалистом по истории литературных течений в СССР, оставляя оценку сборника с этой точки зрения литературоведам. Но остановиться на двух вопросах – мыслях и поступках людей, так или иначе связанных с ССП СССР, вовлеченных в сферу его деятельности в годы укрепления сталинизма, и оценить археографический уровень документальной публикации – кажется ему под силу.

Итак, люди. Читая документы сборника с позиций сегодняшнего дня, невольно задаешь себе главный вопрос: неужели обо всем этом, т.е. партийности в литературе, социалистическом реализме, «авербаховщине», постановке дела «критики критики» и проч., даже тогда можно было серьезно говорить, рассуждать, подводить под некую политическую позицию, изобретать особый язык, в котором площадная брань мирно уживалась с цитатами из произведений Гегеля, Маркса, десятков других мыслителей всех времен и народов? Оказывается, можно. Идея классового подхода в оценках прошлого и

современности словно обручем сковала головы и мысли огромного числа деятелей советской литературы и словно ржавчина проникла в их души. «Подлец лучше, чем классовый враг», – приблизительно так говорит не в пылу полемики, а в установочной речи ответственный секретарь ЦСП СССР В.П. Ставский на заседании бюро поэтической секции 4 мая 1937 г. (С. 630). Этот демон с пером или, по выражению А.К. Гладкова, «главный обер-палач», был главным проводником политики партии в писательской среде того времени. Но не будь его, обязательно нашлись бы другие, ничем не лучше Ставского.

Взгляд на мир через классовые очки, да еще на фоне политических процессов 1930-х гг., обуславливал поиск в литературной среде «контрреволюции», «врагов народа» и «врагов партии». Закрытые и открытые партийные собрания, заседания секций и пленумы региональных и общесоюзной писательских организаций, писательские съезды, погромные статьи в центральной прессе, аресты представителей творческой интеллигенции создавали гнетущую атмосферу страха, желания покаяться, обвинить других. Этот клубок страстей, политических заявлений, копаний в биографиях и творчестве коллег по литературному цеху производит тяжелейшее впечатление своей ирреальностью, абсурдностью, иначе говоря, деформацией смысла бытия и творчества, замененного «служебной ролью» литератора в новой жизни. Впрочем, когда понимаешь, что судьбы многих персонажей книги завершатся печально, чувства жалости и презрения невольно сменяются состраданием, осознанием жестокости времени. Оно не позволяло людям, искренне или лукаво говорившим о «партийности», «классовости», приверженности политике партии и социализму, просто сводившим друг с другом счеты, быть самими собой. И

делалось все это ради того, чтобы спасти себя от молота создававшейся системы идеологического государства и не попасть на наковальню репрессий. Или наоборот, что ровно ничего не меняет. Такое вот оправдание эпохой, которое каждый волен принять или отвергнуть.

Знаково любопытны, а порой неожиданны поступки и поведение литераторов, с именами которых заслуженно связаны лучшие достижения советской литературы. В сборнике перед нами предстают уставший от литературных дряг А.М. Горький, молящий о помощи О.Э. Мандельштам, мятущийся А.А. Фадеев, «неискренне кающийся» Б.А. Пильняк, пытающиеся избежать дел Союза или хотя бы чуть-чуть отстраниться от них А.А. Ахматова, М.А. Булгаков, А.П. Гайдар, Е.А. Долматовский, Л.А. Кассиль, С.Я. Маршак, Б.Л. Пастернак, К.Г. Паустовский, К.И. Чуковский и др.

Из работ литераторов, достаточно к тому времени известных, чьи мысли и поступки в эпоху предвоенного сталинизма отражены в документах сборника, автора рецензии больше всего поразили дневниковые записи писателя, драматурга и театроведа А.К. Гладкова (1912–1976 гг.) и поэтессы О.Ф. Берггольц (1910–1975). Оба документа объединяет абсолютная искренность восприятия происходящего, а разделяет – непреодолимая стена отношения к нему, его понимания. Умный и наблюдательный Гладков в происходящем видит большую беду не только для писателей, но и для страны. Внешне бесстрастная фиксация им фактов литературной борьбы, а фактически политических кампаний, прорывается негодованием и точными оценками, которым и сегодня может позавидовать исследователь. Например, 20 апреля 1937 г. он записал: «В № 2-м “Молодой гвардии” стихи Владимира Луговского о последнем процессе. Там есть такие строки: “Душно стало... Дрогнули коленки.

/ Ничего не видно впереди? / К стенке подлецов! К последней стенке! / Пусть слова замрут у них в груди"... Чтобы после ни писал Луговской, ничего не смоят подлости этого стихотворения, невиданного в традициях русской поэзии» (С. 652). Гладкову понятен глубинный смысл происходящего, он раздражается лишь тем, что «закулисная сторона темна и неясна, а видимость часто отвратительная» (С. 656). Для себя выход из обстоятельств времени он видит в осторожной самоустраненности от происходящего в литературном мире, в желании быть ее наблюдателем-летописцем, а не активным участником.

Совсем иная О.Ф. Берггольц. Долгое время оставшаяся «беспартийным коммунистом», она буквальна в восприятии своего времени и не сомневается в правильности происходящего. В дневниковой записи за 24 августа 1936 г., комментируя процесс по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра», О.Ф. Берггольц фиксирует свои чувства: «Нельзя собственно назвать то, что испытываю, негодованием, в данном случае это ничего не выражающее слово. Поднимается какая-то холодная и почти не эмоциональная ярость, которая физически душит... Надо выработать в себе холодность и жестокость к людям наряду с доверием» (С. 535, подчеркнуто самой Берггольц). Другая запись комментирует судьбы земляков – коллег Ольги Федоровны: «Арест Майзеля и Старчакова. Самые смешанные чувства. Т.е. одно определенно: изымать, так до конца! А М[айзель] – плотва или сверхстесненная сволочь? Вспоминая его в Коктебеле – с его деликатной фигурой, изнемогающей от жары, с отношениями к Е.М., столь нежными и содержательными, с его смехом от моих острот – трудно представить его как контрреволюционера. Но глубокую брезгливость возбудил он во мне своей “саморазоблачительной”

статейкой, деликатной и трусливой, и с этой стороны нет никакой жалости. Жаль (если можно так выразиться) за очки, за Е.М., за его внешний облик...» (С. 539). В отличие от Гладкова Берггольц активна едва ли не до пассионарности, стремясь где возможно сказать слова восхищения и осуждения.

Сборник в очередной раз показывает, что и как может сделать с творческим человеком тоталитарное идеологизированное государство. Оно деформирует его личность ложными идеалами и создаваемыми вопреки его желаниям обстоятельствами, прививает ему чувство страха, воспитывает цинизм, учит обману, пустому словоплетству, как, например, «авербаховщина – это вполне определявшаяся система троцкизма в литературе» (С. 661). В конечном счете, оно заставляет творческого человека отказаться от собственной личности вполне искренне, как Берггольц, или неискренне, как большинство литераторов того времени, либо закрыться в раковину сугубо личных переживаний двойной жизни, как Гладков.

Рецензируемый сборник представляет собой тематическую документальную публикацию с полифоничным видовым составом документов (всего их 282, но фактически меньше, поскольку некоторые опубликованы частями в разных разделах книги). Важнейшей положительной особенностью издания является в целом удачное органичное сочетание документов официальных (ЦК ВКП(б), НКВД РСФСР, ОГПУ, ССП СССР, Первого Всесоюзного съезда советских писателей и др.) и личного происхождения (письма, дневники, воспоминания, записные книжки, статьи и др.) литературных деятелей середины 1920-х – июня 1941 г. Оба класса документов в публикации дополняют друг друга, представляют не только публичную деятельность ССП СССР, но и его закулисы. Их выявление и

особенно отбор для издания представляли несомненные трудности и могут вызвать критику. Но ведь критерии фильтрации документов для тематической документальной публикации – одна из сложнейших археографических проблем. В данном случае, учитывая заявленную тему документальной публикации, было принципиально важно выбрать ее опорные документы, каковыми вполне обоснованно стали официальные материалы ССП СССР.

Сборник резко выделяется из числа изданий Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) последних лет подробным конвоированием, т.е. комментированием, содержания публикуемых документов. Здесь не только поясняются известные фигуры и события, но и предлагаются по существу изящные и вполне самостоятельные исследования по «неопознанным пробелам» для современного массового читателя и даже специалиста. Малоизвестные сегодня имена и судьбы советских литераторов, их произведения вновь возвращаются к нам. Это нельзя не приветствовать, хотя понятно, что подобная работа требует дополнительных и часто не замечаемых читателем усилий. Они, однако, абсолютно оправданы:

академическая документальная публикация есть не что иное, как единство трех систем – документальной, конвойной и сигнальной. Это такой же симбиоз, как спектакль, где текст, свет и музыка находятся в неразрывном единстве.

В уже появившихся откликах на рецензируемую документальную публикацию¹ отмечены не только ее достоинства, но и небрежности, неточности, ошибки комментирования, которые должны стать уроком для составителей при подготовке следующих томов. Вместе с тем нельзя согласиться с предъявленным составителям требованием сделать комментарии

энциклопедическими. Следуя принятому в археографии принципу необходимости и достаточности, относящемуся не только к отбору документов, но и к их комментированию, комментарии не должны быть похожи на энциклопедические статьи, тем более на миниатюрное исследование или историографический экскурс. «Флюс знания» здесь совершенно ни к чему. Задача комментариев – только и исключительно сделать понятным читателю публикуемый документ. Нам приходилось уже писать об этом принципиальном вопросе археографии².

В передаче текста рецензируемая документальная публикация использует пока редкую, но перспективную практику применения компьютерных технологий, позволяющих во многих случаях отказаться от подстрочных текстологических пояснений, подчас сложных не только для публикатора при их передаче, но и для восприятия текста читателем. Компьютерный набор сборника позволил в основных текстах документов удобно и наглядно представить все нарушения их неприкосновенности: зачеркивания, подчеркивания и др.

Вместе с тем, используя наработки современной практической археографии, составители сборника, к сожалению, прошли мимо еще одного оправданного новшества, когда глухой именной указатель объединяется с именным комментарием. Поэтому пользователю данного издания приходится сначала обращаться к именному указателю и затем уже искать сведения о лице, приведенные в комментарии при его первом упоминании в документе, которое из-за двух больших предисловий не всегда совпадает с первым упоминанием человека в книге.

Таким образом, перед нами в высшей степени удачный результат начала нового серийного издания РГАЛИ, а для читателей – ценнейший документальный

сборник по истории советской литературы в ее прежде всего организационной составляющей и в определенной степени личностном измерении. Несомненно, что это одновременно археографический успех

¹ *Кацис Л.* Наковальной по молоту // НЛО. 2011. № 3 (109). С. 362–371.

и коллектива составителей, и архива в целом. Бог им в помощь в работе по продолжению новой документальной серии!

² *Козлов В.П.* Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008. С. 54.

В.П. КОЗЛОВ

Сохрани мои письма... Сб. писем евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И.В. Бродская; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2010. – 328 с. – 1500 экз.

Первое десятилетие XXI в. отмечено всплеском публикаций писем, воспоминаний, дневников и других источников личного происхождения, рассказывающих о событиях Великой Отечественной войны¹, а также обсуждением связанных с этим источниковедческих и археографических проблем², что объясняется не только актуализацией военной темы в памяти российского общества, но и возникновением новых тенденций в ее изучении, обусловленных общим «антропологическим поворотом» в современном гуманитарном знании. В ряду данных изданий достойное место заняли сборники писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны под общим названием «Сохрани мои письма...», подготовленные по материалам архива Научно-просветительского центра (далее – НПЦ) «Холокост». В предисловии к первому выпуску один из его составителей, основатель и сопредседатель НПЦ «Холокост» И.А. Альтман подчеркнул, что письма евреев включены в десятки сборников, но «отдельного издания – в отличие от представителей многих других народов или регионов страны – они до сих пор удостоены не были»³.

Важно отметить, что сбор писем и других документов личного происхождения евреев военного периода составляет одну из главных целей Архива НПЦ «Холокост», а рецензируемый сборник – весомый результат работы по их

публикации. Уже выход в свет первого выпуска, его широкое распространение и популяризация создали благоприятные условия для дальнейшего пополнения архива: с 2007 по 2010 г. туда поступило как из России, так и из других бывших республик СССР и дальнего зарубежья свыше 700 новых документов. При этом только часть из них служила продолжением ранее переданной переписки, большинство писем и дневников принадлежало новым авторам (С. 4). Второй выпуск содержит 190 писем и семь дневников почти 90 авторов из России, Германии и Израиля. Он позволяет расширить представление о составе фондов Архива НПЦ «Холокост» и их информационных возможностях, приоритетных направлениях собирательской и научно-исследовательской деятельности.

Подавляющее большинство источников хранится непосредственно в Архиве НПЦ «Холокост», часть извлечена из фондов Музея еврейского наследия и Холокоста в Мемориальной синагоге Российского еврейского конгресса на Поклонной горе, краеведческих музеев и музеев еврейских общин Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода и Калужской области, а также частных коллекций. Основная масса материалов публикуется впервые, и только в исключительных случаях воспроизводятся малоизвестные российским читателям зарубежные публикации.

Представленные в сборнике письма и дневники охватывают различные события истории Великой Отечественной войны, начиная с ее самого первого дня и до момента окончания, а порой, для достижения полноты картины, выходят за эти хронологические рамки. При этом если в первом выпуске опубликованы в основном документы рядовых участников и очевидцев событий военных лет, то во втором – более известных личностей:

поэтов и писателей Л.А. Кассиля, Д.С. Самойлова, Б.А. Слуцкого, кинооператора Р.Л. Кармена, руководителя джаз-оркестра Всесоюзного радиокomiteта А.Н. Цфасмана, разведчика Л.Треппера и др.

Самую значительную часть сборника составляют письма, пришедшие с разных участков фронта, написанные в полевых условиях, на территории СССР и за его пределами. Их авторам от 17 до 55 лет, они представляют все рода войск и военные специальности, различные социальные группы и слои советского общества. В основном письма (как и дневники) принадлежат мужчинам, женских гораздо меньше. Особую категорию составляют сообщения однополчан о гибели евреев на фронте или оккупированной территории. Писем из тыла на фронт в сборнике значительно меньше, поскольку военнoслужащие не всегда могли их сохранить.

Значительное место отведено и переписке фронтовиков со своими детьми разных возрастов. Такого рода источники содержат ценную информацию об отцовстве военного времени, типичных приемах воспитания и формах помощи родным, которую стремились оказывать фронтовики. Особую ценность представляют комплексы писем, принадлежащие членам одной семьи. Семейная переписка показывает, с одной стороны, особенности фронтовой повседневности, с другой – стратегии преодоления трудностей жизни в тылу. Она же фиксирует специфику интимных переживаний в советском социуме. Переписка друзей, коллег, соседей позволяет осмыслить практику общения, взаимопомощи, досуга, бытовавшую во время войны. Немало сведений содержат письма и о негативных проявлениях жизни советских граждан военного времени: спекуляции, мародерстве, пьянстве.

Некоторые письма отражают рефлексии по поводу положения своего народа и

особенности налаживания взаимоотношений с представителями других национальностей. Переживание собственного «еврейства» предстает порой в самых неожиданных ракурсах. Так, рижский скульптор Эльмар Ривош, потерявший в гетто свою семью и более двух лет вынужденный провести в укрытии, в письмах своей невесте горько упрекает ее: «...вы любите меня за то, что я еврей (без моего в этом участия и без заслуг)... Нельзя так обобщать – это та же расовая теория. Вы должны освободиться от этого психоза. Мы все люди, и, может быть, я заслуживаю презрения, но во всяком случае не любви за то, что я родился евреем...» (С. 226). Впрочем, содержание и первого, и второго сборников, как и архивных фондов НПЦ «Холокост» в целом, не ограничивается изначально заданными национальными рамками, поскольку включает и переписку евреев с представителями других народов. Нашли свое отражение в письмах и различные образы «других» – оккупантов, жителей освобожденных европейских стран и самой Германии.

Несколько опубликованных документов уникальны. Среди них, например, прощальные надписи на стенах овощехранилища в украинском городе Золотоноша (С. 82–83). К редким историческим источникам относятся и дневники военного времени, особенно принадлежавшие «среднестатистическим» советским гражданам. Содержательная их ценность многообразна: в них отражается широкий спектр настроений и жизненных ситуаций комбатантов, динамика событий и личных переживаний, передаются тончайшие нюансы саморефлексии и напряженных раздумий над этическими дилеммами, которые, во многом, и составляли смысл ведения дневника для человека военного времени. Среди наиболее интересных источников данной группы – дневниковые записи комвзвода

В.Г. Кагарлицкого, описывающие участие в оборонительных работах, службу на фронте и пребывание в госпитале (С. 40–50). Поразительной откровенностью отличается дневник врача А.С. Шевелева, содержащий не только оригинальные зарисовки Венгрии и Румынии, но и примеры неприглядного поведения советских военнослужащих в конце войны (С. 262–269).

Иногда в письма и дневники включены тексты произведений других жанров: очерки, литературные наброски, стихи. Все это позволяет считать рецензируемое издание достаточно важным источником для изучения повседневности советских граждан периода Великой Отечественной войны, их чувств и настроений, духовного облика и частной жизни. Очевидно, что значительное место, отводимое в письмах вопросам быта, человеческим эмоциям, неформальным коммуникациям, мыслям и чувствам авторов и их респондентов, является залогом широкого использования опубликованных документов исследователями, разрабатывающими рассматриваемые сюжеты на материалах военного времени⁴.

Необходимо отметить значительную работу, проделанную составителями. В первую очередь, она выразилась в выборе интересной, информативной и удобной для использования формы представления материала. В название каждого блока документов вынесена короткая цитата, как правило, достаточно точно отражающая основную мысль и своеобразие представленного фрагмента переписки либо дневника. Далее приведены биографические данные об авторе, его

адресатах (применительно к письмам), сведения о лицах, передавших документы или их копии в Архив НПЦ «Холокост», информация о предыдущем издании либо анонс места и времени его публикации в полном виде. Многие справки об авторах сопровождаются фотоснимками.

В научно-справочный аппарат, кроме того, входят алфавитные списки авторов писем и дневников, а также лиц, предоставивших материалы для публикации, географические указатели, облегчающие поиск необходимой информации. Отметим и высокое качество полиграфии, особенно цветных и черно-белых иллюстраций, среди которых репродукция фронтовых фотографий Д.А. Минскера, М.А. Трахмана, Я.Н. Халипа и др., открыток, писем, рисунков участников войны, справок, удостоверений и других документов.

К сожалению, составители не указали поисковые данные (архивные фонды, коллекции, частные собрания и иные места хранения) опубликованных документов. Тем не менее сборник представляет собой важный вклад в расширение источниковой базы и ее возможностей в изучении военной темы и, безусловно, будет в полной мере востребован как специалистами, так и массовым читателем, интересующимся проблемами истории Великой Отечественной войны. Выражаем надежду на то, что серия публикаций писем и других источников личного происхождения продолжится, способствуя дальнейшему осмыслению обстоятельств жизни и смерти советского человека в условиях военного времени.

¹ Нам выпало на долю... Великая Отечественная война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Тверь, 2005; Письма Великой Отечественной. Тамбов, 2005; Солдатские письма. Саранск, 2005; «Мы знаем, что такое война...» Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010; и др.

² Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 131–135; Козлов В.П. Фронтовые письма 1941–1945 гг. как молитвы. К 65-летию Победы // Вестн. архивиста. 2010. № 2. С. 24–47; Иванов В.И. Современные проблемы публикации писем периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. //

Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 50–57; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г.* Письма военного времени в Архивном фонде Российской Федерации // Там же. С. 87–96; и др.

³ Сохрани мои письма... Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. М., 2007. С. 4.

⁴ См.: *Терушкин Л.А.* Письма и дневники периода Великой Отечественной войны в Архиве НПЦ «Холокост» // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы междунар. науч. конф. (28–29

апреля 2010 г.). Ростов н/Д; Таганрог, 2010. С. 163–168; *Он же.* Морально-психологическая подготовленность бойцов Красной армии: предвоенные планы и фронтовая реальность (по дневникам и письмам из Архива НПЦ «Холокост») // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы междунар. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов н/Д). Ростов н/Д, 2011. С. 261–265; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011; и др.

**Е.Ф. КРИНКО,
И.Г. ТАЖИДИНОВА**

Образован Общественный совет при Федеральном архивном агентстве

23 декабря в Москве состоялось его организационное заседание. В состав ОС вошли представители общественных объединений (Общественной палаты Российской Федерации, Российского общества историков-архивистов), научных учреждений и учебных заведений (РАН, РГГУ, РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации), архивных бизнес-структур, Церковно-научного центра «Православная энциклопедия», а также историко-архивоведческих журналов. Члены Общественного совета избрали председателя (им стал Е.И. Пивовар, председатель правления Центрального совета РОИА, ректор РГГУ) и секретаря (Л.А. Роговская, ответственный секретарь правления ЦС РОИА).

По информации открывшего оргзаседание заместителя руководителя Росархива В.П. Тарасова, такие советы уже существуют при ряде министерств и ведомств; ОП РФ ведет мониторинг их деятельности и ежеквартально публикует результаты. При Росархиве Общественного совета до сих пор не было, поскольку эту функцию на протяжении двух десятилетий выполняло РОИА в составе 6 тыс. членов, способствуя пропаганде архивов. Однако сегодня необходимость усиления взаимодействия государства и общества требует создания ОС и при Росархиве.

Далее В.П. Тарасов обозначил ряд вопросов, для решения которых Росархив

особенно нуждается в поддержке общества, – повышение престижа профессии архивиста, пропаганда публикационной работы архивных учреждений, общественная экспертиза разрабатываемых в отрасли методик, нормативов. Руководитель Росархива А.Н. Артизов дополнил этот перечень проблем еще одной: необоснованная засекреченность архивных фондов ряда ликвидированных ведомств, не имеющих правопреемников, и подчеркнул потребность создания в обществе атмосферы большего внимания к архивам и их работникам.

Представители архивных бизнес-структур (Д.А. Авдюшин, А.В. Рыков) выразили готовность участвовать в экспертной оценке проектов нормативов, регулирующих архивное дело и делопроизводство.

Единогласно избранный председатель ОС Е.И. Пивовар поддержал предложение формировать в общественном сознании образ современного архивиста, разъяснять его вклад в социальную защиту граждан, больше говорить о работе по исполнению запросов социально-правового характера в средствах массовой информации, в первую очередь в электронных СМИ, а также в Интернете, и попросил членов совета оперативно представить соответствующие предложения.

Т.И. Бондарева

«Внедрение новейших информационных технологий в практику работы архивов»

Так называлась VII межрегиональная архивоведческая конференция, прошедшая 19–20 октября 2011 г. в Нижнем Новгороде. Она была посвящена памяти Алины Николаевны Голубиновой (1939–2003), много лет трудившейся в Государственном (ныне – Центральном) архиве Нижегородской области заместителем директора и внесшей весомый вклад в его деятельность, в том числе в разработку основ организации и методики внедрения новых информационных технологий, о чем рассказала электронная выставка. В конференции участвовали представители архивных служб Екатеринбурга, Ижевска, Москвы, Перми, Санкт-Петербурга, Чебоксар, других городов Российской Федерации, опыт которых в части инновационных технологий представляет несомненный интерес для дальнейшего развития архивного дела и интеграции архивов в структуры информационного общества.

Пленарное заседание собрало 105 участников, в том числе специалистов архивных учреждений, представителей вузов, музеев, органов ЗАГС и налоговой службы, а также негосударственных компаний – разработчиков программного обеспечения (из девяти регионов России). Их приветствовал заместитель губернатора, заместитель председателя Правительства Нижегородской области С.А. Потапов, по словам которого, «архивисты – люди счастливой профессии, обладающие возможностью, каждый день погружаясь в прошлое, находить что-то интересное для настоящего и делать выводы для будущего». Все выступавшие подчеркивали важность и своевременность конференции в связи со стремительным развитием информационных технологий, телекоммуникационных сетей и систем,

создающих возможность широкого удаленного доступа к документной информации.

О необходимости выработки единых подходов и методов информатизации архивной отрасли говорили руководитель архивной службы Чувашской Республики канд. ист. наук Ф.Н. Козлов и заместитель директора Центра документации общественных организаций Свердловской области канд. ист. наук Е.И. Яркова. По мнению заместителя директора корпорации «Электронный архив» А.В. Комиссарова, применение новейших информационных технологий в архивной сфере позволит расширить доступ пользователей к архивным документам. Руководитель Главного управления ЗАГС Нижегородской области О.С. Краснова отметила особую актуальность внедрения информационных технологий и большие объемы предстоящих работ: в целом информатизация находится на начальной стадии (по системе ЗАГС электронную форму имеют 22 % документов), но при этом активизировалось оказание электронных услуг населению (заявления принимаются в электронной форме).

Руководитель Комитета по делам архивов Нижегородской области, председатель НМС архивных учреждений Приволжского федерального округа Б.М. Пудалов в докладе «Региональные архивы в информационном обществе» отметил изменение их статуса и рост востребованности в обществе, подчеркнув, однако, что, несмотря на широкие возможности современного цифрового оборудования для копирования архивных документов, специалисты по-прежнему рекомендуют проверенный десятилетиями метод микрофильмирования. Одним из ответов архивов на вызовы времени Б.М. Пудалов назвал оказание гражданам услуг

в электронной форме, в том числе исполнение запросов. Об информационных ресурсах Центрального архива Нижегородской области, актуальных направлениях работы с применением компьютерных технологий рассказала его директор О.С. Аржанова, отметившая как их преимущества, так и проблемы, связанные с недолговечностью хранения электронных образов архивных документов. Главный специалист-эксперт Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики Р.Г. Шихарев призвал безотлагательно решать задачу создания системы хранения цифровых документов и предоставления информации потребителям.

Заместитель генерального директора ЗАО «“Альт-Софт” – Информационные и коммуникационные технологии» Т.Е. Мерсадыкова осветила опыт успешного применения новых информационных технологий в 14 государственных

федеральных и региональных архивах и внедрения программно-информационного комплекса «КАИСА-Архив».

В рамках конференции работали три секции: «Автоматизированные архивные технологии: опыт и проблемы внедрения», «Электронные документы и электронные архивы: проблемы создания и сохранения», «История внедрения автоматизированных архивных технологий в практику работы региональных архивов» и «круглый стол» «Оцифровка архивных документов: пути, методы и перспективы». Для иногородних участников и других приглашенных проведены экскурсии по музею истории завода «Красное Сормово» и музею истории архивного дела в Нижегородской области.

По итогам конференции принято обращение. Подробная информация размещена на сайте Государственной архивной службы Нижегородской области: www.archiv.nnov.ru

Е.В. Маслова

«75 лет Волгоградской (Сталинградской) области: история и современность»

Под таким названием в Волгограде 29–30 ноября 2011 г. прошла организованная комитетом по управлению архивами администрации Волгоградской области международная конференция по документам Архивного фонда Волгоградской области: в пятый раз архивисты встречались с историками, студентами, а также с теми, кому небезынтересно прошлое и настоящее региона. Поскольку в оргкомитет конференции поступило более двухсот заявок, ее провели на нескольких площадках.

Пленарное заседание состоялось в Волгоградском музыкальном театре. В фойе семьсот гостей встречал музыкальный квартет. Здесь же экспонировались выставки документов и книг, подготовленные Госархивом Волгоградской области (ГАВО) и Волгоградской областной универсальной научной библиотекой им. М.Горького.

Конференцию открыла председатель комитета по управлению архивами администрации Волгоградской области канд. юрид. наук Л.И. Будченко. Собранных приветствовали заместитель главы администрации области – управляющий делами администрации О.Н. Демченко, депутат Волгоградской областной думы Т.И. Цыбизова, митрополит Волгоградский и Камышинский Герман.

На пленарном заседании прозвучало 12 докладов по широкому спектру тем, в том числе по истории экономики, архитектуры, культурного строительства, воспитания молодежи, подготовленных на разнообразной источниковой базе. Среди их авторов – почетный гражданин города-героя Волгограда, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, д-р экон. наук М.М. Загорулько («Изучение

и обобщение истории Волгоградской (Сталинградской) области»), заместитель главы администрации Волгоградской области по здравоохранению и социальному развитию Н.А. Черняева («Женщины Сталинграда – подвиг бессмертен»), Л.И. Будченко («Развитие административно-территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области по документам Архивного фонда Волгоградской области»), председатель Общественной палаты Волгоградской области О.В. Иншаков («Взаимодействие Общественной палаты и органов государственной власти Волгоградской области на современном этапе») и др.

На следующий день прошли заседания 12 секций: «Развитие архивного дела в Волгоградской области» (ГАВО), «Финансово-экономическое развитие Волгоградской области» (комитет бюджетно-финансовой политики и казначейства администрации Волгоградской области), «История развития промышленности, градостроительства и архитектуры в Волгоградской области» (Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет), «Природные ресурсы, охрана окружающей среды и развитие сельского хозяйства в Волгоградской области» (Волгоградская госсельскохозяйственная академия), «Развитие здравоохранения в Волгоградской области» (Волгоградский государственный медицинский университет), «Развитие науки и образования в Волгоградской области» (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), «Культурно-информационное пространство региона» (Волгоградский госинститут искусств и культуры), «Военная история Волгоградской области» (музей-панорама «Сталинградская битва»),

«Казачество Волгоградской области: история и традиции» (Волгоградский филиал РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации), «Социальная политика в деле единения власти, общества и личности» (Волгоградский госуниверситет), «Развитие женского движения в Волгоградской области» (ЦДНИ Волгоградской области), «Потребительская кооперация

Волгоградской области: история и традиции» (Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации).

Итоги конференции были подведены 2 декабря в читальном зале ГАВО, где руководители секций встретились с членами научного совета комитета по управлению архивами администрации Волгоградской области.

Л.А. Растегина

Рисунки и автографы представителей русского авангарда возвращаются в Россию

14 декабря 2011 г. в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) состоялась пресс-конференция, посвященная возвращению из Нидерландов в Россию уникальной коллекции русского авангарда Николая Ивановича Харджиева.

Малевич, Крученых, Хлебников, Бурлюк, Гуро, Матюшин, Врубель, Лисицкий... Их письма, статьи, рисунки, фотографии прибыли в нашу страну по договору между РГАЛИ и Фондом «Харджиев–Чага» в Амстердаме. Долгое время коллекция Н.И. Харджиева находилась в Москве в РГАЛИ и Амстердаме в Стеделик музее, причем «голландская часть» была незаконно вывезена в Нидерланды в ноябре 1993 г. Главным делом для Н.И. Харджиева было сохранение целостности своей уникальной коллекции, о чем он писал М.Е. Швыдкому, тогда заместителю министра культуры России: «Я считаю, что все принадлежащие мне материалы и книги должны быть переданы на вечное хранение в лучшее московское хранилище – в Государственный архив литературы и искусства». На исполнение воли выдающегося ученого и коллекционера ушло почти 17 лет.

Николай Иванович Харджиев (1903–1996), крупнейший исследователь русского художественно-литературного авангарда, собирал коллекцию всю жизнь, был лично знаком с Казимиром Малевичем, Михаилом Матюшиным, Даниилом Хармсом, Осипом Манделштамом,

Юрием Тыняновым, Виктором Шкловским, Анной Ахматовой... Именно Харджиев организовал в начале 1960-х гг. в Государственном музее В.В. Маяковского цикл легендарных выставок, впервые познакомивших публику с отечественным авангардом, представив картины К.Малевича, В.Татлина и П.Филонова, М.Матюшина и Е.Гуро, В.Чекрыгина и Б.Эндера, М.Ларионова и Н.Гончаровой, Г.Клуциса и В.Хлебникова.

Общий объем передаваемой в РГАЛИ «голландской части» архива – 1427 ед. хр. с материалами А.Крученых, Э.Лисицкого, К.Малевича, Г.Клуциса, И.Клюна, М.Ларионова, О.Манделштама, В.Хлебникова; фотографиями Н.И. Харджиева разных лет, на которых он снят с А.Крученых, К.Малевичем, В.Трениным, Т.Грицем. Это примерно половина документальной части коллекции, теперь объединенной в личном фонде Н.И. Харджиева в РГАЛИ (Ф. 3145).

В пресс-конференции приняли участие заместитель директора Первого европейского департамента МИД РФ Б.А. Желко, чрезвычайный и полномочный посол Королевства Нидерландов в Российской Федерации Рон Келлер, руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов, секретарь Фонда «Харджиев–Чага» Теодор Бремер, ученые-исследователи А.Е. Парнис, А.Д. Сарабьянов и др. В читальном зале РГАЛИ была развернута выставка документов из фонда Н.И. Харджиева.

Л.А. Иванова

В Госархиве Красноярского края

12 октября 2011 г. здесь прошло заседание «круглого стола» на тему «ГАКК и вузы г. Красноярска: традиции, проблемы и перспективы взаимодействия». В нем участвовали специалисты Архивного агентства Красноярского края, ученые и аспиранты красноярских вузов: Сибирского федерального университета, Красноярского госпедуниверситета им. В.П. Астафьева, Красноярского государственного аграрного университета, Красноярской госакадемии музыки и театра.

Они положительно оценили накопленный опыт сотрудничества архива с вузами по использованию документального наследия, отметив не только актуальность традиционных форм работы (проведение совместных научно-практических конференций, издание сборников архивных документов, прохождение практики студентами в крайархиве), но и необходимость их обновления, что отражено в принятых рекомендациях. Наиболее перспективными признаны размещение на сайте архива тематики лекций, обзоров фондов, перечней документов; совместные мультимедийные издания историко-культурного содержания, а также реализация научных грантов и проектов по оцифровке редких книг, особо ценных документов.

13 октября в главном корпусе Красноярского госпедуниверситета им. В.П. Астафьева состоялась научная конференция «Православие, Россия: размышление о прошлом, взгляд в будущее», посвященная 150-летию Красноярской (Енисейской) епархии. Ее инициаторы: Красноярская епархия при поддержке управления общественных связей губернатора Красноярского края, Министерство культуры Красноярского

края, Архивное агентство Красноярского края, ГАКК.

Собравшиеся ознакомились с выставкой «Страницы истории Енисейской епархии (по документам Госархива Красноярского края)», где экспонировались подлинники, в том числе об образовании епархии 25 мая (ст. ст.) 1861 г., назначении епископа Енисейского и Красноярского (им стал преосвященный Никодим, в миру Н.И. Казанцев), строительстве церкви, миссионерской деятельности православных священников, гонениях на Церковь и репрессиях священнослужителей, открытии церкви и молитвенных домов в годы Великой Отечественной войны, возвращении в 1944 г. Покровской церкви г. Красноярска верующим, не раз обращавшимся к властям с этой просьбой. Примечательно, что прошения подписал возглавлявший в то время Красноярскую епархию архиепископ Лука – В.Ф. Войно-Ясенецкий, выдающийся хирург и богослов. Ряд документов выставки свидетельствовал о том, как Церковь в военный период поддерживала патриотические настроения в обществе, собирала деньги для детей и семей фронтовиков, откликнулась на займ «Восстановление и развитие народного хозяйства СССР».

Гостей и участников конференции приветствовали ректор КГПУ им. В.П. Астафьева Н.И. Дроздов, управляющий Енисейской епархией епископ Енисейский и Норильский Никодим, личный секретарь митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона протоиерей И.Котомцев, директор Архиерейского образовательного центра Красноярской епархии А.В. Бардаков, главный редактор издательства «Вахазар» А.Б. Базилевский (г. Москва).

Специалисты ГАКК приняли активное участие в работе секций «История Сибири

и история православия на Енисее: размышление о прошлом, взгляд в будущее», «Религия и современное информационное пространство России», «Церковь в сотрудничестве с архивистами и музейными специалистами». Ведущий архивист ГАКК канд. ист. наук А.П. Дворецкая представила сообщение «Из истории уничтожения храмов на Красноярской земле», ведущие архивисты О.А. Полханова – «Документы КГКУ «ГАКК» о миссионерской деятельности православной

церкви в Енисейской губернии (конец XIX – начало XX в.)», В.В. Чернышов – «История Енисейской епархии на рубеже XIX–XX вв. в документах Госархива Красноярского края».

14 октября архивисты были приглашены в Красноярский государственный театр оперы и балета на торжественный вечер, посвященный 150-летию Красноярской (Енисейской) епархии и открытию XVI Красноярского краевого фестиваля духовной культуры «Покровские встречи».

Т.И. Мирошникова

«Поэт Сергей Есенин на Востоке»

Под таким названием 26 мая 2011 г. в Ташкенте в Государственном литературном музее С.Есенина состоялась конференция, посвященная 30-летию его открытия и 90-летию приезда поэта в Ташкент. Ее организовали Министерство по делам культуры и спорта Республики Узбекистан, Государственный литературный музей С.Есенина, Национальный университет Узбекистана им. М.Улугбека и Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан.

Инициаторами создания Музея С.Есенина в Ташкенте были книголюбцы, которым в дни празднования 80-летия со дня рождения поэта (осенью 1975 г.) на выставках в университете и в городском Клубе любителей книги и искусства им. Хамзы впервые показали ценные экспонаты и есенинские реликвии. Многочисленные посетители отмечали в Книге отзывов, что все это заслуживает хранения в специальном музее. Одна из записей принадлежала дочери поэта Татьяне Сергеевне Есениной, жившей и работавшей в столице Узбекистана с 1941 г.

Великий русский поэт приехал в Ташкент 14 мая 1921 г. навестить своего друга по многолетней переписке и соратника по поэтическому цеху – Александра Васильевича Абрамова, который с 1905 г. жил в столице Туркестана и публиковал стихи под псевдонимом Ширявец. Хотя поездка была неофициальной, С.Есенин много и успешно читал свои стихи в различных аудиториях. Его кратковременное пребывание в Ташкенте (он покинул город 3 июня 1921 г.) стало, тем не менее, важной вехой творческой биографии. Здесь практически была завершена драматическая поэма «Пугачев», впервые прозвучавшая в авторском исполнении. В

Ташкенте С.Есенин окупился в атмосферу привлекавшего его Востока, что в дальнейшем послужило основой создания знаменитого стихотворного цикла «Персидские мотивы».

После долгих усилий группы энтузиастов 10 июля 1981 г. музей открылся в двухкомнатной квартире жилого дома, а в 1985 г. переехал в более просторное помещение в центре города, в 1988 г. получил статус Государственного литературного музея. В 1990-е гг., когда он закрылся на длительный капитальный ремонт, научная работа не прекращалась. К 100-летию со дня рождения С.А. Есенина по материалам музея был снят получасовой фильм «Я хочу под твоё голубое небо» («Узбектелефильм», реж. Э.Давыдов).

Благодаря поддержке Министерства по делам культуры Республики Узбекистан музей отремонтировали и реконструировали, и он превратился в центр пропаганды искусства с лекционным залом на 60 мест. В 1999 г. в четырех залах открылась новая экспозиция, действующая до сегодняшнего дня (в ней около тысячи экспонатов, а всего в фондах музея около 3 тыс. ед. хр.). Ежегодно здесь бывает от трех до пяти тысяч гостей (посещение бесплатное), в основном школьников и студентов.

В работе конференции участвовали сотрудники музея, Национального университета Узбекистана им. М.Улугбека, Ташкентского госпедуниверситета им. Низами и банковского колледжа, Самаркандского госуниверситета им. А.Навои, Московского гуманитарного пединститута и др. Работу конференции украсила художественная выставка «Личность и произведения поэта С.Есенина». По итогам конференции издан сборник материалов «С.Есенин и XXI век».

А.В. Махкамов

II конференция архивов славянских стран и заседание Международного института архивоведения

В штаб-квартире Форума славянских культур (ФСК) в г. Любляне (Словения) 3 ноября 2011 г. состоялась встреча участников II конференции архивов славянских стран с участием представителей Белоруссии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Польши, России, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Черногории. Россию представляли директор ВНИИ документоведения и архивного дела М.В. Ларин и зав. сектором зарубежной и отечественной информации Отраслевого центра научно-технической информации по архивоведению и документоведению Н.Е. Зверева. Здесь обсуждались предложенные ФСК проекты: «Наследие социализма» и «Архивы в столицах славянских стран». Первый предполагает проведение ряда научных конференций, в том числе по теме «Культура социализма» (13–15 сентября 2012 г. в г. Мариборе, Словения), второй – организацию выставки документов, хранящихся в архивах славянских государств (май 2012 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в г. Париже).

Затем участники встречи переехали в Липицу, где с 4 по 6 ноября прошла II конференция архивов славянских стран, организованная ФСК, Министерством высшего образования, науки и технологий Республики Словения, Архивом Республики Словения, Государственным архивом г. Триеста (Италия), Обществом историков-архивистов Словении при финансовой поддержке Дирекции государственных архивов Министерства культуры Италии. В ней участвовали представители 11 славянских стран, обсудившие две темы: «Актуальные технические проблемы архивов» и «Актуальные проблемы передачи информации в архивах». М.В. Ларин представил доклад Росархива «Об

информатизации использования документов в архивах России».

В первый день работы конференции были заслушаны доклады по информатизации архивов, в том числе оснащению современными компьютерами и программами (затрагивался и вопрос о целесообразности создания национального цифрового архива или архива цифровых документов), обеспечению сохранности документов в электронной форме (Болгария, Россия) и архивных документов во время стихийных бедствий (пожаров, наводнений, землетрясений), оснащению архивных зданий и помещений противопожарным оборудованием и аппаратурой для поддержания микроклимата (по мнению директора ИАС П.Класинца, Словения, установленный нормативами режим легче поддерживать в архивохранилищах, оснащенных раздвижными стеллажами, не препятствующими свободной циркуляции воздуха), созданию страховых фондов архивных документов на микроформах и электронных носителях информации, а также строительству и реконструкции зданий архивов (Белоруссия, Словакия, Украина). В Словакии из-за ограниченного бюджетного финансирования архивы размещаются в основном в зданиях, переоборудованных для хранения архивных документов. По мнению директора Госархива Николаевской области Л.Л. Левченко (Украина), главной проблемой в республике является архивный долгострой. Объемы незавершенного строительства достаточно велики как по центральным (архивный комплекс в Киеве, ул. Соломенская), так и региональным (Госархив г. Севастополя) архивам. Особое внимание уделяется восстановлению документов сгоревшего Госархива в г. Каменец-Подольском.

На второй день обсуждались проблемы передачи информации между архивами. Большинство докладов и выступлений посвящалось вопросам представления архивных документов в Интернете (Белоруссия, Болгария, Польша, Россия, Украина, Черногория). Привлек внимание доклад М.Марош (Польша) о проекте APEnet (European Gateway for Documents and Archives), согласно которому в Интернете выставляются не только архивные документы, но и справочники для их оперативного поиска (всего в Сети выставлено более 2 млн ед. описания). Аналогичная стратегия продвижения архивной информации в Интернете избрана и Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

При подведении итогов конференции определили темы следующего заседания 2012 г.: «Проблемы сохранности оригиналов электронных документов и электронных копий архивных документов на бумажной основе», «Реставрация и консервация архивных документов: национальный опыт архивов».

6–8 ноября 2011 г. в г. Триесте (Италия) прошла 21-я международная конференция IAS, организованная при финансовой поддержке Государственного архива в г. Триесте и Центрально-Европейской инициативы (CEI). В ней участвовали около 80 представителей из Австрии, Белоруссии, Германии, Испании, Италии, Польши, России, Словакии, Словении, Черногории, а также Австралии, Боснии и Герцеговины, Великобритании, Греции, Израиля, Малайзии, Португалии, Румынии, Сербии, Омана, США, Хорватии, Швейцарии, Эстонии.

Заседание открыл генеральный директор итальянских архивов д-р Л.Скала. С приветственным словом выступили директор Словенского исследовательского агентства Ф.Демчар, мэр г. Марибора Ф.Канглер, президент

Ассамблеи IAS А.Литт, президент IAS А.Спарти, а также генеральный секретарь Международного совета архивов (МСА) Д.Лич (Шотландия). Обсуждались две темы: «Европейские архивные проекты (опыт, планы, перспективы)» и «Архивы в современном обществе (роль, развитие и перспективы)».

Конференция проходила в рамках двух сессий (7–8 ноября). На первой было представлено шесть докладов, четыре из которых освещали проекты по оцифровке архивных документов. Архивами Эстонии, например, на эти цели затрачено около 2 млн евро, полученных ими в виде грантов из зарубежных источников (Х.Теннаслим). Й.Ханус (Словакия) представил международные проекты в области обеспечения сохранности документов, в том числе реализуемые в рамках МСА: «Транзитные металлические объекты в бумаге», «Стабилизация бумаги, содержащей железогалловые чернила», «Новое оборудование в исследованиях консервации бумаги», «Оценка процессов массовой деацетилизации» и др. При обсуждении проектов подчеркивалось, что, несмотря на важность оцифровки архивных документов для различных целей (создание фонда пользования, облегчение и ускорение доступа к архивным документам и др.), процесс должен сопровождаться разработкой и представлением в Интернете необходимого справочного аппарата и соответствовать решению конкретных задач архивов.

На второй сессии было заслушано свыше 20 докладов, раскрывавших основные тенденции развития архивов в различных странах и повышение их роли в обществе и государственном управлении, перспективные направления деятельности архивов; совершенствование архивного законодательства; современные вызовы архивам (распространение электронных документов, информатизация архивов и

общества) и требования к профессии архивиста; подготовку архивных кадров.

М.В. Ларин представил доклад-презентацию «Архивы в современной России: проблемы и перспективы», в котором рассматривались существующие политические, социально-экономические и общественные факторы и перспективы развития архивного дела в России, в том числе необходимость создания специализированного центра хранения электронных документов, а также значение целевых программ «Архивы России», «Культура России», «Электронная Россия», изменение роли архивов под влиянием времени.

Особое внимание привлек доклад А.Кожара (Босния и Герцеговина) «Архивные аспекты создания Архива Международного трибунала в Гааге», где обращалось внимание на требующую решения проблему собственности на архивные документы, перемещенные за пределы страны происхождения для проведения судебного процесса. Представленные в Международный трибунал оригиналы архивных документов, созданных на территории стран бывшей Югославии, обратно не возвращаются и поступают в составе судебных дел в архив этой организации, что наносит ущерб составу и содержанию национальных архивных фондов.

Участники состоявшейся по итогам второй сессии дискуссии признали возрастающее значение архивов в современном обществе и появление у них новых задач. Сегодня архивист должен не только выполнять традиционную архивную работу, но и владеть знаниями и навыками в таких областях, как оперативное управление документами, современные информационные технологии, информатизация и защита информации, законодательство, в том числе авторское право.

В рамках конференции прошла архивная ярмарка с презентациями компаний-производителей сканирующего и иного специального архивного оборудования, выступивших спонсорами конференции.

8 ноября на XXVI ассамблее членов ИАС с участием генерального секретаря МСА Д.Лича был заслушан отчет директора института П.Класинца и заместителя директора Г.Тато о деятельности в 2010–2011 гг., рассмотрены вопросы продвижения ежегодника «ATLANTI» в системе международных научных изданий, утверждены требования к публикуемым в нем научным статьям, избран новый президент ИАС А.Спарти (вместо ушедшего в отставку с этой должности, но оставшегося его почетным членом А.Литта), определены темы конференции 2012 г. («Управление документами на новых материальных носителях» и «Строительство и реконструкция новых зданий архивов»).

М.В. Ларин поделился своим опытом с зарубежными архивистами. Генеральному секретарю МСА Д.Личу он рассказал о проведенном в октябре 2011 г. в Москве международном семинаре «Электронные документы в архивах: организация хранения, комплектования и учета», подарил брошюру «Архивы России» (на русском и английском языках). С профессором С.Маккемиш из Университета Монаш в Мельбурне (Австралия) и профессором из Университета Калифорнии А.Дж. Джиллиланд беседовал о подготовке и повышении квалификации архивных специалистов в образовательных учреждениях, расширении контактов в этой сфере. Директор архива Словенского телевидения А.Лавренчич выразил заинтересованность в сотрудничестве с РГАКФД и филиалом РГАНТД в г. Самаре, а директор Исторического архива г. Любляны – с Главархивом города Москвы.

В осенней архивной школе ПАС 7–12
ноября обучалась Н.Е. Зверева,

получившая сертификат об окончании
курсов.

М.В. Ларин,
доктор исторических наук

Архивы представляют

С 17 ноября по 18 декабря 2011 г. в Выставочном зале федеральных государственных архивов в Москве (Б.Пироговская, д. 17) проходила историко-документальная выставка «**М.В. Ломоносов и его эпоха**», организованная Росархивом, РГАДА при участии ГАРФ, РГАКФД, Архива РАН, ЦИАМ, ГИКМЗ «Московский Кремль», ГИМа, Государственного музея А.С. Пушкина, Политехнического музея, Российской академии художеств и ее президента народного художника СССР и Российской Федерации З.К. Церетели, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН и народного художника Российской Федерации М.А. Селиванова. Она была посвящена 300-летию со дня рождения одного из основоположников русской науки М.В. Ломоносова, личность и труды которого неизменно привлекают внимание общественности и специалистов.

Хранящиеся в РГАДА разнообразные источники, в том числе сотни официальных документов, писем, прошений, докладов, отражают различные этапы жизни и творчества нашего великого соотечественника и русского энциклопедиста, дают представление о характере ученого, взаимоотношениях с родными, коллегами, властью, о его плодотворной и многогранной творческой деятельности.

В разделе «Архангельская земля – родина М.В. Ломоносова» демонстрировались уникальные документы о роде Ломоносовых и ревизская сказка 1711 г., где впервые упомянут семилетний Михаил: «В деревне Мишанинской по скаске 1719 г. ... Василий Дорофеев сын Ломоносов – 38 [лет], сын Михайло – 7». Уже с 1721 г. он ходил с отцом на Белое и Баренцево моря, Ледовитый океан на промысел

северного морского зверя, участвовал в торговых делах своей семьи, о чем свидетельствуют самые ранние автографы-расписки четырнадцатилетнего Михаила за отца и неграмотных земляков – купцов и промышленников на Архангельской таможне. Графические материалы и гравюры с видами Архангельска из фондов РГАДА позволяют представить, как выглядела родина Ломоносова.

В январе 1731 г. пришедший с рыбным обозом в Москву юный Михаил поступил в Славяно-греко-латинскую академию, скрыв свое крестьянское происхождение. На карте России XVIII в. можно было увидеть путь юного Ломоносова, а также документы по истории Славяно-греко-латинской академии, планы Заиконоспасского монастыря, где она располагалась, первые учебники XVIII в. из собрания РГАДА. В течение нескольких лет Ломоносов скрывал свое происхождение, назвавшись в 1734 г. на «допросе» при назначении его священником в Оренбургскую экспедицию И.К. Кириллова сыном священника г. Холмогор. Только 4 сентября 1734 г. он показал свои подлинные биографические данные: «Рождением де он, Михайло, Архангелогородской губернии, Двинского уезда, дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василья Дорофеева сын». В дальнейшем М.В. Ломоносов был отправлен в Петербург в Академию наук, а потом продолжил обучение в старинных немецких университетских городах Марбурге и Фрайберге. Интересны документы о командировании за границу студентов М.В. Ломоносова, Г.-У. Райзера, Д.И. Виноградова, в том числе инструкция, выданная будущему ученому. Главными обязанностями Ломоносова было «показывать пристойные нравы и поступки», заботиться о продолжении образования;

помимо химии и всего принадлежащего к горным делам изучать естественную историю, физику, геометрию, тригонометрию, механику, гидравлику и гидротехнику.

Особое место на выставке занимали документы, связанные с академической деятельностью М.В. Ломоносова. В 1745 г. он был назначен профессором химии, а через два года стал членом канцелярии академии, подписывая все направлявшиеся в Сенат бумаги. В экспозиции были представлены тексты присяг, приносившихся Ломоносовым при вступлении в академические должности, его многочисленные автографы, а также реконструированный с использованием подлинных предметов XVIII в. кабинет ученого, центральное место в котором занимает его автограф – доношение о пробе русских солей.

На выставке экспонировались документы, связанные с историей основания Московского университета: составленное Ломоносовым методическое пособие для преподавателей «Способ учения» (М., 1755), первые университетские афиши (они сохранились среди бумаг историка Г.Ф. Миллера), сообщавшие о публичных лекциях известных ученых, в том числе и Ломоносова. Почетное место занимал макет памятника И.И. Шувалову, установленного перед фундаментальной библиотекой МГУ З.К. Церетели.

В разделе «Ученые труды Ломоносова в области точных, естественных и гуманитарных наук» были помещены рукописи и опубликованные работы ученого из фондов РГАДА. Следует отметить документы, относящиеся к его деятельности по развитию горной промышленности, сохранившиеся в делах Сената и Берг-коллегии. Глубже понять монументальность замысла Ломоносова о создании энциклопедии природных богатств России позволили экспонаты Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН – образцы разных руд, солей, глины и др. Здесь же размещались документы об организации работ на бисерной фабрике Ломоносова,

о его деятельности по развитию мозаичного производства и созданию знаменитых мозаичных картин для украшения общественных зданий и церквей. Выставлялись материалы о трудах Ломоносова над памятником Петру I и украшении его мозаикой.

В фонде Г.Ф. Миллера сохранились также автографы и копии сочинений российского энциклопедиста – «Гимн бороде», надписи на иллюминацию у графа П.И. Шувалова в честь рождения цесаревича Павла Петровича, притча «Свинья в лисьей коже» и другие стихотворные произведения, представленные на выставке наряду с редкими и уникальными (в единственном экземпляре) прижизненными изданиями Ломоносова: «Слово похвальное блаженным и вечностойным памяти государю имп. Петру Великому в торжественное празднество рождения... имп. Елисаветы Петровны...» (СПб., 1754), «Эпитафия на смерть Елизаветы Петровны». Из того же фонда и письмо Ломоносова с отзывом о диссертации Миллера «Происхождение имени и народа русского», а также копия возражений Ломоносова на его сочинение с опровержением норманнской теории происхождения Русского государства. Особый интерес представляет впервые экспонировавшаяся полностью коллекция памятных медалей с портретами русских князей и царей из фондов ГИКМЗ «Московский Кремль», изготовленных в XVIII–XIX вв. на основе сочинения М.В. Ломоносова «Краткий российский родословец».

Завершали экспозицию документы о праздновании 100-летнего юбилея Московского университета и 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова, в том числе об участии крупнейших архивохранилищ – Московского архива Министерства юстиции и Московского главного архива Министерства иностранных дел, а также Троице-Сергиевой лавры, Новоиерусалимского монастыря и Московской синодальной конторы в выставке «Ломоносов и

Елизаветинское время», организованной Академией наук в 1912 г. в Петербурге, и документы ГАРФ и ЦИАМ об увековечении памяти Ломоносова в Российской империи и указ Президиума Верховного совета СССР «О присвоении Московскому государственному университету имени М.В. Ломоносова» в 1940 г.

Архивные документы демонстрировались в комплексе с уникальными альбомами, картами, гравюрами, живописными картинами из фондов архивов и музеев. Посетители увидели портрет М.В. Ломоносова,

выполненный З.К. Церетели, и бюст ученого работы народного художника России М.А. Селиванова. К открытию выставки издательство «Древлехранилище» выпустило каталог «М.В. Ломоносов и его время», а 18 ноября состоялись расширенное заседание научного совета РГАДА и XX Воронцовские чтения, посвященные 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова и 20-летию Воронцовского общества, в котором участвовали ученые из Боровска, Владимира, Иваново, Москвы, Петербурга.

Н.Ю. Болотина,
кандидат исторических наук

* * *

22 декабря 2011 г. в Выставочном зале федеральных государственных архивов состоялась выставка-презентация «Зарубежная архивная Россия. Новые поступления 2010–2011 гг.», организованная Минкультуры России, Росархивом, Государственным архивом Российской Федерации.

Поиск и возвращение на Родину документальных свидетельств жизни некогда покинувших ее наших соотечественников – одно из основных направлений деятельности ГАРФ; нынешнее мероприятие – это очередной отчет архива о целенаправленной работе по собиранию и изучению наследия русской эмиграции.

Экспозиция включала уникальные подлинные документы личного происхождения, в том числе фотографии, эмигрантскую периодику, редкие художественные и научные издания из личных архивов известных в эмиграции персон: политического и общественного деятеля, публициста, историка-архивиста Б.И. Николаевского (1887–1966); представителя «второй» волны эмиграции историка и политолога С.В. Утехина (1921–2004); председателя объединения кадет Российских кадетских корпусов за рубежом А.Б. Йордана; поэтессы, журналистки, члена литературного кружка «Молодая

Чураевка» Л.Ю. Хаиндровой, вернувшейся в СССР после Второй мировой войны.

Были также представлены документы из нескольких фондов архива Свято-Троицкой духовной семинарии Русской православной церкви за рубежом (г. Джорданвилль, США), переданные архиву в 2010–2011 гг. по соглашению с семинарией и составившие самостоятельную коллекцию. Это документы генерала П.Н. Краснова, публициста В.К. Абданк-Косовского, председателя Казачьего союза в США С.В. Денисова, историка и богослова В.А. Маевского, церковного деятеля С.Ляшевского, документы из архива Русского общевойскового союза (РОВС), а также Русской средней школы в Париже (1930-е гг.)

Весьма интересны копии печатных изданий, выходивших в 1920–1930-е гг. в Китае, ставшем пристанищем для многих тысяч русских эмигрантов. В дар архиву их передал исполнительный директор Фонда «Русский мир» В.А. Никонов.

Как и в прежние годы, фонды ГАРФ смогли пополниться новыми документальными материалами благодаря содействию наших соотечественников из разных стран, государственных и общественных организаций, всех, кто считает историю

Русского зарубежья неотъемлемой частью нашей отечественной истории.

На презентации был представлен каталог документов «Русский заграничный исторический архив в Праге – документация» (Прага, 2011) – результат совместной работы сотрудников ГАРФ и Славянской библиотеки (Чешская Республика),

воссоединивших в этом издании историю деятельности одного из крупнейших эмигрантских архивов. Состоялась также торжественная церемония передачи архиву документов Объединения кадет Суворовского кадетского корпуса за рубежом из Свято-Троицкой духовной семинарии Русской православной церкви за рубежом.

Л.И. Петрушева

* * *

Учитывая возросший интерес органов власти и общественности к поисковому движению, Госархив новейшей истории Костромской области и костромской поисковый отряд «Харон» подготовили и 26 сентября 2011 г. провели в здании администрации области выставку **«Народы СССР в борьбе с фашизмом»**, посвященную участию костромичей в Великой Отечественной войне.

Выставка состояла из двух блоков. В первом демонстрировались документы из фондов архива, во втором – вещественные источники, найденные поисковыми отрядами в ходе экспедиций. Среди архивных документов – заявления костромичей с просьбой отправить их на передовую, письма бойцов с фронта, сводки о настроениях населения Костромы, в том числе о готовности оказать воинам необходимую помощь, фотографии бойцов и командиров, а среди экспонатов – личные вещи бойцов

и документы, оружие, фашистские листовки.

Сочетание архивных документов и вещественных источников позволило глубже вникнуть в историю, вызвало у посетителей чувство сопричастности к событиям военных лет. Выставка широко освещалась в местных СМИ; на ней побывали первые лица области, многие горожане. Ее своевременность и актуальность подтвердило повторное экспонирование в здании Общественной палаты Костромской области 22 декабря. Там выставку осмотрели участники Совета по делам национальностей, религий и казачества при администрации Костромской области.

Положительный опыт подтолкнул Госархив новейшей истории к продолжению работы с поисковыми объединениями. В 2012 г. запланирована очередная совместная выставка «Из истории поискового движения в Костромской области».

А.С. Емельянов

Архивисты – дипломанты «Краеведческого марафона-2011» в г. Кирове

Государственный архив социально-политической истории Кировской области является неременным участником различных краеведческих конференций, выставок и конкурсов. Его издания востребованы общественностью, творческой интеллигенцией и используются для патриотического воспитания подрастающего поколения.

В прошлом году архив участвовал в «Краеведческом марафоне-2011» – конкурсе молодежи и специалистов г. Кирова на лучшую работу в области краеведения. Его организовали управление по делам молодежи, физической культуре и спорту администрации города Кирова, Кировская городская медицинская академия, Кировский колледж промышленности и автомобильного

сервиса, Центр детского творчества с изучением прикладной экономики г. Кирова, историко-культурное молодежное научное общество «Самобытная Вятка». Всего поступило 67 работ от 84 конкурсантов.

25 ноября состоялось награждение победителей соревнования, по итогам которого авторские коллективы сотрудников архива получили дипломы I степени за сборник архивных документов о начале Великой Отечественной войны в Кировской области «Испытание войной» в номинации «История Вятского края» и CD-ROM «Городские зарисовки. Киров 1950–1980 гг.» (фотоколлекция из личного фонда К.К. и Б.К. Лысовых) в номинации «История города Кирова».

Г.В. Нагорничных

Памяти Т.В. Кузнецовой

26 декабря 2011 г. на 79-м году после тяжелой продолжительной болезни ушла из жизни Татьяна Вячеславовна Кузнецова – кандидат исторических наук, заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета, бессменная заведующая кафедрой документоведения, член-корреспондент Международной академии информатизации, талантливый педагог и крупный ученый.

Свыше пятидесяти лет (начиная с 1951 г.) жизнь Татьяны Вячеславовны была неразрывно связана с Московским государственным историко-архивным институтом. Здесь она прошла путь от студентки до руководителя кафедры, которую возглавляла более тридцати лет, награждена орденом «Знак Почета», медалью «В память 850-летия Москвы», нагрудным знаком «Почетный архивист».

Татьяна Вячеславовна была в числе авторитетных специалистов, чьим трудом формировалось и развивалось документоведение как научная дисциплина, отдала много сил организации и деятельности первой в нашей стране кафедры документоведения. Под руководством Т.В. Кузнецовой защищено свыше тридцати кандидатских диссертаций. Многие ее ученики стали крупными учеными и профессионалами, преподавателями вузов. Они продолжают развивать научную школу документоведения, признанным руководителем которой в течение многих лет являлась Татьяна Вячеславовна.

Т.В. Кузнецова была автором многочисленных, получивших широкое признание трудов по документоведению и документационному обеспечению управления («Делопроизводство: документационное обеспечение управления», «Кадровое делопроизводство: традиционные и автоматизированные технологии», «Делопроизводство в бухгалтерии» и др.), вдохновителем, организатором и главным редактором журналов «Секретарское дело», «Делопроизводство», членом редколлегии и ведущей раздела «Кадровое делопроизводство» в журнале «Трудовое право». Результаты ее творчества чрезвычайно востребованы студентами, преподавателями, работниками сферы управления.

Память о Татьяне Вячеславовне как талантливом, целеустремленном и энергичном руководителе, коллеге, светлом, доброжелательном и отзывчивом человеке навсегда останется в наших сердцах. Ее нам будет очень не хватать.

**Коллектив кафедры документоведения
Историко-архивного института РГГУ**

Наши авторы

- Васильева Ирина Алексеевна* – заведующая архивным отделом администрации городского округа города-курорта Кисловодска Ставропольского края; kislovodsk-archiv@yandex.ru
- Володин Дмитрий Владимирович* – аспирант Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва; volodin@eos
- Воробьев Александр Владимирович* – ведущий специалист Российского государственного архива древних актов, аспирант Института российской истории РАН, г. Москва; aleksandr_vorobe@mail.ru
- Игумен Дамаскин (Орловский)* – секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых Русской православной церкви, г. Москва; snromanova@gmail.com
- Касанов Антон Сергеевич* – ведущий специалист Государственного архива Кировской области; kasanv@rambler.ru
- Киселева Екатерина Львовна* – заместитель начальника отдела Государственного архива Российской Федерации; ekaterina@kiselev-family.com
- Козлов Владимир Петрович* – д-р ист. наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, г. Москва; Petrovich1949kozlov@yandex.ru
- Коломиец Оксана Петровна* – канд. ист. наук, научный сотрудник Лаборатории комплексного изучения Чукотки Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного отделения РАН, г. Анадырь; kolomiets@nauka.anadyr.ru
- Кринко Евгений Федорович* – д-р ист. наук, заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону; krinko@mail.ru
- Матханова Наталья Петровна* – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; nmatkhanova@mail.ru
- Морозов Виктор Дмитриевич* – председатель Комитета по делам архивов Костромской области, член Союза журналистов России; komarhiv@kmtn.ru
- Петров Петр Михайлович* – начальник Главного архивного управления Московской области; archive@mosreg.ru
- Тажидинова Ирина Геннадьевна* – канд. ист. наук, доцент Кубанского государственного университета, г. Краснодар; tajidinova@yandex.ru
- Тихонов Виталий Витальевич* – канд. ист. наук, научный сотрудник центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН, г. Москва; tihonovvitaliy@list.ru

Шаринов Александр Михайлович – канд. ист. наук, заведующий сектором Главного архивного управления города Москвы, член Союза писателей России; alexshariff@mail.ru

Russian State University for the Humanities

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

**Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации
«Архивная школа»**

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- второе высшее образование по специальностям:

020800 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

350800 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». Срок обучения – 3 года.

- среднее профессиональное образование по специальности

0611 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». Срок обучения – 2,5 года.

- курсы повышения квалификации

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

Формы обучения: очная, очно-заочная, заочная, дистанционная и группы выходного дня

Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы»);
Телефон/факс: (095) 628-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

АРХИВное оборудование, передвижные стеллажи
(495)989-7708 **КОМПЛЕКТ**ация хранилищ,
офисов, библиотек, музеев

*Сообщите нам размеры помещений,
и мы бесплатно вышлем Вам
дизайн-проект их оборудования!*

Стеллажные системы
Тел./факс: (495)989-7708
e-mail: plan@kasten.ru
www.arhivkomplekt.ru

Summary

Kostroma archives during their evacuation, V.D. Morozov

The history of evacuation of the Kostroma branch of the State archive of the Yaroslavl region to Kazan and an everyday life of archivists in days of the Great Patriotic War are presented.

Perfection of insuring the activities of archival institutions of the Moscow region in the conditions of administrative and budgetary reforms, P.M. Petrov

The measures undertaken by the Glavarhiv of the Moscow region on improvement of quality and availability of the state services, introduction of principles and procedures of the performance-based management of archival institutions are named.

Actual problems of scientific publication of memoirs of the XIXth century as historical sources, N.P. Matkhanova

There are designated the most burning problems of scientific publication of memoirs of the XIXth century: absence of the accounting of the published editions, mechanical republication of texts, prevalence of popular editions over scientific ones, non-observance of rules of edition of historical documents by publishers, etc.

From the history of publication of the creative heritage of I.A. Ilyin, A.M. Sharipov

The basic marks in publication of a creative heritage of the Russian philosopher, including the continuing edition "Collected works" with wide use of documents from the archive of I.A. Ilyin (21 volume in 28 books, since 1993), are brought out.

Destinies of prisoners of the Second World War: the range of sources is expanded, E.L. Kiselyova

The results of the source study analysis of three documents from the fund of the Extraordinary State Commission in the State archive of the Russian Federation (the author managed to attribute two of them: the book of an infirmary of Shtalag 352 and a fragment of the book of registration of a crematorium of the branch "Guzen" of the concentration camp "Mauthausen") are generalized; their value for finding out of destinies of prisoners is shown.

Concept of ECM as a cutting-edge technology of the management of information resources of an organization, D.V. Volodin

The detailed analysis of basic points of the concept «Enterprise Content Management» (ECM) as of a universal approach to management of all kinds of information resources of an organization is given, the necessity and the possibility of its application for our country are proved.

Ulozhenie (Code) on organization of the criminal investigation and trial (gubnoe delo) of 1600/01 about the office-work of the Moscow prikazes and the fiscal policy of Boris Godunov, A.V. Vorobiov

The source study analysis of Ulozhenie (Code) on organization of the criminal investigation and trial (gubnoe delo) of the beginning of the XVIIth century under the text of the original "ukaznaya gramota" (decree) to "gubnye starosty" (district elders) of the 14th of October, 1601, remained in the Russian state archive of early acts, is summed up.

Documents of the State archive of the Chukchi autonomous district on the history of trade of indigenous population of Chukotka with American companies in the end of the XIXth – the first quarter of the XXth century, O.P. Kolomiets

The structure and information possibilities of archival documents on development of trading and economic relations on the Chukchi Peninsula and a role of the state (the Russian empire and then the Soviet Russia) in this process are presented.

Documents of the State archive of the Kirov region on the history of public organizations in the Vyatsko-Kamsky region (the last quarter of the XIXth century – the beginning of the XXth century), A.S. Kasanov

Types and a source potential of documents of the State Archive of the Kirov region, enabling to reconstitute the history of appearance and development of public organizations in the Vyatka province of the post-reform period: their structure, activity, relations with the state, etc., are considered.

Dossiers on imputation of crimes to clergy and believers of the Moscow diocese in the archival fund of the Department of the KGB in Moscow and the Moscow region, Abbot Damaskin (Orlovsky)

The organization and results of the analysis of judicial-investigatory dossiers on imputation of crimes to the orthodox clergy and believers (1918-1950), stored in the State archive of the Russian Federation, are exposed.

Kislovodsk municipal archive, I.A. Vasilyeva

The history, structure of funds and the basic lines of activity of the archival department of administration of the city district the city-resort of Kislovodsk are covered.

«I am a historian, indeed...» Letters of V.I. Shunkov from front from the department of manuscripts of the Russian State Library. The 14th of December, 1943 – the 9th of June, 1945, V.V. Tikhonov

Letters of the known historian, lecturer in Field forces V.I. Shunkov to the employee of the Commission on the history of the Great Patriotic War, doctor of historical sciences A.L. Sidorov and his wife G.V. Lebedeva, editor of the «Historical journal», containing data on propagandistic and lecturing work in armies, way of life of population in the countries of the emancipated Europe, opinions about a historical science, a role of the periodical press in the war are published for the first time.